

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ**

**ИНСТИТУТ ЕВРОПЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**БОЛЬШАЯ ЕВРОПА В ГЛОБАЛЬНОМ
МИРЕ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ –
НОВЫЕ РЕШЕНИЯ**

МОСКВА 2013

**Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки**

**Институт Европы
Российской академии наук**

**БОЛЬШАЯ ЕВРОПА В ГЛОБАЛЬНОМ
МИРЕ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ –
НОВЫЕ РЕШЕНИЯ**

**Доклады Института Европы
№ 292**

Москва 2013

УДК 327(4+470+571)
ББК 66.4(2Рос),9(4),60
Б79

Редакционный совет:
Н.П. Шмелёв (председатель),
Ю.А. Борко, Ал.А. Громыко,
В.В. Журкин, М.Г. Носов, В.П. Фёдоров

Под редакцией Ал.А. Громыко (составитель, автор)

Рецензенты:

Борко Юрий Антонович, доктор экономических наук
Галкин Александр Абрамович, доктор исторических наук

Номер государственной регистрации: № 01200905001
«Комплексное исследование развития стран и регионов
Европейского континента на современном этапе»

В подготовке материалов к печати принимала участие
Е.В. Дрожжина

Большая Европа в глобальном мире: новые вызовы – новые решения = Wider Europe in the Global World: New Challenges – New Solutions / [под ред. Ал.А. Громыко (сост., авт.)] . – М. : Ин-т Европы РАН : Нестор-история, 2013. – 144 с. – (Доклады Института Европы = Reports of the Institute of Europe / Федеральное гос. бюджет. учреждение науки Ин-т Европы Российской акад. наук ; № 292). – Парал. тит. л. англ. – ISBN .

Коллективная работа «Большая Европа в глобальном мире: новые вызовы – новые ответы» посвящена проблематике «мягкой силы» России, её историческим образам и современному положению и перспективам Малой Европы (Евросоюзу).

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакционного совета.

ISBN

© ИЕ РАН, подготовка текста, 2013

Russian Academy of Sciences

Institute of Europe RAS

**WIDER EUROPE IN THE GLOBAL
WORLD: NEW CHALLENGES –
NEW SOLUTIONS**

**Reports of the Institute of Europe
№ 292**

Moscow 2013

Аннотация

Коллективная работа «Большая Европа в глобальном мире: новые вызовы – новые ответы» посвящена проблематике «мягкой силы» России, её историческим образам и современному положению и перспективам Малой Европы (Евросоюзу). На страницах издания обсуждаются формирование имиджа России и ЕС, уроки и опыт Византийской цивилизации для современной Европы, роль русского языка и культуры во внешней политике нашей страны. Также в центре внимания – прогнозы развития Малой Европы после кризиса, последствия расширения ЕС и положение в социальной сфере государств-участников, трансформации партийно-политических систем и судьбы ОПБО. Поднимаются насущные вопросы демографии, миграции, мультикультурализма, рассматривается ситуация в отдельных европейских странах.

Annotation

The collective work «Wider Europe in the Global World: New Challenges – New Solutions» is dedicated to the soft power of Russia, to its historical and current images, to the present state of the Smaller Europe (the EU) and its prospects. The authors discuss the making of Russian and European images, legacy and lessons of the Byzantine Empire for the contemporary Europe, the role of Russian language and culture in the foreign policy of this country. Also in the centre of attention – outlines of the post-crisis Europe, consequences of the EU enlargement, the situation in the social sphere, transformations in the party-political systems and developments in the CSDP. The topics of demography, migration, multiculturalism, situation in particular European countries are covered as well.

СОДЕРЖАНИЕ

1 часть. «Мягкая сила» России и её исторические образы

<i>Громыко Ал.А.</i> Русский язык и культура в политике «мягкой силы» России.....	9
<i>Рар А.</i> «Конфликт цивилизаций, возможно, только начинается».....	16
<i>Белов В.Б.</i> Сложный путь формирования исторического образа/имиджа ЕС.....	20
<i>Якушев М.И.</i> Приветственное слово на Родосском форуме... ..	28
<i>Pabst A.</i> The Pan-European Commonwealth: the heritage of Byzantium and the future of Europe beyond the EU.....	29
<i>Рубинский Ю.И.</i> Мифы и реалии «византийского призвания» России.....	50

2 часть. Малая Европа: есть ли свет в конце туннеля?

Общие проблемы Малой Европы

<i>Фёдоров С.М.</i> Контуры посткризисной Европы (попытка мини-прогноза).....	54
<i>Браницкий А.Г.</i> Расширение Евросоюза и углубление европейской интеграции в начале XXI в.	59
<i>Говорова Н.В.</i> Европейский опыт решения социальных проблем в период экономического кризиса.....	70
<i>Дорохов В.Г.</i> Информационный повод как средство влияния на фондовые рынки Европы(2008–2012 гг.).....	77

Границы государственные, политические, ментальные

<i>Войников В.В.</i> Кризис в Европе и проблема реформирования законодательства в сфере европейского пространства свободы безопасности и правосудия.....	82
<i>Барыгин И.Н.</i> Эволюция крайние правых политических партий в современной Европе.....	93

<i>Камкин А.К.</i> Демографические процессы, миграция и рынок труда в Западной Европе (на примере ФРГ).....	103
<i>Большова Н.Н.</i> Кризис мультикультурализма в Европе и кризис европейской интеграционной политической модели: есть ли связь?.....	110

Вопросы европейской безопасности

<i>Марчуков А.Н.</i> Проблемы формирования ОПБО ЕС на современном этапе.....	117
<i>Peter W. Schulze.</i> What kind of Europe is possible in the future?.....	123

Страновые аспекты

<i>Тимофеев П.П.</i> Внешнеполитические перспективы Франции после выборов 2012 г.	128
<i>Власова К.В.</i> Истоки и уроки греческого кризиса.....	133

CONTENTS

Part 1. Soft Power of Russia and Its Historical Images

<i>Gromyko A.I.A.</i> Russian language and culture and the policy of Soft Power.....	9
<i>Rahr Alexander.</i> The conflict of civilizations seems just to begin.....	16
<i>Belov V.B.</i> Historical images of the EU – the difficult process of construction.....	20
<i>Якунин M.H.</i> Welcome remarks at the Rhodes Forum.....	28
<i>Pabst A.</i> The Pan-European Commonwealth: the heritage of Byzantium and the future of Europe beyond the EU.....	29
<i>Rubinskiy Yu.I.</i> Myths and realities of the «Byzantine mission» of Russia.....	50

Part 2. Smaller Europe: is there light at the end of the tunnel?

General Problems of Smaller Europe

<i>Fuodorov S.M.</i> Outlines of the post-crisis Europe.....	54
<i>Branizkiy A.G.</i> Enlargement of the EU and the deepening of the integration.....	59
<i>Govorova N.V.</i> Europe in economic crisis: social problems and their solution.....	70
<i>Dorokhov V.G.</i> Information pretext as a means of influence on the European stock markets (2008–2012).....	77

State, Political, Mental Boundaries

<i>Voinikov V.V.</i> Europe in crisis and reforms in the sphere of freedom, security and justice.....	82
<i>Barygin I.N.</i> Evolution of the Radical Right in contemporary Europe.....	93
<i>Kamkin A.K.</i> Demography, migration and the Labour market in Western Europe (the case of Germany).....	103

Bol'shova N.N. The crisis of multiculturalism in Europe
and the crisis of the political integration model:
is there a link?..... 110

Issues of European Security

Marchukov A.N. Construction of CSDP and its current
problems.....117

Peter W. Schulze. What kind of Europe is possible
in the future?..... 123

National Politics

Timofeev P.P. The French foreign policy after
2012 elections..... 128

Vlasova K.V. Roots and lessons of the Greek crisis..... 133

1 ЧАСТЬ. «МЯГКАЯ СИЛА» РОССИИ И ЕЁ ИСТОРИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ

Ал.А. Громыко*

РУССКИЙ ЯЗЫК И КУЛЬТУРА В ПОЛИТИКЕ «МЯГКОЙ СИЛЫ» РОССИИ

О «мягкой силе» говорят и пишут уже много лет и, казалось бы, добавить к этому что-то новое весьма сложно. Но это в теоретическом, концептуальном плане. Когда же дело доходит до анализа практического использования такой категории, то проблем и неясного, действительно, много. Многие считают, что «мягкая сила» – это продукт современности, постбиполярного мира. На самом деле, это не так. В той или иной мере она присутствовала в арсенале внешней политики ведущих держав не только в XX в., но и задолго до него. По-сути, это способность государства распространять влияние за рубежом с помощью привлекательности той или иной стороны своей модели развития, а не с помощью применения насилия или давления.

С помощью «мягкой силы» нельзя что-либо навязать; максимум, что можно сделать, это предложить, презентовать иным народам и культурам что-то такое, что привлечёт их внимание и этим «заставит» проявить интерес к твоей стране. И чем больше она в той или иной степени привлекательна, тем больше может пользоваться возможностями, которые именуются собирательным термином «мягкая сила». Что, действительно, изменилось со временем, так это соотношение между «жесткой» и «мягкой силой» в инструментарии внешней политики государства. В начале XXI в. именно последняя вышла на первый план с точки зрения позиций той или иной страны на мировой арене.

Но здесь не так всё просто. «Мягкая сила» не возникает сама собой. Например, культура или наука. В этих областях в какой-либо стране может быть много достижений и замечательного, но если государство или общество не будет целенаправленно и

---

* Громыко Алексей Анатольевич, д.полит.н., зам. директора Института Европы РАН, руководитель Европейских программ Фонда «Русский мир».

осмысленно доносить информацию об этих достижениях и о возможностях пользоваться ими представителям других народов, то эти достижения не превратятся в «мягкую силу». Как и наоборот, достижения в одной стране могут стать востребованными в другой, но не принести никаких благ первой.

Скажем, если талантливые учёные переезжают на постоянное место жительства за рубеж из-за отсутствия возможностей реализовать свой потенциал на родине, то они не станут проводником её «мягкой силы», а в лучшем случае – нового государства, в котором оказались. Их дальнейшая деятельность будет приносить блага не тому обществу, в котором они состоялись как учёные, а чужому. Один из ярких примеров – судьба Игоря Ивановича Сикорского. То же можно сказать и о культуре. Иностранной литературой, живописью, поэзией и т.д. могут восторгаться, но если их творцы напрямую не ассоциируются со страной, в которой сформировались их таланты, то ей от этого не будет большой пользы. Так, творчество Рудольфа Нуриева принесло больше славы иностранным сценическим площадкам, чем советским.

Но не менее бесперспективно и другое – попытка реализовать «мягкую силу», если на самом деле за её фасадом ничего не стоит. Если вам в принципе нечем «удивить мир», то максимум, чем вы можете заниматься – это пропагандой, улучшением образа и привлекательности своей страны за счёт искусной демагогии.

Задолго до того, как в России разговоры о категории «мягкой силы» стали приводить к созданию действенных структур по её продвижению, многие другие государства активно действовали в этом направлении. «Бритиш каунсл», Институты Сервантеса, Гёте, Данте, Конфуция, «Альянс Франсез», германские партийно-политические фонды и многие-многие другие организации – кто давно, а кто недавно, системно и систематически решают именно такие задачи. Чтобы такие механизмы работали, необходим целый ряд «ингредиентов», включая осознание проблемы и государством, и гражданским обществом.

Бесспорным претендентом на главный двигатель «мягкой

силы» России является русский язык и культура. В этом смысле у России нет недостатка в «фундаменте» для проведения такой политики, более того, у неё в этом – огромный потенциал. Говоря современным языком, русский язык и Русская культура – мировые «бренды», которые в большей или меньшей степени знакомы многим миллионам людей по всему земному шару, и, конечно, не только русскоязычным. Но если эти «бренды» не продвигать, то они увядают и перестают играть какую-либо значимую роль в проекции влияния данного государства за рубежом. Что во многом и случилось с российскими «козырными картами» мировой привлекательности после развала Советского Союза.

Как известно, не бывает плохого без хорошего. «Тёмное облако» превращение России и шире – Русского мира – в диаспоральную категорию в последние десятилетия по мере того, как по разным причинам за рубежом страны оказались десятки миллионов носителей русского языка и культуры, имело в чём-то и свою «светлую полосу». Теперь у политики «мягкой силы» России потенциально появились её проводники по всему миру. И опять же, эту потенциальную возможность для усиления влияния в мире можно как реализовать, так и растратить. Как в последние годы протекают процессы бытования Русского мира в наиболее близком нам по цивилизационным характеристикам регионе – западно- и центрально-европейском?

Малая Европа (страны к западу от бывших европейских границ Советского Союза, а также Прибалтика) сохраняет характерную для неё специфику зарубежной части пространства Русского мира «дальнего зарубежья» с самой высокой плотностью русскоязычного населения. Соответственно этот регион насыщен большим количеством организаций, объединений, ассоциаций, в той или иной степени являющихся состоявшимися или потенциальными партнёрами России в деле продвижения её «мягкой силы». По сравнению с другими регионами мира Европейский по территории достаточно компактен, однако отличается большим разнообразием и особенностями входящих в него государств и их групп.

Он состоит из порядка 40 стран, включая карликовые. На их территории проживает ок. 10 млн русскоязычных, выходцев с

постсоветского пространства. Среди них – представители всех волн Русской эмиграции, среди которых самой многочисленной стала четвёртая, прокатившаяся по Европе (и миру) после распада Советского Союза. Малая Европа с точки зрения бытования Русского мира подразделяется на несколько групп государств: прибалтийские, государства Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы, скандинавские страны, остальные континентальные и островные государства.

Всех их объединяет то, что фактически Европейский регион представляет в последние 20 лет территорию формирования наиболее многочисленной части Русской диаспоры. Происходит это, во-первых, потому что значительная часть выходцев с постсоветского пространства не смотрят на Россию, как на «отрезанный ломоть»; во-вторых, потому что сама Россия в корне изменила свою политику в отношении соотечественников и русскоязычных, увидев в них мощный потенциал как распространения своего влияния за рубежом, так и ресурс для своего внутреннего развития; в-третьих, потому что в современной Европе, особенно в рамках Евросоюза, максимально упрощена мобильность рабочей силы, сильно развиты средства коммуникации, передвижения, что создаёт благоприятные условия для развития центростремительных процессов, перешагивающих национальные границы.

Действительно, в Европе активно действуют и развиваются международные русскоязычные структуры, например, на базе Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ), приходов Русской православной церкви, сети школ дополнительного образования (наиболее крупная – «Евролог»), Координационных советов российских соотечественников, международного молодёжных форумов, сети КВН и т.д.

Специфика прибалтийской группы стран в том, что это единственная часть постсоветского пространства, которая фактически перешла в разряд «дальнего зарубежья». В то же время именно здесь процент русскоязычного населения – самый высокий в мире за пределами СНГ. Острота проблем Русского мира здесь проистекает из этнократической политики правящих элит (в ос-

новном это касается Латвии и Эстонии). Этим же объясняется и высокая политическая, общественная, гражданская активность соотечественников и русскоязычных.

Государства Восточной и Юго-Восточной Европы объединены историей тесных связей с Россией, особенно в советский период. Они стоят на втором месте после Прибалтики по распространению русского языка как среди титульных наций (это уже в основном представители старшего поколения), так и среди иммигрантов с постсоветского пространства. Наиболее активную роль в сотрудничестве с Россией по поддержке русского языка и культуры играют различные общественные и образовательные организации Болгарии, Польши, Венгрия. В Румынии большое значение для сохранения русского языка и популяризации русской культуры играет община русских-липован. В последние годы всё большую активность проявляют русисты в странах бывшей Югославии, включая Сербию, Республику Сербска (Босния и Герцеговина), Македонию, Хорватию, Черногорию.

В центрально- и западноевропейских государствах широко представлена не только четвёртая волна эмиграции, но и её предшественники. Особое положение с точки зрения Русского мира здесь занимает Германия, в которой проживает более 3 млн русскоязычных. За ней по количеству русскоязычных следуют Великобритания – порядка 400 тыс. чел., Франция и Италия. Отличительная особенность Германии – высокая активность как соотечественников, так и коренных немцев. Среди организаций в их среде выделяются Союз федеральных земель «Восток – Запад», Германо-российский форум, Германо-российский фестиваль. Обращают на себя внимание трудности по продвижению сотрудничества в языковой сфере с Францией в результате достаточно жёсткой политики этой страны в сфере защиты французского языка. Несмотря на это, в стране действует большое число общественных организаций, популяризирующих русский язык и культуру, в том числе Ассоциация «Франция–Урал». Под Парижем действует уникальный по своему формату проект Православной семинарии.

В Испании, где проживает большое количество русскоязычных, не говоря уже о привлекательности этой страны с точки

зрения туризма, активно работают несколько центров русистики. Ведущие из них располагаются в Гранадском государственном университете и в Барселоне (Центр русского языка и культуры им. А.С. Пушкина). Португалия по своей значимости для российской политики «мягкой силы» до недавнего времени находилась в тени Испании. Однако в последние годы и здесь по линии академического, языкового, культурного сотрудничества ситуация заметно изменилась к лучшему. Большая заслуга в этом русистов из университета Коимбра и университета Миньо (г. Брага).

Плодотворно развиваются двусторонние отношения в сфере культуры, науки, лингвистики с Италией. С итальянской стороны большой вклад в их развитие вносят русисты из Рима и Пизы, Милана и Неаполя, Падуи и Вероны. В последней на базе Ассоциации «Познаём Евразию», руководителем которого является Почётный консул РФ А. Фаллико, действуют одни из крупнейших в стране курсов русского языка. Видной площадкой на севере Италии по популяризации русской истории и культуры стал Центр им. Бородиной в г. Мерано (автономная провинция Больцано). Русистика существует и на островной части страны – в университетах Сардинии и Сицилии.

По активности деятельности любителей русского языка и культуры с Италией может сравниться Великобритания. Именно здесь, на Трафальгарской площади, ежегодно проходит самый крупный фестиваль Русской Масленицы в Европе. Именно здесь собирается крупнейший форум поэтов Русского зарубежья в рамках фестиваля «Пушкин в Британии». Традиционной площадкой для презентации различных аспектов русской культуры является лондонская общественная организация «Пушкин-хаус». Среди университетов в сфере российских исследований и изучения русского языка выделяются Эдинбургский, Оксфордский, Кембриджский, Даремский, университет Глазго. В русле нормализации политических отношений между Россией и Британией новый импульс получило и сотрудничество в сфере языка и культуры. 2014 г. объявлен Перекрёстным годом Россия – Великобритания, который будет сопровождаться десятками крупных мероприятий в обеих странах.

Надо сказать, что Перекрёстные годы уже давно играют важную роль в политике «мягкой силы» России, как, впрочем, и «перекрёстных» стран. Так, в 2013 г. такой формат действует между Россией и Нидерландами. К этому был приурочен недавний визит в эту страну президента России В.В. Путина. В Амстердаме работает уникальный «Эрмитаж на Амстеле» – филиал знаменитого музея Петербурга в Голландии, действует Центр русского языка в университете г. Гронинген. Ежегодно недалеко от Гааги, в городке Нордвейк-ан-Зее, проходит церемония награждения премией «Руспри» за выдающийся вклад в развитие отношений, в том числе в области культуры, между двумя странами.

Проекция культурной составляющей российской политики «мягкой силы» пока довольно слабо ощущается в Скандинавском регионе. Объясняется это в первую очередь тем, что русскоязычное меньшинство здесь сравнительно небольшое, и, кроме того, в этих странах ассимиляционные процессы до недавнего времени проходили особенно заметно. Однако и здесь в последние годы наметились положительные сдвиги. На русском языке выпускаются газеты и журналы, действуют русские школы дополнительного образования. Русистика существует даже в Исландии.

Среди российских организаций наиболее масштабные усилия в сфере «мягкой силы», в частности в поддержке русского языка и культуры за рубежом, предпринимают негосударственный Фонд «Русский мир», федеральное агентство Россотрудничество, МАПРЯЛ, Дом Русого зарубежья им. А. Солженицына, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, русисты МГУ им. М.В. Ломоносова, СПбГУ, РУДН и др. Уже более 10 лет при помощи России действует международный общественный форум «Диалог цивилизаций» со штаб-квартирой в Вене, который ежегодно проводит крупные конференции на о. Родос. Велика роль российских Центра национальной славы и Фонда им. св. Андрея Первозванного в поддержке за рубежом русского православия, поддержания памяти о вкладе Русского мира в дореволюционную европейскую историю.

В последние годы Россия, наконец, стала осмысленно заниматься политикой «мягкой силы», в том числе на государствен-

ном уровне, действуя в этом как официальные, так и общественные организации и структуры. У неё много проблем, но не меньше и достоинств, о которых надо не забывать самим и уверенно предъявлять остальному миру. Определённые успехи на этом направлении уже есть. Среди инструментов «мягкой силы» лингвистическое и культурное измерение мировой политики – одно из ведущих. В этой сфере необходимо и дальше работать не покладая рук.

А. Пар*

КОНФЛИКТ ЦИВИЛИЗАЦИЙ, ВОЗМОЖНО, ТОЛЬКО НАЧИНАЕТСЯ

Новые конфликты сотрясают отношения Запада и России. Многим кажется, что взаимопонимание и связь между Западом и Востоком безнадежно утрачены. Идея общего европейского дома умерла. Новая линия фронта проходит между Евросоюзом и тремя восточнославянскими государствами. При этом споры Запада с Россией, Украиной и Беларусью не касаются геополитики или вопросов безопасности. Конфликт происходит на почве либеральных ценностей, а если посмотреть внимательно, то из-за разных мировоззрений. Запад давно живёт в постхристианском мире, в то время как Россия пытается развиваться в духе неохристианства, после коммунистического преследования религии в течение почти всего XX в.

В среде западных интеллектуалов не считается дурным тоном глумиться над собственной религией, вековыми церковными традициями и священнослужителями. Либеральное немецкое законодательство запрещает религиозный обряд обрезания и разрешает публиковать карикатуры на пророка Магомета. В России всё иначе. Здесь никто открыто не пишет, что Бога нет. Исчезли издевательства над религией. Даже неверующие россияне симпатизируют религии, понимая, что возвращение к традиционным корням – залог оздоровления нации. В СМИ наблюдается уважительное отношение к церковнослужителям,

---

* Пар Александр, немецкий журналист, политолог, член Валдайского клуба.

которых перестали называть «служителями культа». Патриарх всей Руси занимается напрямую внешней политикой, об этом свидетельствуют его небезуспешные поездки в Сирию, Украину и Польшу.

Для России это хорошо, для Запада – немыслимо. На Западе не поверили своим глазам, когда сотни тысяч россиян пришли в храмы поклониться перед афонской святыней «поясом Богоматери», о котором на Западе давно позабыли. Когда группу «Пусси Райот» судили в Москве, сотни представителей западной творческой интеллигенции потребовали их медленного освобождения, потому что, мол, скандально-протестное «шоу» панк-девиц в Храме Христа Спасителя являлось «легитимным выражением искусства». Аргументы христианских кругов в России о том, что панк-группа осквернила своим позорным выступлением священное место церковного амвона, где во время литургии причащаются верующие для «прощения грехов», на Западе только послужило поводом для обвинения России в мракобесии и возвращении в средневековье.

Но суть конфликта не только в разном мировоззрении, а в том, как это отражается на большой политике. Сто лет тому назад коммунисты, придя к власти в России, стремились экспортировать идею пролетарской революции на Запад. Ленин и Троцкий свято верили в то, что их революция справедливая и освободит человечество от векового рабства. Сегодня Запад считает себя в полном праве экспортировать свою идею либеральной революции по всему миру. На Западе тоже свято верят в то, что демократия и права человека – универсальные ценности всего человечества, и что свободу надо внедрять, если надо, силой. В открытую это на Западе никто не скажет, но западные интеллектуалы считают «авторитарный режим Путина» нелегитимным. Они надеются на то, что в России к власти придёт более «просвещённое» поколение, и тогда сотрудничество возобновится по сценарию, какой нравится Западу. На упрёки российской элиты, что Запад подрывает принципы государственного суверенитета и таким образом нарушает международное право, следует ответ: мировой порядок изменился, и когда где-то нарушаются права человека, у либерального Запада есть моральное право вмеша-

ваться во внутренние дела других государств, защищая слабых от произвола диктаторов.

Суть конфликта Запад, с одной стороны, и России – Украины – Беларуси, с другой, усугубляется ещё тем, что западные интеллектуалы отстаивают свои позиции безапелляционно, не признавая альтернативного мнения. Россию, Украину и Беларусь не просто критикуют за то, что их политический строй не похож на систему западных демократий, а их резко осуждают, дают санкциям и заставляют меняться. И что получается? Вместо общего европейского дома между Евросоюзом и Россией вот уже пять лет как заморожен Договор о партнёрстве и сотрудничестве. Из-за тюремного срока Юлии Тимошенко Евросоюз заморозил ассоциированное членство Украины в ЕС; против Белоруссии выдвигают новые санкции после того, как власти возмутились сбрасыванием провокационных листовок из самолёта над территорией их страны. Евросоюз наотрез отказывается проявлять толерантность к государствам, где, по его мнению, нарушаются элементарные права человека. Европа приняла в отношении этого агрессивную риторику.

Идея свободы, причём достаточно абстрактная, возведена на Западе в ранг новой религии. У неё появились свои «иконы» – бывшие борцы за свободу, узники нацистских концлагерей и правозащитники эпохи коммунизма. Такой «иконой», которая «сражалась со злом», является новый федеральный президент Германии Йоахим Гаук, тоже правозащитник из бывшей ГДР. Россия, Украина и Беларусь пошли по другому мировоззренческому пути, не проклиная и не осуждая всё, что их народы пережили при коммунизме. Поэтому у них нет подобных «икон» свободы. Хорошо это или плохо – другой вопрос.

Ещё одна существенная разница: России недавно справляла 200-летие победы в первой Отечественной войне против Наполеона. Каждый год Россия вспоминает годовщину победы в Великой Отечественной войне над фашистской Германией. Эти события Россия отмечает без Запада. Там другая история. Идеи французской революции – та же свобода – и наполеоновское право легли в основу создания современных демократических систем в США и Европе. Россию, после победы над Наполео-

ном, как известно, западные державы опять вытолкнули из Европы. На протяжении всего XIX в. Россия в глазах Запада олицетворяла оплот консерватизма и реакции. Мировозренческие конфликты в конце концов привели к геополитическим спорам, а те – к Первой мировой войне. Что касается Второй мировой войны, то в глазах Запада её главным победителем были США, которые в последствии принесли Западной Европе свободу. Эту свободу США отстаивали для Западной Европы во время холодной войны, за что западные интеллектуалы ещё долго готовы преклонять голову перед Америкой. Россию тем временем опять выталкивают из Европы.

В середине 1960-х гг. в Западной Европе вспыхнула студенческая революция. Она перешла в более широкую, «сексуальную революцию». В западную культуру вошли мини-юбки, искусство порнографии, появилось движение хиппи. Новое поколение на Западе в буквальном смысле завоевывало для себя полную свободу. Поколение революционеров 1960-х гг. – это сегодняшние европейские интеллектуалы, правда уже в зрелом возрасте. Они сильно разочаровались в левой идеологии, в своём мировоззрении напрочь похоронили коммунизм, к которому они в советское время не без симпатий присматривались. Россия, которая «предала» левую марксистскую идею и сейчас как будто возвращается к неохристианству, дореволюционным царским традициям и идее национального государства, для этого рода западных интеллектуалов чуть ли ни воплощение ада.

Чем всё закончится? Конфликт цивилизаций, возможно, только начинается. Вряд ли можно ожидать, что в России вот-вот сменится власть в пользу либералов и прозападников, которые находятся в меньшинстве. На Западе политика экспансии либеральных ценностей будет набирать силу, поскольку европейские элиты не на шутку испугались потери своего политического превосходства на мировой арене в связи с усугубляющимся экономическим кризисом. Азия быстро обгоняет Европу. Фактор «универсальных ценностей» будет впредь приобретать защитную функцию для слабеющего глобального влияния Европы. Это, однако, никак не означает, что Россия должна перейти на сторону Азии в цивилизационном конфликте с Европой.

Она должна и будет модернизироваться, но, по-видимому, на базе своих традиций и ценностей. Неплохо было бы остальной Европе показать, что российское православие – если хотите и российский ислам – весьма способны внести свой вклад в построение будущей свободной Европы.

В.Б. Белов*

СЛОЖНЫЙ ПУТЬ ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗА/ИМИДЖА ЕС

Если исчислять историю Евросоюза с создания Европейского объединения угля и стали (ЕОУС), то летом 2012 г. ему исполнилось 60 лет. Частично к годовщине была приурочена и Нобелевская премия мира, присуждённая ЕС в октябре того года. При её обсуждении члены комитета в Норвегии во многом обращались к послевоенной истории организации – за последние шесть десятилетий европейцам удалось не только преодолеть последствия Второй мировой войны, но и создать условия, при которых военный конфликт между странами, входящими в Евросоюз и когда-то бывшими непримиримыми врагами, теперь вряд ли возможен. Этот невероятный факт мало кто оценивает по достоинству – за относительно короткий исторический период удалось преодолеть вековую вражду западноевропейских держав, а один из бывших традиционных агрессоров – Германия – стал основным гарантом мира и стабильности на европейском континенте.

Нобелевская премия ещё раз напомнила мировому сообществу, что у ЕС есть своя история, включая и историю того, как менялось восприятие послевоенной эволюции Европы её внутренним и внешним окружением – от восторженных реляций 1970–1990-х гг. до резкой критики еврозоны и пессимизма в отношении её судьбы в настоящее время.

Например, Ф. Лукьянов, рассуждая у судьбах ЕС, пишет: «... имидж Европейского союза как невероятно успешного и ис-

---

* Белов Владислав Борисович, к.э.н., зав. Отдела стран и регионов ИЕ РАН, рук. Центра германских исследований ИЕ РАН.

торически беспрецедентного проекта настолько прочен, что любая попытка поставить его под сомнение встречает в ответ негодование. Аргумент, который приводится в доказательство временного характера нынешних трудностей, заключается в том, что за десятилетия интеграции европейский проект пережил не один кризис и неизменно выходил из них окрепшим и более устойчивым»¹.

В этом контексте можно утверждать, что у исторического образа ЕС есть минимум четыре составных части. Во-первых, история успеха. Во-вторых, история объединения, основанного на демократических принципах и равноправии всех двадцати восьми членов. В-третьих, консенсус в отношении прошлого, ключевым элементом которого до сих пор является память о Холокосте и нацизме. В-четвёртых, ЕС исторически воспринимают как организацию, положившую в основу своего внешнеполитического влияния «мягкую силу»².

Однако разразившийся в 2010 г. кризис еврозоны развернул новую дискуссию. Эксперты стали говорить о том, что история успеха потускнела и наряду с неудачами в валютной интеграции провален проект общеевропейской конституции, появились призывы пересмотреть принципы функционирования Шенгенской зоны. Закономерно ставят вопрос о том, что именно, когда и почему в истории ЕС пошло не так³. Одновременно один за другим выходят мрачные прогнозы⁴, оказывая непосредственное влияние на формирование исторического образа Европы.

---

¹ Лукьянов Ф. Европа разного сорта. URL: <http://www.gazeta.ru/column/lukyanov/701173.shtml> (дата обращения: 29.12.2012).

² Миллер А. Коллективная память — одна из опор ЕС? Pro et Contra. 2012, январь-апрель. С. 43-49. URL: http://carnegieendowment.org/files/ProEtContra_54_43-49.pdf (дата обращения: 29.12.2012).

³ Там же.

⁴ Например, Лукьянов Ф. считает, что «вероятно, в скором будущем кому-то придётся первым сказать о том, что Европейский союз больше никогда не будет таким, каким его представляли совсем недавно... Фрагментация ЕС и его превращение в “Европу многих скоростей”, а если быть менее политкорректным — расслоение на государства первого, второго, а возможно, и третьего сорта, неизбежны... Универсалистский подход, на котором основывалась европейская политика, может смениться своеобразным изоляционизмом. А идея солидарности — принципом “спасение утопающих — дело рук своих утопающих”» (Лукьянов Ф. Цит. соч.).

Здесь стоит обратиться к некоторым теоретическим постулатам. Исторические корни, причины и обстоятельства внешнего восприятия историко-культурных и политико-правовых (государственных) пространств многогранны. Они зависят не только от исторической памяти, но и от воспитания и образования, от принадлежности к социальному слою, от актуальных двусторонних и многосторонних отношений, от официальной политики этих пространств и их составных частей. При этом надо различать понятия «имидж» и «образ». Имидж – продукт целенаправленной политики государства (пропаганды), другими словами, субъективная субстанция, однако в его основе лежит образ – некая объективная картина историко-культурного и политико-правового (государственного) пространства, формируемая историей его существования, в том числе и историей развития отношений внешнего мира с ним. Эту картину субъективно и по-разному воспринимают в других пространствах; она постепенно меняется в течение десятилетий и столетий. Некоторые её составные части сохраняются, другие с течением времени исчезают. Одни части становятся архетипами, другие – стереотипами⁵. Есть фундаментальные образы, которые формируются и остаются относительно неизменными веками. Процесс их формирования и трансформации крайне длителен. Особое влияние оказывают образы, отражающие поворотные моменты истории. Кумулятивный эффект таких образов может укреплять образы-архетипы, а может постепенно их размывать.

Историческая память избирательна. Значимые, существенные исторические факты, события наиболее важны при формировании внутреннего и внешнего образа государственного пространства и его субъективного восприятия гражданами по сравнению с его общей историей. Французский социолог Морис Хальбвакс (Maurice Halbwachs) указывал на то, что индивиду доступны два типа памяти – индивидуальная и коллективная. В зависимости от того, соотносится ли он с той или другой из них, он занимает две совершенно разные и даже противополож-

---

⁵ См., например: Alexej Gromyko. Bilder eines Landes: zwischen Stereotypen und Vorurteilen. Deutsche und russische Spiegelbilder. Was halten, was erwarten wir voneinander? 10. Potsdamer Begegnungen. Berlin. 2008. S. 80-83.

ные позиции. С одной стороны, его воспоминания вписываются в рамки его личности или его личной жизни. Даже те из этих воспоминаний, которые он разделяет с другими, индивид рассматривает лишь с той стороны, с которой они затрагивают его в его отличии от других. С другой стороны, в определенные моменты индивид способен вести себя просто как член малого или большого сообщества (группы), вызывая в памяти и поддерживая безличные воспоминания в той мере, в какой они затрагивают его сообщество (группу). Эти две памяти часто проникают друг в друга. Например, индивидуальная память может опереться на память коллективную, чтобы подтвердить или уточнить то или иное воспоминание или даже чтобы восполнить кое-какие пробелы. Затем вновь погрузиться в коллективную память и на короткое время слиться с ней. И, тем не менее, индивидуальная память идёт по собственному пути, а весь этот внешний вклад постепенно усваивается и встраивается в неё.

Коллективная память оборачивается вокруг индивидуальных памятей, но не смешивается с ними. Она развивается по собственным законам. Даже если иногда в неё проникают и некоторые индивидуальные воспоминания, они видоизменяются, как только помещаются в целое, которое уже не является сознанием личности⁶. Особенности автобиографической памяти и исторической памяти в том, что первая использует вторую, поскольку история нашей жизни также является частью истории. Но историческая память, естественно, шире первой. Она представляет нам прошлое в сокращённой и схематичной форме, причём конкретное представление этой исторической памяти зависит от того, в какой мере она накоплена индивидуумом (передана ему).

Не существует исследований, которые бы давали основания утверждать, что именно – конкретно с исторической точки зрения на уровне индивидуального и коллективного сознания, на уровне автобиографической и исторической памяти – в наиболее решающей степени определяет восприятие образа конкрет-

---

⁶ См.: Морис Хальбвакс «Коллективная и историческая память». Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html> (дата обращения: 29.12.2012).

ного государственного пространства внутренним и внешним сообществом⁷.

В.Е. Морозов подчёркивает, что процесс самоидентификации любого политического сообщества, будь то нация-государство или наднациональное объединение (вроде ЕС), имеет временное, этическое и пространственное измерения, где особая роль принадлежит общей истории, определённой совокупности представлений о внешнем мире и об общем благе. В их рамках происходит соотнесение коллективного прошлого, настоящего и будущего с определённой системой ценностей, которые и служат основой политического единства⁸. При этом ключевым в дискурсе идентичности Евросоюза долгое время был именно исторический аспект. Важнейшей представлялась самокритичная рефлексия по поводу прошлого Европы, включая значение европейской идеи, ставилась задача преодолеть наследие двух мировых войн, не допустить к власти диктатуры, угрожающих миру.

В послевоенный период идентичность формировалась в отсутствие необходимости использовать для этого образ внешнего врага, «поскольку линия антагонизма, приводившего в движение весь механизм создания объединённой Европы, проводилась между настоящим и недавним прошлым политического субъекта, который таким образом обретал существование. Европа как бы создавала себя заново, поскольку не хотела повторять собственные фатальные ошибки»⁹. С окончанием периода холодной войны временное и пространственное измерения идентичности, по мнению Морозова, поменялись местами. Теперь ЕС обретает себя не в критическом осмыслении истории, а в том, что он в собственных глазах превратился в «образцовое этическое пространство». Идентифицируя себя в своих нынешних культурно-исторических и политико-правовых границах с Европой в целом, он считает, что стал единым европейским пространством и тем самым возвратил себе утраченную целостность.

---

⁷ См. также: Belov V. Historical Perceptions of Germany in Russia. Constructing identities in Europe. German and Russian Perspectives. Krumm R., Medvedev S., Schroeder H.-H. (eds.). SWP. Nomos. 2012. P 83-96.

⁸ Морозов В.Е. Европа: ориентация во времени и пространстве. «Россия в глобальной политике». № 3, Май-Июнь 2008. URL: (дата обращения: 29.12.2012).

⁹ Там же.

Однако адекватного отображения в целенаправленном формировании нового имиджа Евросоюза данная ситуация пока не получила.

В основе европейской цивилизационной матрицы лежат христианско-иудейские ценности. Одновременно в ней существуют отдельные зоны специфичных культурных менталитетов, таких, например, как западно-, центрально-, и восточноевропейский, в том числе основанных на православии. Разница менталитетов, политических традиций и экономических возможностей создаёт внутри геополитического поля ЕС неоднородное пространство, которое условно может быть представлено в виде западной, центральной и восточной частей, образующих своеобразную триаду. В её рамках государства Центральной и Восточной Европы, ставшие членами ЕС в начале текущего века, также представляют разные политические, экономические и культурные сегменты.

Н.Н. Клочко указывает на то, что региональная и культурно-историческая дифференциация Евросоюза за последнее десятилетие усилилась и определяет сегодня трёхкомпонентность его образа. Каждая из составляющих такой триады представляет собой систему координат и имеет собственную систему интерпретаций. Это даёт возможность использовать общеевропейское культурное наследие (включая византийский опыт) и коллективной памяти как одну из основ консолидации находящегося в кризисе Евросоюза¹⁰.

По мнению Е.Е. Мухиной, существует три воображаемых образа ЕС¹¹. Во-первых, это Европа государств (state Europe). Он представляет собой образ Европейского союза как объединения либерально-демократических государств, которые передают часть полномочий наднациональным институтам ЕС для достижения общих целей. Этот образ соответствует государство-центричной картине мира и характеризуется плюралисти-

---

¹⁰ Клочко Н. Н. Образы Европы в современных национальных дискурсах (на примере антропоморфной метафоры). URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/klochko-06a.htm> (дата обращения: 29.12.2012).

¹¹ Мухина Е.Е. Конститутивная функция норм и ценностей в формировании международной идентичности Европейского Союза. Нижегородский журнал международных исследований. Осень-Зима 2008. С. 8-12.

ческим подходом, основанном на представлении о том, что международное сообщество создается многообразием государств, каждое из которых культивирует свою систему ценностей.

Во-вторых, это наднациональная Европа (supranational Europe), которая подразумевает союз государств, представляющих канттианскую версию мирной федерации, а также наднациональное воплощение европейской идентичности. На этом уровне приоритет отдаётся защите общеевропейских интересов во внешних отношениях. В основе образа лежит идея региональной интеграции.

И, в-третьих, это многонациональная/космополитическая Европа (cosmopolitan Europe) – воображаемый образ ЕС как союза народов, воплощающего канттианское представление об универсальном сообществе, основанном на принципах уважения всеобщих прав и свобод и глобальной ответственности, и в основе которого лежит идея примирения и противопоставления националистической Европе, уничтожившей себя в двух мировых войнах. Этому образу соответствует идея глобализма и солидаризма. Такие нормы, как демократия, свобода и равенство реализуются, главным образом, в общих традициях и практиках государств-членов Союза. Надёжный мир реализуется как основная цель создания и развития самого Евросоюза. Права человека, устойчивое развитие и социальная солидарность распространяются через космополитические практики, а верховенство права и надлежащее управление воплощаются в сочетании и взаимодействии всех трёх образов – государственного, наднационального и космополитического¹².

По мнению А. Миллера, в зоне нынешнего критического восприятия оказался и выглядевший до последнего времени довольно основательным консенсус в отношении европейской истории. Во многом это связано с активными процессами миграции из стран Азии и Африки. Коллективную память выходцев

---

¹² См. также: Игумнова Л.О. Цели и мотивы Европейского Союза как антропоцентрических норм. Вестник Томского государственного университета. История. № 1 (17), 2012; Галумов А.Э. Современная публичная дипломатия Европейского Союза в Российской Федерации. Мир и политика. № 7 (70), июль 2012.

из колоний и их потомков, с одной стороны, и европейцев – с другой, разделяет пропасть. В этой сфере европейский консенсус в вопросах коллективной памяти просто не существует¹³. Даже на уровне методологических подходов профессиональных историков проблемы вполне очевидны.

Приведу ещё один важный и, на мой взгляд, верный тезис А. Миллера. Никакой консенсус в отношении коллективной исторической памяти не может жить вечно, потому что неизбежно основан на мифологизации и исторической редукции. Весь вопрос в том, к чему ведёт его изменение, в том числе обусловленное кризисными явлениями, как, например, сейчас в еврозоне, – к ревизии и выработке нового, более сложного консенсуса или к «войнам памяти» и манипуляциям историей в духе исторической политики. В сегодняшней Европе – это ситуация с ещё не написанным сценарием¹⁴. На примере Греции видно, что происходит с её коллективной исторической памятью в условиях крайне жёстких и непопулярных реформ, проведения которых требует в первую очередь Германия. Невероятно, но факт – и на уровне греческих средств массовой информации, и на уровне протестующего гражданского общества очень быстро ожили все негативные стереотипы, связанные с этой страной.

Отсюда становится актуальным вопрос об активизации имиджевой и коммуникационной политики ЕС, основы которой были заложены в Белой книге¹⁵, опубликованной в феврале 2006 г. Её неотъемлемой частью должны стать обсуждение и презентация наиболее значимых моментов в тысячелетней истории формирования нынешнего культурно-исторического пространства, освобождённые от идеологических подходов во внешней политике, которые наблюдаются у нынешнего руководства ЕС, при акценте на объединяющие моменты. Византийский период должен занять в ней особое место, включая его роль в формировании нынешнего как западно-, так и восточноевропейского про-

---

¹³ Миллер А. Цит. соч.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Более подробно см.: Потёмкина О.Ю. Имиджевая политика ЕС: цели, базовые принципы, перспективы развития. URL: <http://www.alleurora.ru/imidzheva-ya-politika-es-tseli-bazovie-printsipi-perspektivi-razvitiya> (дата обращения: 29.12.2012).

странства¹⁶.

Весьма интересен опыт Германии, которая целенаправленное формирование образа страны сделала составной частью своей внешней политики. В этом процессе активное участие принимают как федеральные структуры, так и отдельные земли. Новый импульс он получил в 2006 г., когда по инициативе федерального президента начался новый комплекс публичных мероприятий, в том числе в сфере культуры, внутри страны и за её пределами.

М.И. Якушев*

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО НА РОДОССКОМ ФОРУМЕ**

Идея проведения круглого стола возникла в недрах Фонда Андрея Первозванного после выхода в свет в 2011 г. перевода на русский язык с немецкого знаменитой книги выдающегося русского византиста Георгия Острогорского «История Византийского государства». Книга была выпущена издательством «Сибирская Благовонница», совместно с которым Фонд Андрея Первозванного (ФАП) и Центр национальной славы (ЦНС), инициаторы и организаторы Мирового общественного форума «Диалог цивилизаций» (МОФ «ДЦ»), провели в Москве в мае 2012 г. презентацию и круглый стол на тему книги.

В январе 2012 г. инициатива ФАП и ЦНС о проведении подобного круглого стола по теме византийского наследия в судьбах Европы на Родосском форуме была поддержана членами

---

¹⁶ В этом отношении весьма интересен научно-исследовательский проект Берлинского Института европейской политики «Европейские образы в расширенном Европейском Союзе – фрагментация, последовательность или новое формирование?», который он проводил с 2004 по 2008 гг. Его основные итоги содержатся в коллективной монографии: *Leitbilder for the Future of the European Union – Dissenting Promoters of Unity*. Gesa-Stefanie Brincker. Mathias Jopp. Lenka Anna Rovná (Hrsg.). Nomos Verlag. 2011. 420 p.

* Якушев Михаил Ильич, Первый вице-президент Фонда Андрея Первозванного и Центра национальной славы, член международного координационного комитета Международного общественного форума «Диалог цивилизаций».

** Приветственное слово на открытии Круглого стола «Византийское наследие в судьбах Европы», Форум «Диалог цивилизаций», о. Родос, окт. 2012 г.

Международного координационного комитета (МКК) МОФ «ДЦ», в частности его председателем д-ром Вальтером Швиммером, членами МКК Джованни Кубедду и профессором Адрианом Пабстом. Активную роль в продвижении византийской проблематики сыграл президент ФАП и ЦНС д-р Сергей Щеплыгин.

Выбор в пользу Византии сделан неслучайно. 2012 г. объявлен в России Годом истории и 1150-летия зарождения российской государственности, и наши Фонды по инициативе председателя попечительского совета и президента МОФ «ДЦ» д-ра Владимира Якунина совместно с историками Московского государственного университета и Санкт-Петербургского университета провели в сентябре 2012 г. международную конференцию. На ней историки уделили пристальное внимание теме Восточной Римской (Византийской) империи и её влиянию на развитие не только Русского государства, но и всех существовавших тогда европейских стран, которых объединяла общая христианская история, культура и традиции.

Мы как инициаторы круглого стола рассматриваем предложенную тему в качестве продолжения серии обсуждений, посвящённых наследию Византии. Хотели бы отметить вклад в его проведение со-организатора проекта д-ра Ал.А. Громыко и Института Европы РАН.

A. Pabst*

THE PAN-EUROPEAN COMMONWEALTH: THE HERITAGE OF BYZANTIUM AND THE FUTURE OF EUROPE BEYOND THE EU

Introduction

The Byzantine Empire is commonly associated with political absolutism, economic feudalism, and a State Church that simultaneously sacralised power and secularised religion. This, coupled with influence of Islam and oriental cultures, appears to explain how Europe's East has been backward and reactionary, lacking Western vir-

---

* Д-р Адриан Пабст, политолог, профессор Кентского университета.

tues such as the distinction of religion from political authority constitutionalism, the rule of law, a vibrant market economy and civil society – a free space between the people and the ruler. That is why Byzantium is synonymous with decadence, repression, and the arcane arrangements of an opaque bureaucracy. As such, the Byzantine legacy is thought to be singularly responsible for Eastern authoritarianism and autocracy that contrasts sharply with Western freedom and democracy. In modern times, so this narrative goes, the East was caught in the constricting shackles of imperial and clerical domination, while the West became the harbinger of Enlightenment emancipation¹⁷.

This essay contends that Byzantium is the key to understanding the history of pan-Europe and to chart an alternative European project for the future. Far from being simply a decadent empire whose demise heralded the rise of progressive sovereign nation-states, I shall argue that the Byzantine Commonwealth preserved the heritage of Antiquity and represented an association of nations and peoples around a shared polity, culture, and faith. This legacy offers as yet unrealised resources to build a pan-European community that the post-Cold War project of liberal market democracy purported to provide but failed to deliver.

Section 1 links the neglect of the Byzantine legacy to the myth of secular Europe and contends that the rise to power of secularism was neither necessary nor normative but instead historically contingent and arbitrary. Section 2 seeks briefly to re-tell the history of Europe in a way that restores Byzantium to its rightful place, with a particular emphasis on some of the religious and political aspects of the Byzantine settlement and on ways in which it shaped the countries that emerged from the Eastern empire. Section 3 argues that Europe remains a vestigially Christian polity and that Byzantium is key to this unique heritage. Section 4 turns to the contemporary situation and suggests that the model of the commonwealth – a voluntary association of nations and peoples – offers a better future than either a centralised super-state under the guise of modern federalism or a loose network of sovereign states which merely trade with

---

¹⁷ For a compelling critique of this narrative, see Averil Cameron, *The Byzantines* (Oxford: Wiley, 2009), esp. P. 277-81.

one another.

1. The Myth of Secular Europe

Perhaps the predominant reason for dismissing the Byzantine legacy has to do with the secular account of European and world history that has dominated academic and public discourse in the last few decades or so. Indeed, secularism equates Byzantium with the oppressive, reactionary settlement of Late Antiquity and the Dark Ages which the progressive forces of secular modernity and the Enlightenment purportedly swept away. Since the XIXth century, social theorists of religion such as Durkheim, Comte or Weber claimed that the rise of modernity is synonymous with the decline of religion and the spread of secularism. From the 1960's onwards sociologists claimed that secular Europe would set the trend for the rest of the world – a pioneer of progress in the forward march of modernisation. Yet throughout the second half of the XXth and the early XXIth century the globe has witnessed a religious resurgence, which is really about a greater visibility and prominence of faith in politics rather than a return – for religion had never gone away¹⁸. Since then, sociologists writing about religion in Europe have opted to talk about the «European exception», with the old continent sliding towards ever greater secularisation while faith is proving to be far more enduring elsewhere around the world¹⁹.

Today Europe may be in many ways the most secularised continent in the world in terms of religious practice, personal observance, and public political discourse²⁰. But this is neither a necessary nor a normative nor even a long-standing process. To take these points in

---

¹⁸ See Adrian Pabst, «The Paradox of Faith: Religion beyond secularization and desecularization», in Craig Calhoun and Georgi Derlugian (eds.), *The Deepening Crisis. Governance Challenges after Neoliberalism* (New York: New York University Press). P. 157-182.

¹⁹ See, inter alia, Grace Davie, *Europe: the Exceptional Case. Parameters of Faith in the Modern World* (London: Darton, Longman & Todd, 2002); Peter Berger, Grace Davie and Effie Fokas, *Religious America, Secular Europe? A Theme and Variations* (Aldershot: Ashgate, 2008).

²⁰ René Rémond, *Religion and Society in Modern Europe* (Oxford: Oxford University Press, 1999); Hugh McLeod and Werner Ustorf (eds.), *The Decline of Christendom in Western Europe* (Cambridge: Cambridge University Press, 2003); Andrew M. Greeley, *Religion in Europe at the End of the Second Millennium: A Sociological Profile* (London: Transaction, 2003).

reverse order, the secularisation of European politics and culture is far more recent than commonly supposed and can be traced to the second half of the XXth century (except for state-sponsored atheism in a number of regimes following the First World War). For example, in Western Europe – despite violent clashes between state and church in France up to separation in 1905 – the population remained predominantly Catholic until the late 1950's, when «French Christendom» (chrétienté) began to disappear from the regions and countryside, as depicted in the writings of George Bernanos. In Britain, the «de-christianisation» of the public sphere and social life did not take off until the late 1960's²¹. Scandinavia and the Mediterranean countries only became markedly more secular from the mid-1970's onward. After decades of atheist rule, the historic Byzantine lands of central/eastern Europe and Eurasia are now characterised by profound contrasts between a strong and sustained religious revival in countries such as Poland and Russia, on the one hand, and a growing tendency toward agnosticism and atheism in countries such as the Czech Republic, on the other hand²².

By contrast with popular practices, secular ideas promoted by certain elites have a much longer history but even so the rise to power of secularism (over against Christendom in both the Byzantine «Greek East» and the Roman «Latin West») was not inevitable or progressive. Indeed, there is no historical determinism according to which secularism will remain always hegemonic in Europe or that other parts of the world will necessarily follow the European «exceptional example». Rather, the logic of secularism is linked to a certain kind of historicism that views the peculiar history of religion and politics in Western Europe as an exemplification of a fated and all-determining evolution – an idea that is closely correlated with Auguste Comte's positivist trajectory from revelation to metaphys-

---

²¹ See Callum Brown, *The Death of Christian Britain* (London: Routledge, 2001); Callum Brown, *Religion and Society in Twentieth-Century Britain* (Harlow, UK: Pearson, 2006).

²² See Pippa Norris and Ronald Inglehart, *Sacred and Secular: Religion and Politics Worldwide* (Cambridge: Cambridge University Press, 2004); David Martin, *On Secularization: Towards a Revised General Theory* (Aldershot, UK: Ashgate, 2005). P. 47-90; Berger, Davie and Fokas, *Religious America, Secular Europe?* P. 23-122.

ics to science²³.

In reality, the emergence of secularism as the dominant modern mode was the gradual outcome of historical contingency, linked to the XIVth century passage to modernity, the XVIth- and XVIIth-century Protestant Reformation and «wars of religion» as well as the triumph of liberalism that started in the XVIII century²⁴. The theological and philosophical shifts, which helped bring about these modern conceptions of the secular and the sacred, coincided with profound political changes particularly linked to the history of Byzantium. Following the final demise of the Byzantine Empire in 1453, the nascent Protestant Reformation in the West accelerated the slow disintegration of pan-European political Christendom and the rise to power of sovereign nation-states.

However, this did not inaugurate a linear process of secularisation that has supposedly culminated in European «exceptionalism». On the contrary, certain strands of Renaissance Humanism and the Enlightenment provided a religious corrective to secular ideas and practices such as the early modern doctrine of the «divine right of kings»²⁵. That doctrine was secular insofar as it departed from the patristic and medieval opposition to the sacralisation of secular power, as evinced by the writings of St. Augustine, St. John Chrysostome and St. Thomas Aquinas – as I will indicate in the following section.

For now, a few more points need to be made about the peculiar, non-normative nature of secularisation. The end of Byzantium coincided with the split of the Mediterranean by Islam and the rise emergence of new political powers. Broadly speaking, the ancient and medieval idea of real, embodied relations between persons and groups that compose the polity was progressively supplanted by the nominalist poles of the individual and the collective that have structured modern international relations since the 1648 Treaty of Westpha-

---

²³ Andrew Wernick, *Auguste Comte and the Religion of Humanity: The Post-theistic Program of French Social Theory* (Cambridge: Cambridge University Press, 2001).

²⁴ Pierre Manent, *Histoire intellectuelle du libéralisme* (Paris: Calmann-Lévy, 1987), trans. *An Intellectual History of Liberalism*, tr. R. Balinski (Princeton: Princeton University Press, 1996); André de Muralt, *L'unité de la philosophie politique: De Scot, Occam et Suarez au libéralisme contemporain* (Paris: Vrin, 2002).

²⁵ Cf. J. N. Figgis, *The Theory of the Divine Right of Kings* (Cambridge: Cambridge University Press, 1896).

lia and the rise of the secular West: the dialectic between the sovereign ruler and the sovereign people is inextricably intertwined with the subsumption of virtually all mediating institutions of «civil society» to the power of the national state and the transnational market.

The primacy of the modern central state and the modern «global» market coincided with the marginalisation of the three institutions that structured late Antiquity and the Middle Ages: the city, the empire and the Church²⁶ – as first embodied by Rome and later exemplified by the Byzantine capital of Constantinople. Indeed, statehood and the market mechanism increasingly undermined the autonomy of «free cities», the complex imperial links and the transnational ties of the Church – including the Byzantine commonwealth (to which I will return shortly), the supranational papacy in Rome, and all kinds of cross-border Christian networks that were variously more monastic or more lay (e.g. guilds or universities)²⁷. Moreover, both the late medieval doctrine of the «divine right of kings» (linked to monarchic absolutism) and the modern notion of state sovereignty (associated with revolutionary republics such as the USA or France) are predicated not only on the supremacy of political over religious authority but also on the power of the sovereign to redefine the sacred²⁸.

Indeed, European secularism is not limited to the functional differentiation of religious and political authority and/or the public settlement of the relationship between church and state that write faith out of international relations. By subordinating religion to secular categories, the secularist logic does not merely de-sacralise the public square. It reinvests it with quasi-sacred meaning by sacralising secularity – the king, the nation, the state, the market, the individual or the collective. As such, secularism does not so much mark the demise of faith or the exit from religion as it represents an alternative

---

²⁶ Pierre Manent, *Les métamorphoses de la cité : Essai sur la dynamique de l'Occident* (Paris: Flammarion, 2010).

²⁷ See Adrian Pabst, «Modern Sovereignty in Question: Theology, Capitalism and Democracy», *Modern Theology*, Vol. 26, no. 4 (October 2010). P. 570-602.

²⁸ John Neville Figgis, *The Theory of the Divine Right of Kings* (Cambridge: Cambridge University Press, 1896); Daniel Philpott, *Revolutions in Sovereignty. How ideas shaped modern international relations* (Princeton: Princeton University Press, 2001).

sacrality – a secular capture of the sacred.

The modern «revolution in sovereignty» has had far-reaching implications for religion in international relations. Instead of binding together believers in a universal community of shared beliefs and practices within and across national borders such as Byzantium, faith is increasingly tied either to individuals or to nations (or both at once). Apparently universal ideas and structures such as the global system of national states and transnational markets, which underpin modern international relations, can thus be traced genealogically to particular periods such as the Protestant Reformation or the religious wars in the «long sixteenth century» (ca. 1450-1650). Far from being isolated events or absolute breaks in history, they were part of an era spanning the early XIVth to the late XVIIth century during which both ideas and practices already nascent during the Middle Ages achieved fuller maturity and developed into the modern model of international affairs²⁹.

That is why, in the words of the English political and IR theorist Martin Wight, «[a]t Westphalia the states system does not come into existence, it comes of age»³⁰. Certain new ideas such as national sovereignty came to shape the way that international relations were conceived and instituted³¹. Likewise, new institutions and practices like the national state or inter-state warfare led to changes in conceptions of international affairs that still shape contemporary theory of global affairs³². Both the Christian faith and different associa-

---

²⁹ Brian Tierney, *Religion, Law, and the Growth of Constitutional Thought, 1150-1650* (Cambridge: Cambridge University Press, 1982); J.H. Burns, «Introduction», in J.H. Burns (ed.), *Cambridge History of Medieval Political Thought* (Cambridge: Cambridge University Press, 1988). P. 1-8; Francis Oakley, *Natural Law, Laws of Nature, Natural Rights: Continuity and Discontinuity in the History of Ideas* (New York: Continuum, 2005).

³⁰ Martin Wight, *Systems of States* (Leicester: Leicester University Press, 1977). P. 152; cf. Ludwig Dehio, *The Precarious Balance. Four Centuries of the European Power Struggle*, tr. C. Fulman (New York: Alfred A. Knopf, 1962), esp. P. 23.

³¹ See, inter alia, Jens Bartelson, *A Genealogy of Sovereignty* (Cambridge: Cambridge University Press, 1995); Daniel Philpott, *Revolutions in Sovereignty. How ideas shaped modern international relations* (Princeton: Princeton University Press, 2001).

³² See, inter alia, Michael Howard, «War and the nation state», *Daedalus*, 108 (1979). P. 101-10; Thomas Ertman, *Birth of the Leviathan: Building States and Regimes in Medieval and Early Modern Europe* (Cambridge: Polity, 1997).

tions of nations like Byzantium have either been reduced to historical anomalies or else been bracketed altogether out of the picture.

2. On Orthodox Theology and the Re-telling of Byzantine History

The dominant accounts of European and global history may well be secular, but it is precisely this default position that skews the debate about the legacy of Byzantium. However, both the theology and the history of Byzantine are rather more complex than the contemporary caricatures suggest. Theologically, there is a clear distinction of state and church. Saint John Chrysostom, a V-century Greek theologian, was opposed to the sacralisation of power – a critique that underpins the distinction by Pope Gelasius I of the two swords. For Saint Chrysostom and Saint Augustine who both followed and developed the teaching of the Apostle Paul, secular rule is confined to the temporal saeculum (destined to pass into God's Kingdom) and falls inside the Church insofar as it concerns justice and the orientation of human existence to the supernatural Good in God. The distinctness of State and Church was preserved and enhanced by Pope Gelasius I who emphasised the difference between ecclesial auctoritas and secular dominium, with the former having absolute priority over the latter³³. That is because – since eternity enfolds time, and the finite realm only is to the extent that it mirrors and reflects God's infinite being and goodness. So configured, politics and the law are secular (in the sense of belonging to the saeculum) without being divorced from religion – a unique legacy of Christendom to Europe and the world at large.

The defenders of Christian universality – from St. Paul via the Church Fathers and Doctors like St. John Chrysostom, St. Augustine, St. Thomas Aquinas or St. Gregory of Palamas to modern and late modern Christian philosophers like Ralph Cudworth and Vladimir Solovyov – were united in their commitment to the idea of government as a divine gift and the subordination of all institutions to natural law under God and according to God's wisdom. In his exposition of the Epistle to the Romans, Chrysostom exhorts Christians not

---

³³ Gelasius I. «Letter to Emperor Anastasius», in Oliver O'Donovan and Joan Lockwood O'Donovan (eds.), *From Irenaeus to Grotius: A Sourcebook in Christian Political Thought, 100–1625* (Grand Rapids, MI, 1999). P. 177-79.

to reject the public political realm as profane but instead to judge secular rule in terms of its divine foundation and finality: «Don't raise objections about one or another abuse of government, but look at the appropriateness of the institution as such, and you will discern the great wisdom of him who ordained it from the beginning»³⁴. In short, the Orthodox tradition puts a particular focus on the limits of secular power in ways that seeks to avoid both the secularisation of religious authority and the sacralisation of political authority.

Moreover, Christianity can never be separated from the legacy of the Roman Empire. The New Testament itself and the Church Fathers viewed the empire as part of the providential working of God towards universal peace. From St. Paul onwards, the Christian tradition accentuated the limits of imperial authority, regarding its main role as upholding justice within the saeculum – the time destined to pass away into the Kingdom of God. It was not until William of Ockham's emphasis in the XIVth century on the autonomy of the king vis-à-vis the pope that the first notion of «secular government» emerged³⁵.

Subsequently this evolved towards the idea of political rule indifferent to philosophical and religious points of view. Christendom maintained the idea that government had to conform to natural law under God and that justice was as much about the law as about love and grace – the dignity of the human person on which states cannot simply legislate but which they must promote through virtue practices. Indeed, 'secular' ruling only fell inside the Church to the degree that it itself approximated to a pastoral concern with the totality of human well-being and collective solidarity³⁶. As I have already indicated, this tension is preserved in Pope Gelasius's formulation concerning the «two powers»: first, ecclesial auctoritas and, second, secular dominium. Both rule «this world», with the former having ultimate sway over the latter in all and every issue – since nothing concerning our «passing through this world» is irrelevant to our at-

---

³⁴ John Chrysostom. «Twenty-Fourth Homily on Romans», in *From Irenaeus to Grotius*. P. 95.

³⁵ Janet Coleman. «Ockham's right reason and the genesis of the political as "absolutist"», *History of Political Thought*, Vol. XX (1999). P. 35-64.

³⁶ John Milbank. *Theology and Social Theory. Beyond secular reason*, 2nd ed. (Oxford: Wiley-Blackwell, 2006). P. 382-443.

taining «the things eternal»³⁷. Once again this was lost in the late medieval and modern era when either some ecclesial or statal arrangements arrogated to themselves exclusive power – leading either to secular state power or a theocracy, both of which destroyed the delicate balance of religious and political authority and with it eliminated constitutionalism and «mixed government» that had been invented by Greco-Roman Antiquity and developed by Christendom.

At the same time Christianity had a critique of secular empire, past and present – especially the pagan glorification of agonistic struggle for power. By contrast, the Christian tradition promoted a sense of honour based on the four classical virtues infused by the three theological virtues – above all the love of the neighbour. Linked to the dignity of the person is the emphasis on personal rule: the rule of the king and priest for each and everyone. From the conversion of Constantine onwards, all political ruling became directed towards a new «pastoral» dimension which showed a new concern with all aspects of subjects' lives and involved the support for the foundation of institutions unknown to pagan Antiquity: the hospice, the orphanage, the almshouse, the places of sanctuary and refuge, diaconates for the systematic distribution of alms, etc., as pioneered in Italy in the 12th century³⁸.

Following the Constantinian «turn» (that had really been prefigured by St. Paul), the emerging Christian empire eschewed Roman centralism in favour of a decentralised, relational linking of many dispersed local centres – exemplified by the various episcopal sees and bishoprics. To some extent a different imperial settlement then came about in both East and West, though admittedly in large part through force of circumstance. The representation of Jesus Christ on earth by both kings and priests was an expression of the pastoral outlook of secular power that marks the repeated re-enactment of Christ's rule over the whole world – hence the notion of cosmopolis that captures both the universality of the universe and the particularity of the city state, whether Rome in the «Latin West» or Constantinople in the «Byzantine East».

---

³⁷ Gelasius I, «Letter to Emperor Anastasius», in *From Irenaeus to Grotius*. P. 179.

³⁸ Augustine Thompson, *Cities of God: The Religion of the Italian Communes, 1125–1325* (University Park, PA: The Pennsylvania State University Press, 2005).

In fact, the mirroring of Christ by emperors and patriarchs was even more prominent in Byzantium where both Roman law and the centres of learning survived the repeated sack of Rome. The rule of the emperor through iconic images – of himself and of Christ and His mother – was linked, as Marie-José Mondzain has shown to a radically new notion of «economic» authority that was inseparable from the emergence of «pastoral» ruling already mentioned³⁹. Within the «general economy» of Antiquity, the «economic» in the narrower, special sense was confined to the area of household management or its more large-scale equivalent, such as the city state. The «economic» existed ultimately to sustain the possibility of a more elevated «political life» of negotiated friendship in debated agreement amongst adult males.

But as Mondzain points out, Christian theology now spoke of a «divine economy» that was at the very heart of «divine government» and no subordinate aspect. This «economy» was at once a proportionate distribution of goodness to the finite creation in various modes and degrees, and at the same time an «exceptional» extra-legal adaptation of the «theological» inner-divine Trinitarian life to the creation and especially the human creation, through processes of «provision» that ultimately included the «economy of salvation». Thus in theological terms – however unreal quixotic this may seem today – Byzantium was part of the earthly preparation for the Kingdom of God.

The delicate and imperfect balance of politics and religion is the mark of Christendom in both East and West. It helps explain why secular modernity inherited but never invented the tradition of constitutionalism and «mixed government» which ultimately underpin democracy and classical liberalism. In other words, secularism misses the point that despite the process of secularisation, Europe remains a vestigially Christian polity which initially developed from the fusion of biblical revelation with Greco-Roman philosophy⁴⁰.

---

³⁹ Marie-José Mondzain, *Image, Icône, Économie. Les sources byzantines de l'imaginaire contemporain* (Paris: Ed. Seuil, 1996), trans. Image, Icon, Economy: the Byzantine Origins of the Contemporary Imaginary, tr. Rico Franses (Palo Alto, CA: Stanford University Press, 2005).

⁴⁰ Hilaire Belloc, *Europe and the Faith* (London: Constable, 1924); Christopher Dawson, *The Making of Europe, 400-1000 A.D. An Introduction to the History of European Unity* (London: Sheed & Ward, 1932).

To understand Europe's distinctiveness, we need briefly to re-tell its history. Drawing in part on the work of Rémi Brague, Cardinal Angelo Scola has remarked that the origins of the distinctly European model go back to a long tradition which views Europe not as foundational but rather as the continuous unfolding of the Hellenistic fusion of Jerusalem with Athens and Rome⁴¹. In the «long Middle Ages» (c500–1300), Hellenised Christianity integrated and transformed other European traditions such Germanic law, the Celtic, Slavic and other languages as well as the ties to the wider Middle East, North Africa and the entire Caucasus.

But already after the fall of imperial Rome in the late Vth century, three different forces vied for the Roman legacy and shaped the continent's emerging civilisation: first, pagan tribes from Germanic, Turkic and Slavonic territories; second, Christendom and its ecclesial «body» of local parishes and transnational monasteries; third, Islam's creation of a caliphate from Arabia to the Iberian peninsula. Of these, as Rowan Williams writes, «the Christian Church is quite simply the most extensive and enduring, whether in the form of the Western Papacy or of the "Byzantine Commonwealth", the network of cultural and spiritual connections in Eastern Europe linked to the new Roman Empire centred on Constantinople»⁴².

Here it is instructive to draw on the work of Dmitry Obolensky, in particular in his seminal book on Byzantine Commonwealth. Indeed, it is hard to overstate the importance of Christendom in European and world history. Christendom was never just a Roman invention that we largely owe to the Latin West. Following Obolensky's ground-breaking work, there is ample evidence to suggest that from

---

⁴¹ Cardinal Angelo Scola. «The Christian contribution the European Integration Process», lecture delivered in Cracow, 10 September 2010, available online at <http://english.angeloscola.it/2010/10/07/the-christian-contribution-to-the-european-integration-process/>; Rémi Brague, *L'Europe, la voie romaine*, revised ed. (Paris: Gallimard, 1999); see also Sylvain Gougenheim, *Aristote au Mont Saint-Michel: Les racines grecques de l'Europe chrétienne* (Paris: Editions Seuil, 2008).

⁴² Archbishop Rowan Williams, 'Religion culture diversity and tolerance – shaping the new Europe', address given in Brussels, 7 November 2005, at <http://www.archbishopofcanterbury.org/articles.php/1179/religion-culture-diversity-and-tolerance-shaping-the-new-europe-address-at-the-european-policy-centr> See also Dmitry Obolensky, *The Byzantine Commonwealth: Eastern Europe, 500-1453* (London: Sphere Books, 1974).

late Antiquity to early modernity large parts of Eastern Europe from the Balkans and Romania via the territories on both sides of the Danube to the Ukraine, Russia and beyond lay within the orbit of Byzantium's religious, political and cultural influence. Taken together, these lands constituted a commonwealth of kingdoms and nations which over time built a shared civic tradition. Only the «Byzantine Commonwealth» and its lasting legacy can explain how the East was christianised and why it has since then formed an integral part of pan-Europe⁴³. Without Eastern Christendom (and the defence of Western Christianity by Charlemagne and King Alfred the Great in the IXth century), Christian Europe would probably have succumbed to the invasion by Muslims in the South and the East and by pagan Vikings in the North-West.

Moreover, from the XIth to the XIVth century, the periodic religious and monastic revival in Byzantium provided a bulwark against the Mongols and gradually shifted the focus of the Russian Orthodox Church away from national power towards trans-national reconciliation of the Northern periphery with its centre in Constantinople. Coupled with a spiritual and artistic renaissance, this realignment favoured political unity among hitherto rival principalities. Thus, Vladimir Valdenberg makes the crucial point that Muscovy inherited from Byzantium the idea that imperial power is limited and subject to the superior religious power (that ought to be) protected by the Orthodox Church⁴⁴. Moreover, this legacy is important for two reasons. First of all, it provided a transnational embedding of national power, in the sense that the rule of tsars was only really legitimate if it reflected in some way the universal, Orthodox sovereignty of the Emperor in Constantinople. Linked to this was the Romano-Byzantine system of law and shared liturgical and hymnographical practices (and common saints such as Cyril and Methodius). Second, the Byzantine legacy bequeathed notions and practices of civic association that were variously more religious or more secular – either linked to monasticism (St. Sergius of Ra-

---

⁴³ Dimitri Obolensky, *Byzantium and the Slavs: collected studies* (London: Sphere Books, 1971); idem, *The Byzantine Inheritance of Eastern Europe* (London: Sphere Books, 1982).

⁴⁴ Vladimir Valdenberg, *Drevnerusskie ucenija o predelach tsarskoj vlasti* (Petrograd, 1916, reprinted The Hague, 1966), esp. P. 1-27.

donezh) or schools, universities, workshops, and guilds.

However, it is also true that the unification of Russian lands around Orthodox Byzantine Moscow introduced a growing split with the Roman Catholic Kingdom of Poland and Lithuania and did not prevent the dissolution of the supra-national commonwealth into its constituent parts – empires, monarchies and national churches⁴⁵. The schism was finally consummated in 1453 when the Byzantine Commonwealth centred on Constantinople was destroyed by the invasion of Turkish troops. Subsequently, pan-European Christendom gave way to national kingdoms and churches in the East and the growing tension between the papacy and the princes in the West.

This event and its aftermath shattered the remnants of the visible Ecumene and polity that bound together East and West around a shared – though contested – Christian legacy. The absence of a mediating ecclesial tradition undermined the remnants of Christendom from within and reinforced some of the worst tendencies of Eastern monocracy and West dualism. Thus, the Great Schism helped destroy the theological and political underpinning of Europe's Christian culture and its common intellectual basis. In this sense, it remains historically much more significant for Europe and the rest of the world than the discovery of the New World or the American, French and Russian Revolutions. Without the disintegration of Christendom, neither modernity nor secularisation would have emerged triumphant in the way they did⁴⁶.

Indeed, it was the collapse of Byzantium that coincided with the rise of imperial absolutism and periods of either caesaro-papism or hierocracy in Russia and other Orthodox lands – i.e. either the subordination of Church to State or the sacralisation of secular power. The tradition of absolutist rule was adopted by numerous Russian Tsars and Soviet leaders alike. In fact, at various points the modern Russian state has carried on the tradition of early Tsarism, with their focus on opaque power structures and the idea of the «Third Rome», a form of exceptionalism that fuelled both Tsarist and Soviet supre-

---

⁴⁵ John Meyendorff, *Byzantium and the Rise of Russia. A Study of Byzantino-Russian Relations in the Fourteenth Century* (Cambridge: Cambridge University Press, 1981).

⁴⁶ Christopher Dawson, *The Dividing of Christendom* (London, 1967).

macism⁴⁷. In short, the disastrous development of Russia in late Tsarist and Soviet times can be traced to the demise of Byzantium rather than the Byzantine Commonwealth itself.

This excessively brief and by no means uncontroversial account of history matters for the present and the future, as it suggests an alternative tradition that endures and could yet shape the evolution of the historic Byzantine lands. The following two sections turn to the theological-religious and philosophical-political resources that are available to the countries that used to form the Byzantine Commonwealth.

3. Europe's Christian Polity

Based on a non-secular account of history and a proper understanding of the theologico-religious legacy of Byzantium, we can briefly chart an alternative vision to the dominant view that Europe's future is liberal-secular and that the European project is wedded to the primacy of nation-states. Europe – despite its many imperfections – is best described as a neo-medieval polity with a political system *sui generis*. Even today, remote indications of this include the peculiar functioning of the EU but also the Council of Europe, the OSCE and other structures that are associations of nations and peoples – rather than a centralised federal super-state or a loose network of countries that merely trade with one another.

Europe's polity is characterised by hybrid institutions, overlapping jurisdictions, polycentric authority and multi-level governance⁴⁸. In this sense, it resembles a vestigially Roman-Byzantine polity that is less religious but more Christian than the USA⁴⁹. In the previous section, I already suggested that Europe is not her own foundation (unlike America or China) but the continuous unfolding of the Hellenistic fusion of Jerusalem with Athens and Rome and also the integration and transformation of other European traditions such

---

⁴⁷ Geoffrey Hosking, *Rulers and Victims. The Russians in the Soviet Union* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 2006). P. 3-35.

⁴⁸ Simon Hix, *The Political System of the European Union*, 2nd rev. ed. (London: Palgrave Macmillan, 2005); Jan Zielonka, *Europe as Empire: The Nature of the Enlarged European Union* (Oxford: Oxford University Press, 2006).

⁴⁹ See Adrian Pabst, «The Western Paradox: Why the United States is more Religious but less Christian than Europe», in L. Leustean (ed.), *Representing Religion in the European Union: Does God Matter?* (London: Routledge, 2012). P. 168-184.

as Germanic law, the Celtic, Slavic and other languages.

Connected with this blending of diverse cultures within an overarching framework is the Judeo-Christian distinction of religious from political authority. Based on this distinction, a «free space» emerged between political rule and society wherein politics is not monopolised by the state but pertains to the public realm in which individuals and groups participate. Indeed, the Church – together with local communities and professional bodies like guilds or universities – tended to defend the freedom of society against political coercion. It thereby helped protect the autonomy of Jewish, Muslim and other religious minorities. In addition to complex debates about the relative balance of state and church or the «mix» of different sources of law (canon, common and civil), the presence of Jewish communities and Muslim-ruled lands on the Iberian peninsula ensured that «Christian Europe» was never a clerically dominated monolith but rather a realm of political argument within and across different faith traditions. Just like Christianity was never exclusively purely European, so too Europe is not an exclusively «Christian club».

Moreover, Christendom in East and West blended the principle of free association in Germanic common law with the Latin sense of equity and participation in the *civitas*. In this manner, European Christendom defended a more relational account (in terms of objective – not subjective – rights and reciprocal duties) that outflanked the dialectic of the individual and the collective that we owe to the American and the French Revolution. Ultimately, Europe's unique legacy of faith and reason provided the basis for European claims to an «organically» plural universalism. The mark of this variant of universalism is that it avoids both moral relativism and political absolutism by offering a free, shared social space for religious and non-religious practice – the «realm» of civil society that is more primary than either the central state or the «free» market. As the «corporation of corporations», the European polity rests on common civic culture and social bonds that are more fundamental than either formal constitutional-legal rights or economic-contractual ties.

In turn, this gives rise to the idea that the 'intermediary institutions' of civil society are more primary than either the centralised national state or the transnational «anarchic» market. Intermediary

institutions include groups and bodies like professional associations, manufacturing and trading guilds, cooperatives, trade unions, voluntary organisations, universities and religious communities. As such, the European polity really is neo-medieval in this sense that it combines a strong sense of overlapping jurisdictions and multiple membership with a contemporary focus on transnational networks as well as the institutions and actors of «global civil society».

Nor is this model limited to the sub-national level. Rather, modes of association and corporation apply to neighbourhoods, communities, cities, regions and states alike. The idea of Europe as a political union is inextricably intertwined with the notion that national states are more like «super-regions» within a wider polity – a subsidiary society of nations and peoples rather than a centralised super-state or a glorified «free-trade» area. Far from diminishing the importance of nations, such an account views nations as balancing the rightful claims of regions and the rightful claims of Europe as a whole.

This suggests that even nations can uphold and promote relations of mutual giving and reciprocal help. As such, Europe offers a vision of associative democracy and civil economy beyond the authoritarian central state that seeks to regulate the transnational, anarchical «free market»⁵⁰. Such a vision is inspired by the twin Orthodox-Catholic Christian principles of subsidiarity and solidarity that underpin the entire project of European integration and enlargement. Ultimately, we owe such and similar principles to Europe's Christian heritage, in particular Catholic social teaching⁵¹.

With the advent of neo-liberalism that both the left and the right enthusiastically embraced, the European polity has failed to defend this legacy against the collusion of the central state and the free-market. However, twenty years after the collapse of state communism, the continuing crisis of «free-market» capitalism provides a unique opportunity to chart an alternative path that re-embeds the state and the market into the relations of civil society. Thus, the principles and practices of reciprocity, mutuality and solidarity that are embedded

---

⁵⁰ Paul Hirst and Veit-Michael Bader (eds.), *Associative Democracy: the Real Third Way* (London: Routledge, 2001); Luigino Bruni and Stefano Zamagni, *Civil Economy: Efficiency, Equity, Public Happiness* (Bern: Peter Lang, 2007).

⁵¹ Wolfram Kaiser, *Christian Democracy and the Origins of European Union* (Cambridge: Cambridge University Press, 2007).

in institutions and practices do not just underscore Europe's Christian heritage but also offer an alternative future for the Union and the continent as a whole.

4. A Pan-European Commonwealth

The continuous euro crisis is accelerating and intensifying the emergence of a multi-speed EU and multi-polar Europe that can be traced to the post-1989 era and the 1992 Maastricht Treaty. Coupled with the failure to implement the 1990 Paris Charter and overcome the Cold War opposition between the West and Russia, the three-pillar system that was enshrined in the European treaty introduced a division into the newly established Union. Crucially, the EU did not build the right institutions to translate its political ambition into reality and transform the neo-functional logic at the heart of the integration process. Throughout the 1990's and 2000's, subsequent enlargement waves and treaty revisions failed to stop the rise of the European «market-state» by building a proper polity that reflects the EU's diverse societies and can embed the increasingly interdependent national economies.

However, one fundamental difference between the post-1989 era and the post-2009 years is that the ongoing turmoil in the eurozone has shifted the dynamic from the centripetal forces that unified the Union between 1957 and the early 1990's to the centrifugal forces that risk dividing it now in three ways: first, between the core and the peripheral countries within the euro area; second, between the euro members (and euro candidates such as Poland and the other «euro-plus countries») and the rest of the EU; third, between EU member-states, candidate/access countries and the «European non-West» (including Russia, Ukraine and the wider Europe that extends to the greater Caucasus, parts of the Middle East and North Africa).

On what basis can the entire European continent and neighbouring countries cooperate? As I have already hinted, what sets Europe apart from the other global «poles» is the autonomous space of civil society and the intermediary institutions that mediate between the individual, the state and the market. In an interesting report on «The Spiritual and Cultural Dimension of Europe» published in 2004, a reflection group composed of European statesmen and intellectuals put this point very well:

Europe itself is far more than a political construct. It is a complex – a «culture» – of institutions, ideas, expectations, habits and feelings, moods, memories and prospects that form a «glue» binding Europeans together – and all these are a foundation on which a political construct must rest. This complex – we can speak of it as European civil society – is at the heart of political identity. It defines the conditions of successful European politics and the limits of state and political intervention⁵².

Contrary to common misconceptions, Europe is neither a federal super-state nor an intergovernmental structure. Instead, European nations pool their sovereignty and are more like «super-regions» within a pan-national polity that combines a political system *sui generis* with elements of a neo-medieval empire⁵³. The German constitutional court, in a landmark ruling on the Lisbon Treaty in June 2009, emphasized that the Union is neither just an international organisation nor a federal super-state but rather a voluntary association of states – unlike the USA since the civil war.

The mark of the European polity is that it limits both state and market power in favour of communities and groups. This associational model combines vertical, more hierarchical elements with horizontal, more egalitarian aspects, with overlapping jurisdictions and a complex web of intermediary institutions wherein sovereignty is dispersed and diffused. By contrast, the US is a commercial republic where civil society is equated with proprietary relations and market-based exchange⁵⁴. In other parts of the world, civil society is subordinated to the administrative and symbolic order of central state power. Thus, Europe's greatest «gift» to its people and the rest of the world is to offer a narrative that accentuates the autonomy of associations vis-à-vis both state and market and re-embeds both politics and economics within the civic and social bonds of civil society.

Amid the current crisis of legitimacy, this suggests that all European structures need a better model of shared sovereignty and recip-

---

⁵² Reflection Group. «The Spiritual and Cultural Dimension of Europe», Vienna/Brussels October 2004, available online at http://ec.europa.eu/research/social-sciences/pdf/michalski_281004_final_report_en.pdf. P. 9.

⁵³ See, *supra*, note 30.

⁵⁴ See Adrian Pabst, «Athens, Rome and Jerusalem – A reply to Luciano Pellicani», *Telos* no. 162 (Spring 2013), forthcoming.

rocal power by building a subsidiary polis that connects supranational institutions much more closely to regions, localities, communities and neighbourhood. In turn, this requires a much greater sense of a common demos with a mutual ethos and telos. In line with its own best traditions, Europe could do worse than to renew and extend its political project around the following principles and practices. First of all, a commonwealth of nations and peoples rather than a market-state of «big government» and «big business». Second, the pursuit of the common good in which all can share – beyond the maximisation of individual utility or collective happiness (or both at once). Third, a series of political transformations that not only acknowledge the recent failures and the current crisis but also reconfigure the key institutions in accordance with Judeo-Christian and Greco-Roman notions of constitution rule and «mixed government».

Externally, a commonwealth that reflects the mediating universalism of the Judeo-Christian and Greco-Roman tradition would contrast with the exceptionalism of old empires and new colonial powers such as the USA, China and (to a lesser extent) some newly emerging markets such as neo-Ottoman Turkey or Indonesia. However imperfectly, Europe remains so far the only serious attempt to build the first transnational political community whose members come together to form a voluntary association of nations that pool some of their sovereign power for the common good of their people and others across the globe. Europe has a terrible colonial history, but it has also given rise to a set of institutions and practices that have transformed tribalism and nationalism at home and abroad.

Indeed, Europe has shaped global history not through sheer size or military might but rather thanks to its inventiveness and the creation of force multipliers, as Christopher Coker has argued⁵⁵. European inventiveness today is mirrored in the international order that reflects Europe's Christian heritage. For example, European Protestant theologians and Catholic figures played a decisive role in creating the League of Nations after 1919 and the United Nations in

---

⁵⁵ Christopher Coker. «Rebooting the West: The US, Europe and the Future of the Western Alliance», Royal United Services Institute for Defence and Security Studies (RUSI), Whitehall Paper 72, 6 Nov 2009.

1946. Christian Democrats from Italy, Germany, the Benelux countries and even France led the way in setting up the project for European integration and enlargement in the late 1940's and 1950's. They were inspired by Christian social teaching which, since the groundbreaking encyclical *Rerum Novarum* (1891), has always viewed the supremacy of the national state and the transnational market over the intermediary space of civil society and economy (ultimately upheld by the Church) as contrary to the Christian faith⁵⁶.

In contemporary parlance, the Christian origin and outlook of the post-1919 world order is based on the idea of «networking» and «mainstreaming» Christian ideas and thus multiplying the power of Europe's vestigially Christian polity. The invention of international organisations and supranational bodies reflects the Christian commitment to create a cosmopolis – a cosmic city that upholds universal, global principles embodied in particular, national or regional practices. Arguably, Christianity in both East and West – whose global spread outstrips that of Islam and other world religions⁵⁷ – is the force multiplier of Europe. Without embracing its shared Roman-Byzantine Christian heritage, the future of Europe is seen uncertain and bleak.

Conclusion

Byzantium is key to Europe's shared cultural identity that Christianity helped forge. But the increasingly secular outlook of modern politics has hollowed out the universal values derived from the Christian synthesis of ancient and biblical virtues on which both vibrant democracies and market economies depend. At the same time, Europe remains a vestigially Christian polity that has the potential to be a commonwealth of nations and peoples, which is held together by cultural customs, social ties and indeed religious practices.

Europe's shared Roman-Byzantine heritage is a source of both social solidarity and religious pluralism that offers key resources to shape the future of the European polity. The whole of Europe – including the EU, the Council of Europe, the OSCE and the emerging Eurasian Economic Union – is no federal super-state in the making

---

⁵⁶ Kaiser, *Christian Democracy and the Origins of European Union*.

⁵⁷ Philip Jenkins, *The next Christendom: the coming of global Christianity* (Oxford: Oxford University Press, 2002).

nor simply a glorified free-trade area but rather a neo-medieval empire, which pools national sovereignty and views states more like «super-regions» in a wider subsidiary association of nations and peoples. In such a polity with overlapping jurisdictions and multiple levels of membership, states are key because they balance the rightful claims of localities and regions with the rightful claims of Europe as a whole.

Instead of harking back to bureaucratic statism or market liberalism, the 27 EU member-states and their partner countries in the wider European space such as Russia, Ukraine and Turkey should all retrieve the older and more genuinely European tradition of subsidiary federalism or federal subsidiarity – a distribution of competencies between the Community institutions and the member-states in accordance with the principles of a federal rather than a unitary political system, coupled with a radical programme of decentralisation to the most appropriate level (including regions, localities, communities and neighbourhoods) and a greater sense that European nations are indeed like «super-regions» within a wider transnational polity – like the Byzantine commonwealth to which Europe in both East and West owes so much.

Ю.И. Рубинский*

МИФЫ И РЕАЛИИ «ВИЗАНТИЙСКОГО ПРИЗВАНИЯ» РОССИИ

Тема «Мифы о Византии» выглядит, казалось бы, весьма далёкой от забот и тревог современности. В самом деле, Византийская империя пала под ударами турок-сельджуков ещё в 1453 г. Изучение её богатейшего культурного наследия стало предметами самостоятельной отрасли исторической науки. Однако эта проблематика неожиданно оказалась обращённой не только в прошлое, но и в настоящее, а отчасти даже в будущее.

Речь идёт, разумеется, не о Византии как таковой, а прежде всего о России, многие культурные, религиозные и политиче-

---

* Рубинский Юрий Ильич, д.и.н., рук. Центра французских исследований ИЕ РАН.

ские традиции которой имеют византийское происхождение.

Христианство в его греко-православном варианте пришло в Киевскую Русь в 988 г. из Константинополя. После падения последнего в 1453 г. великий князь Московский Иван III женился на племяннице последнего византийского императора Софии (Зое) Палеолог, позаимствовав древний герб Византии – двуглавого орла, смотрящего на восток и на запад. Преемники Ивана III – Василий III и Иван IV приняли титул «царя», т.е. «цезаря», равного по статусу императору Священной римской империи германской нации в Вене.

Идеологическим обоснованием борьбы московских самодержцев за выравнивание их правового статуса с западноевропейскими монархами стала известная формула монаха Филофея о православной Москве как «Третьем Риме»: «Два Рима пали, третий стоит, а четвёртому не бывать!».

Объясняя суть этой формулы в эпоху, когда она родилась, историк русского православия Дмитрий Стрёмухов видит в ней не мессианский лозунг, а стремление создать противовес вселенскому прозелитизму римско-католической церкви, опорой которой служил грозный геополитический сосед и соперник Москвы – польско-литовская Речь Посполита. Поэтому формула «Москва – Третий Рим» имела, по мнению Стрёмухова, не наступательный, а оборонительный, если не изоляционистский характер.

В то же время в Западной Европе притязания Москвы на политическое равенство и религиозную автономию были восприняты как неоправданно завышенные. Западноевропейские элиты видели в Московии отсталое, полуварварское государство, едва лишь столетием ранее освободившееся от азиатской Золотой Орды.

Брак Софии Палеолог, жившей в изгнании в Риме, был во многом плодом усилий дипломатии Ватикана, рассчитывавшего извлечь из него двойную выгоду – склонить православную церковь к подчинению папе и приобрести военного союзника в борьбе против угрозы со стороны турок, не раз подходивших к стенам Вены. Однако обе эти цели оказались недостижимыми: Москва предпочла сохранить независимость – как геополитическую, так и религиозную, принимая решения с учётом сугубо

национальных интересов.

К той далёкой эпохе и восходят истоки «византийских» стереотипов в оценке Западом особенностей российской государственности. Среди таких стереотипов фигурируют сакрализация носителя верховной власти – императора (базилевса), окружённого квази-религиозным ритуалом, «симфония» светской и духовной власти с фактическим подчинением церкви государству, закрытость процесса принятия решений, скрытая борьба придворных кланов за доступ к монарху, а нередко и за его трон и т.д. Именно в такой негативной коннотации Наполеон назвал Александра I после их встречи в Тильзите «византийцем периода упадка империи».

Смысл термина «византийский» постепенно расширялся. Сегодня он служит символом преобладания традиции над модерном, консерватизма над реформами, прошлого над будущим. Россия как историческая наследница Византии роли объявляется концентрированным выражением всех этих черт.

Многие из перечисленных качеств не являются «мифами». Они действительно были присущи Византии, но не только ей одной и тем более современной России, а в той или иной степени свойственны политикам всех времён и народов – достаточно вспомнить «Государство» Макиавелли или «Искусство войны» Сунь Цзы, которые считаются фундаментом мировой политической науки и искусства. Версаль «короля-солнца» Людовика XIV, апогея абсолютной монархии во Франции, немногим уступал по своим нравам двору династии Комнинов в византийском Константинополе.

Попытки превратить специфику византийской, а вслед за ней российской государственности в исключение из общих правил преследуют очевидную цель: доказать органическую несовместимость её с европейской системой ценностей, сложившейся на основе Античности, Ренессанса, Просвещения.

Причём тезис о цивилизационной чужеродности России в Европе из-за «византийских» корней российской религии и культуры имеет хождение не только на Западе. На протяжении трёх столетий, прошедших после петровских реформ, в самих российских элитах не прекращаются дебаты западников и славяно-

филов, ретроградов и реформистов, интернационалистов и «почвенников». Одни видят в Европе шанс для России, другие (от Данилевского до Гумилёва) – угрозу геополитическим интересам и национальной идентичности страны. Причём в этих извечных спорах западные русофобы по существу смыкаются с отечественными «ура-патриотами»: как одни, так и другие игнорируют конкретный исторический контекст разных этапов российской истории.

Крещение Киевской Руси в 988 г., произошедшее под влиянием Византии, было, безусловно, крупнейшим позитивным событием, навсегда приобщившим страну к единой европейской цивилизации ещё до раскола между папой Римским и патриархом Константинополя. В те времена греческая Византия, преемница эллинизированной Восточной Римской империи, была по всем параметрам – экономическим, политическим, культурным гораздо выше созданной в 800 г. империи Карла Великого. Торговый путь «из варяг в греки» был не менее важен, чем проходивший через Рейн, Сену и Рону. Ярослав Мудрый являлся зятем королей Франции, Норвегии и Венгрии.

Позднее, в мрачную эпоху татаро-монгольского ига связи раздробленных княжеств с Византией продолжали ещё долго играть важнейшую позитивную роль благодаря православной церкви, служившей духовной опорой народа в преодолении внутренних усобиц, борьбе за национальное освобождение. Когда же оно произошло, Московская Русь вполне естественно увидела в преемственности с ушедшей в прошлое Византией шанс возврата в Европу, причём на достойных условиях равенства, а не ухода от неё.

С учётом всех этих исторических реалий дебаты о «византийском» призвании России, несовместимом с европейским, выглядят просто надуманными. Это касается как их участников на Западе, так и в России, где нарочитый «византизм» оказывается не более чем синонимом изоляционистского консерватизма.

2 ЧАСТЬ. МАЛАЯ ЕВРОПА: ЕСТЬ ЛИ СВЕТ В КОНЦЕ ТУННЕЛЯ?

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ МАЛОЙ ЕВРОПЫ

С.М. Фёдоров*

КОНТУРЫ ПОСТКРИЗИСНОЙ ЕВРОПЫ (ПОПЫТКА МИНИ-ПРОГНОЗА)

Из истории европейской интеграции хорошо известно, что одной из её характерных черт была дискретность (прерывистость), развитие от кризиса к кризису.

Действительно, вспомним провал «плана Плевена» от 1952 г. по созданию «Европейского оборонного сообщества» и одновременно политического сообщества, политику «пустых стульев» и «люксембургский компромисс», «евросклероз» конца 1970-х – начала 1980-х гг., провал референдума по евроконституции в мае 2005 г. во Франции и Нидерландах. Перечень можно было бы продолжить. В этом контексте нынешний кризис, казалось бы, не является чем-то из ряда вон выходящим.

Правда, каждый раз Европе удавалось находить выход из непростых ситуаций, обеспечивая поступательное движение европейского проекта, его выход на новый качественный уровень. Каждый из кризисов имел свою специфику, но, пожалуй, их роднило то обстоятельство, что впереди были очевидные резервы развития и перспективы.

Своеобразие нынешнего кризиса состоит не только в его комплексном характере, где сплелись в один клубок различные кризисы, но на наш взгляд, и в том, что Европа подошла к тако-

---

* Фёдоров Сергей Матвеевич, к.полит.н., в.н.с. ИЕ РАН.

му рубежу, когда, с одной стороны, дальнейшее развитие интеграции требует кардинальных и системных решений. А с другой, существует риск отката назад, развала самого успешного в новейшей истории интеграционного объединения. И это принципиально новый момент. При этом в отличие от предшествующих кризисов, ситуацию нельзя заморозить и оставаться в состоянии stand by. Неслучайно, анализируя характер нынешнего кризиса, Еврокомиссия пришла к выводу о морально-политическом кризисе ЕС, который заставляет выдвинуть мобилирующий проект обновления Европы. Жозе Мануэль Баррозу в своей речи в Европарламенте 12 сентября 2012 г. заметил в частности: «Страны-члены ЕС не способны в одиночку справиться с создавшимся положением (...). Мы переживаем переломный момент, который требует принятия решений и политической воли»⁵⁸.

В этой связи попробуем сделать мини-прогноз того, какие изменения могут произойти в ЕС в ближайшие годы. Какие новые параметры он приобретёт? Какой будет конфигурация посткризисной Европы?

Остановимся (в форме тезисов) на некоторых принципиальных моментах, не претендуя на их исчерпывающий характер.

1. Начнём с главного. Несмотря на рост числа евроскептиков и обилие самых мрачных сценариев будущего Европы, думается, все прекрасно понимают, что предсказания о развале Объединённой Европы и её гибели оказались сильно преувеличенными. Евро и еврозона сохранятся, как и сам ЕС.

На чём основывается такая уверенность? Хотя и с большим трудом, с опозданием, руководителям стран-членов ЕС удалось принять бюджетный пакт, создать фонд стабилизации, ЕЦБ стал выкупать долговые облигации. Финансовые рынки успокоились. Самые крупные проблемные страны (Италия, Испания) смогли уйти от дефолта, стабилизировать ситуацию. Деятельность правительств Монти и Рахоя (несмотря на манифестации горячих южан) в целом была успешной. Франция сейчас может брать в долг по беспрецедентно низким процентам. В экономике Вели-

---

⁵⁸ José Manuel Durao Barroso, Président de la Commission européenne. Discours sur l'état de l'Union 2012. Session plénière du Parlement européen. Strasbourg, le 12 septembre 2012.

кобритании наметилась стабилизация. Представляется, что задача создания в 2013 г. банковского и бюджетного союза вполне по плечу странам, входящим в зону евро. А это можно расценить как становление некоего экономического правительства еврозоны.

2. Правда, создание общего бюджета зоны евро не только де-факто, но и де-юре будет означать появление «Европы двух скоростей». Об этом уже давно говорили, но теперь это свершившийся факт. О чём без обиняков заявили и Меркель, и Олланд. Так, в интервью газете «Ле Монд» 10 октября 2012 г. французский лидер отметил, что «он выступает за Европу, которая идёт вперёд на разных скоростях»⁵⁹. Напомним, что такое усиленное сотрудничество допускалось ещё в рамках Маастрихтского договора, не говоря уже о Лиссабонском договоре. Но ситуация всё же отличается, если принять во внимание идею создания «парламента Еврогруппы». Её обнародовал министр финансов Германии Вольфганг Шойбле. Эти инициативы не вызвали возражений по другую сторону Рейна. Более того, Ф. Олланд полагает, что «зона евро должна выступать своего рода авангардом, который получит политическое измерение». Таким образом, можно говорить о юридическом оформлении ядра и периферии ЕС.

3. Из предыдущего тезиса можно сделать вывод о том, что новый облик посткризисной Европы будет определяться формированием «политического союза», о котором в последнее время много рассуждают и практики, и эксперты. Правда, что понимать под политическим союзом, пока не совсем ясно. Видимо, он должен стать конкретизацией известного предложения немцев о некоей «Федеративной Европе». В той же речи Баррозу в Европарламенте содержалась идея продвижения к «федерации государств-наций» как долгосрочной цели ЕС. Этой цели планируется достичь путём формирования трансъевропейских партий, прямых выборов президента ЕС, проведения единой внешней политики и политики безопасности, которая до сих пор остаётся ахиллесовой пятой евроинтеграции.

4. Следует отметить ещё одну отличительную особенность Европы в ближайшие годы – снижение роли «франко-герман-

---

⁵⁹ François Hollande. «L'Europe ne peut plus être en retard». Le Monde, 17.10.2012.

ского локомотива» интеграции, а может быть, и смену её лидера, которым до сих пор неформально считалась Франция. Несмотря на заверения сторон в незыблемости франко-германского партнёрства и его ключевой роли в ЕС, создаётся впечатление, что в условиях Европы-27, окончания холодной войны и объединения Германии этот мотор евростроительства начинает давать сбои. Дело не только в различии позиций по вопросу о выходе из нынешнего кризиса. Противоречия, думается, имеют более глубокие причины. Франко-германский исторический компромисс, закреплённый Елисейским договором (в этом году ему исполнилось 50 лет) выполнил возлагавшиеся на него задачи. Франция «поставила под контроль» Германию, держа её в орбите ЕС, попутно обеспечив «своё величие», а Германия восстановила своё реноме и территориальное единство. Теперь она уже не испытывает комплекс вины за содеянное во Второй мировой войне. В качестве косвенного подтверждения этого тезиса сошлёмся на то обстоятельство, что Ф. Олланд смог достичь компромисса с А. Меркель по вопросам недавнего бюджетного договора только при активной поддержке Италии и Испании. Да и создание усилиями президента Саркози Средиземноморского союза в 2008 г. можно расценивать как асимметричный ответ на усиление немецкого влияния в странах ЦВЕ. В ближайшие годы Франция, вероятно, будет искать новые опоры в своей политике в лице Италии, Великобритании (несмотря на её традиционный евроскептицизм) и Польши.

* * *

Я попытался вкратце обрисовать наиболее вероятные новые черты, или контуры, которые приобретёт ЕС в ближайшие годы.

Много сказано по поводу прогнозов и их точности. Так, М. Кейнс заметил однажды: «Единственное, что мы точно знаем, так это то, что всё будет не так, как мы предсказываем». Если хоть что-то оправдается, то уже будет хорошо.

В самом деле, на каждый из названных выше пунктов можно найти контрдовод или выявить их противоречивый характер. Прежде всего, это касается перспектив политического союза. Такие попытки предпринимались и раньше. Не очередная ли это утопия? Ведь уже сейчас французский лидер говорит о том, что

политический союз следует оставить на потом, что он последует за бюджетным и банковским союзом и даже союзом в социальной сфере. По мнению Ф. Олланда, он «поставит процесс солидарной интеграции в демократические рамки»⁶⁰. Проще говоря, это означает, что французы не могут поступиться своим суверенитетом.

Также непонятно, как деятели ЕС собираются проводить выборы по новой системе или возможные референдумы, если сейчас, по данным опросов (IFOP), 67% французов считают, что ЕС идёт не туда, а курс на усиление интеграции в экономической и бюджетной сфере не поддерживает 60% опрошенных. Образование некоего единого европейского государства считает возможным только 44%.

Не менее евроскептически и немцы (данные Bertelsmann): 65% полагают, что надо было сохранить дойч марку, а 49% считают, что лично им было бы лучше, если бы ЕС вообще не существовал. Интересно, что такое мнение разделяет только 28% поляков⁶¹.

Тем не менее, 65% французов не желают расставаться с евро и возвращаться к франку, а 49% полагают, что Союз – в интересах Франции.

* * *

Подытоживая, следует отметить следующее. Несмотря на доминирующий в последние годы скептицизм в отношении евроинтеграции и разные представления лидеров Германии и Франции по поводу содержания обновлённого ЕС, можно с достаточной долей вероятности прогнозировать продвижение стран исторического ядра Союза по пути к федеративному образованию. О.В. Буторина весьма точно назвала этот процесс «ползучим федерализмом». А известный французский интеллектуал и «большой друг» России Бернар-Анри Леви в этой связи ещё более категоричен – «Федерализм ...или смерть!». Так называлась его статья от 28 сентября 2012 г. в журнале «Ле Пуэн»⁶².

Поживём – увидим. Так или иначе, но кризисы всегда закан-

---

⁶⁰ Le Figaro, 17/09/12.

⁶¹ Там же.

⁶² Bernard-Henri Lévy. Le fédéralisme... ou la mort! Le Point, 28 septembre 2012.

чиваются. Движение ЕС назад невозможно как по политическим, так и экономическим причинам. Он обречён продвигаться только вперёд, углубляя уровень интеграции.

А.Г. Браницкий*

РАСШИРЕНИЕ ЕВРОСОЮЗА И УГЛУБЛЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В НАЧАЛЕ XXI В.

В начале XXI в. Единая Европа приняла в свой состав уже 13 стран-«новичков», включая Хорватию. Такое масштабное расширение европейского интеграционного поля, безусловно, самым существенным образом повлияло на динамику развития Европейского Союза. Потребовалась трансформация всей институциональной структуры ЕС, что косвенно способствовало углублению интеграции⁶³. С другой стороны, процесс расширения в какой-то степени тормозит углубление: чем больше стран, тем они разнороднее, а «новички» не готовы сразу присоединиться к продвинутым формам интеграции.

Ю.А. Борко утверждает, что в формуле «углубление – расширение» ведущим началом является углубление, т.е. процесс экономической интеграции как таковой, который и создаёт, и усиливает гравитационное поле. Но и расширение, в свою очередь, увеличивает общий потенциал региональной группировки и, тем самым, «силу её притяжения».⁶⁴ Можно согласиться, в целом, с таким подходом. Однако отметим, что под «углублением» следует понимать не только экономическую, но и полити-

---

* Браницкий Андрей Геннадьевич, д.и.н., проф. кафедры регионоведения факультета международных отношений Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

⁶³ Подробнее см.: Кавешников Н. Влияние расширения ЕС на процесс институциональной реформы. Расширение Европейского Союза и Россия. Под ред. О.В. Буториной, Ю.А. Борко. М., 2006. С. 43-102; Кавешников Н.Ю. Трансформация институциональной структуры Европейского союза. М., 2010. 480 с.

⁶⁴ Борко Ю. Взаимосвязь процессов расширения и углубления европейской интеграции. Расширение Европейского Союза и Россия. Под ред. О.В. Буториной, Ю.А. Борко. М., 2006. С. 13.

ческую (включая военно-политическую) интеграцию. Разумеется, полноценная европейская федерация, если и будет когда-либо создана, то лишь в отдалённом будущем. Концепт «Соединённых Штатов Европы», известный с первой половины XIX в., отражает федералистские устремления отдельных европейских политиков. Но на практике сегодня призыв создать СШЕ внутри ЕС означает придать институциональный характер «Европе разных скоростей» и «Европе переменной геометрии».

Абсолютно ясно, что расширение ведёт к закреплению «Европы а ля карт»⁶⁵ в качестве доминанты европейского интеграционного процесса. «Новички» довольно медленно интегрируются в Шенгенское пространство и еврозону. Так, Румыния, Болгария и Кипр всё ещё не вошли в Шенгенскую зону, а Латвия, Литва, Польша, Чехия, Венгрия – в зону евро. Кроме того, устойчивость самой зоны евро сегодня ставится под вопрос. Можно отметить, что в связи с последними событиями в Греции единая европейская валюта утратила значительную часть своей привлекательности для стран-«новичков».

Существует несколько принципиальных подходов к соотношению процессов расширения и углубления. Одни считают приоритетным расширение ЕС, которое должно содействовать экономической и политической стабилизации в Центральной и Восточной Европе. То, что постоянное расширение затрудняет или даже делает невозможным создание федерального Европейского Союза, их вполне устраивает. Такой позиции придерживаются, например, многие политики Великобритании и Дании.

Другие провозглашают приоритетом углубление интеграции, которое превращает ЕС в действительно сильный экономический и политический союз. При этом расширение должно проходить медленно и поэтапно. Такую позицию неоднократно занимали лидеры Франции, Испании, Португалии, Греции, Ирландии.

Третьи рассматривают углубление как средство расширения. Они полагают, что, с одной стороны, нельзя допускать «размывания» успехов интеграции, а, с другой стороны, расширение

---

⁶⁵ То же, что и «Европа переменной геометрии». См. Шемятенков В.Г. Европейская интеграция. М., 2003. С. 254, 260, 279, 286, 291, 297, 300, 379.

должно проходить достаточно эффективно. Это мнение время от времени озвучивали политические деятели Германии, Италии, Австрии, Швеции, Финляндии, Бельгии, Нидерландов и Люксембурга. Однако в последнее время германские политики, в целом, солидаризируются с французскими – и тоже предпочитают «взять паузу», предлагая пройти определённую «фазу консолидации»⁶⁶.

В Брюсселе хорошо понимают, что дальнейшее расширение Евросоюза приведёт к тому, что средний уровень благосостояния в ЕС будет продолжать снижаться, ибо большая часть кандидатов не отличается высокими показателями социально-экономического развития (единственное исключение – Исландия). К проблемам, которые сегодня создают Румыния и Болгария, прибавятся совершенно аналогичные, которые вызовут Македония и Черногория. В этом плане настоящей катастрофой было бы вступление в ЕС Албании. Однако есть все основания полагать, что в ближайшем будущем такого расширения не произойдёт. С другой стороны, в результате кризиса зримо обеднели и те страны ЕС, которые ещё недавно считались сравнительно благополучными (Ирландия, Испания, Португалия, Греция). Определённые трудности испытывает даже Италия, старейший участник европейской интеграции.

Отсутствие единственного общеевропейского языка существенно затрудняет функционирование институтов ЕС, в то время как лингвистическое и культурное разнообразие внутри Евросоюза постоянно нарастает. В частности, ЕС уже использует в качестве официального мальтийский язык – по сути, один из вариантов арабского (с латинской графикой и большим количеством заимствований из таких европейских языков, как итальянский и английский). Кроме того, после пятого расширения резко возросло число славянских, балтийских и финно-угорских официальных языков ЕС. Вскоре расширение в направлении Западных Балкан принесёт в Евросоюз новые славянские языки (хорватский, сербский, македонский). С другой стороны, список офи-

---

⁶⁶ CDU zieht mit Pöttering in den Europawahlkampf. Westdeutsche Allgemeine. Mode of access: <http://www.derwesten.de/nachrichten/politik/CDU-zieht-mit-Poet-tering-in-den-Europawahlkampf-id633595.html>.

циальных языков ЕС со временем может пополниться и за счёт таких «региональных языков», как баскский, каталонский, галисийский, сардинский, корсиканский, бретонский, уэльский. Немецкий язык, наиболее широко распространённый в Евросоюзе, сравнительно редко используется в качестве рабочего языка в институтах ЕС, а оригинальные слова Фридриха Шиллера к гимну Евросоюза – «Оде к радости» Л. ван Бетховена – не имеют официального статуса. Дальнейшее расширение Евросоюза, означающее усиление «разногласицы», явно не будет способствовать углублению европейской интеграции.

В ходе расширения Европейского Союза выявились как сильные, так и слабые стороны Европейской социальной модели. Единое социальное пространство ЕС формируется достаточно медленно. В странах ЦВЕ имелись серьёзные трудности бюджетного финансирования расходов на социальные нужды. Процессы трансформации, протекавшие в условиях экономического кризиса, сопровождались кризисом общественных финансов, частично связанным с изменением источников бюджетных поступлений⁶⁷. После вступления в ЕС многие страны ЦВЕ с трудом входили в единое европейское социальное пространство. В частности, Польша первоначально выторговала для себя существенные уступки в данном вопросе. Однако, несмотря на серьёзные различия между европейскими странами и существующие до сих пор региональные дисбалансы, все государства-члены ЕС декларируют стремление соответствовать Европейской социальной модели, которая, в свою очередь, постоянно совершенствуется и отражает изменения, происходящие в обществе⁶⁸.

Можно отметить отсутствие принципиального влияния со стороны государств «Новой Европы» на процесс трансформации общеевропейской социальной политики (в силу ограниченного развития национальных социальных систем в вышеупомянутых странах). Напротив, имело место существенное воздейст-

---

⁶⁷ Подробнее см.: Сергеев Андрей Евгеньевич. Влияние процесса расширения Европейского Союза на формирование единой европейской социальной политики: Дис. ... канд. историч. наук: 07.00.15. Н. Новгород, 2009.

⁶⁸ Каргалова М. Европейская социальная модель: содержание и перспективы. Mode of access: <http://www.lawinrussia.ru/evropeiskaya-sotsialnaya-model-soderzhanie-i-perspektivy>.

вие на социальные структуры стран ЦВЕ со стороны единой социальной системы Европейского Союза с целью включения новых стран-членов в общее социальное пространство и выравнивания уровней социальной защищённости на всей территории ЕС. При этом расширение на Восток не только обострило некоторые социальные проблемы (в частности, цыганский вопрос), но и дало Единой Европе новые возможности. Например, сравнительно дешёвая рабочая сила стран-«новичков» позволила перевести часть предприятий из Западной Европы в ЦВЕ и заполнить центральноевропейскими и восточноевропейскими мигрантами многие вакансии в западноевропейских странах.

Евросоюз снял 1 мая 2011 г. ограничения на трудовую миграцию из восьми государств, присоединившихся к ЕС в 2004 г. При их вхождении в Союз 15 «старых» стран-членов предусмотрели возможность введения семилетнего транзитного периода, при этом часть из них сразу же открыли свой рынок для трудящихся из «стран-новичков». Однако Германия и Австрия не сделали этого, продержав мораторий на трудовую миграцию в течение максимально возможных семи лет. Определённые сложности испытывали трудовые мигранты из «Новой Европы» в Великобритании. Основной причиной принятия транзитного периода послужило стремление защитить национальную рабочую силу от дополнительной конкуренции на рынке труда.

При этом только по официальным данным в начале 2011 г. в Германии существовало более 460 тыс. вакансий. А глава Федерального объединения немецких работодателей Дитер Хундт в конце апреля того года заявил, что данная цифра сильно занижена, потому что не все компании официально регистрируют свои вакансии. По мнению Хундта, на самом деле Германия нуждалась в 2011 г. в миллионе работников, особенно в технической сфере и отраслях, связанных с естественным старением. Кроме того, ФРГ постоянно не хватает специалистов по уходу за больными и престарелыми людьми⁶⁹. Как известно, на заработки в Германию приезжают, в основном, граждане Польши. Некоторые из них не являются трудовыми мигрантами в традиционном

---

⁶⁹ Германия открыла границу для гастарбайтеров из Восточной Европы. Mode of access: <http://www.pravda.ru/news/world/01-05-2011/1075561-gastarbajter-0>.

смысле, ибо продолжают жить в приграничных регионах на территории своей страны.

Число трудовых мигрантов из «новых» восьми стран ЕС выросло примерно с 1 млн чел. в 2004 г. (0,3% от общего числа жителей ЕС) до 2,3 млн в 2010 г. (0,6%). При этом в конце 2010 г. в 15 «старых» странах ЕС работало около 19 млн нерезидентов Евросоюза (немногим менее 5% населения). Комиссия ЕС считает, что число работников из восьми «новых» стран-членов, находящихся в 15 «старых» государствах Евросоюза, вырастет до 3,3 млн чел. в 2015 г. и до 3,9 млн – к 2020 г., а их доля увеличится до 0,8 и 1% соответственно⁷⁰. И это без учёта трудовых мигрантов из Румынии, Болгарии и – в ближайшем будущем – Хорватии.

В ноябре 2006 г. Великобритания и Ирландия ввели ограничения на право работать в этих странах для граждан Болгарии и Румынии. Дело в том, что за два предыдущих года в Британию и Ирландию въехали более 600 тыс. человек, в основном из Польши (не считая тех, кто работает не по найму). Только Ирландия, всё население которой составляет 4,2 млн, за два года приняла 200 тыс. иммигрантов. Такая ситуация вызвала на Британских островах серьёзную озабоченность, поскольку сильный приток рабочей силы перенасытил рынок труда и, по мнению многих, отнял ряд рабочих мест у британцев и ирландцев. В 2007 г. Великобритания согласилась принять лишь ок. 20 тыс. неквалифицированных рабочих из Румынии и Болгарии, причём исключительно для работы в сельском хозяйстве и пищевой промышленности, без права получения каких-либо пособий. Кроме того, срок их пребывания в стране ограничивался 6-ю месяцами. Квалифицированным рабочим, чтобы получить возможность трудоустройства в Великобритании, нужно доказать, что их работу не могут выполнять британцы, а также пройти ряд тестов. Исключение составили только те квалифицированные рабочие, которые работали не по найму. Студенты могли

---

⁷⁰ ЕС снимает ограничения на трудовую миграцию из восьми стран-членов. Mode of access: <http://ria.ru/economy/20110428/369167071.html>.

⁷⁰ Миклашевская А. Новых европейцев не ждут на островах: Великобритания и Ирландия ввели ограничения на работу для болгар и румын. Mode of access: <http://www.kommersant.ru/doc-y.html?docId=716484&issueId=30235>.

устраиваться на работу на полставки при условии, что они учатся в колледже. Нелегально работающим в Великобритании румынам и болгарам грозили штрафы в размере £1000, причём крупные штрафы налагаются и на их работодателей. Таким образом, граждане самых бедных страны ЕС – Болгарии и Румынии – оказались на Британских островах в неравном положении с гражданами тех «стран-новичков», которые вступили в ЕС в 2004 г.

В июле 2011 г. Испания также ужесточила правила въезда в страну граждан Румынии. Вновь прибывшим румынам теперь приходилось запрашивать разрешение на работу, которое с 2008 г. давалось им автоматически при регистрации проживания в Испании. Главной причиной закрытия испанского рынка труда от иностранцев остаётся растущая в стране безработица. При этом ужесточение правил получения права на работу коснулось только румын, потому что их число постоянно пополнялось молдаванами, тысячи которых ежемесячно получали гражданство Румынии и с новыми паспортами тут же отправлялись на жительство и работу в Западную Европу, преимущественно – в Испанию. Впрочем, ограничение румын в праве на работу имело и политическую подоплеку. В Испании близились выборы 2012 г., и правящим социалистам приходилось подстраиваться под мнение избирателей, в частности, о вине иностранцев в росте безработицы. «Еврососедей», проживающих в Королевстве, теперь 2,4 млн чел., что на 5,8% больше чем в начале 2010 г. Больше всего среди них представлены граждане Румынии (817 460 человек), за которыми с ощутимым отрывом следуют британцы и итальянцы (соответственно 228 108 и 167 402 чел.)⁷¹.

Интеграция в принимающие общества Германии, Франции, Великобритании, Испании и Италии трудовых мигрантов и членов их семей из стран ЦВЕ, безусловно, проходит гораздо успешнее, чем, скажем, турок, пакистанцев или арабов. Расширение способствует решению демографических проблем Единой Европы, связанных с низкой рождаемостью и старением населения. Но данный ресурс не бесконечен, ибо надо учиты-

---

⁷¹ Руис Нико. Главные иммиграционные события этой недели в Испании и в ЕС. Mode of access: <http://www.newspain.ru/novost5348.html>.

вать, что страны ЦВЕ в среднем тоже не отличаются высокой рождаемостью. При этом Евросоюз не приветствует увеличение миграции из неевропейских стран. На совещании глав МВД стран ЕС в Сопоте в июле 2011 г. было принято решение, что при массовом наплыве иммигрантов действие Шенгенского соглашения может быть приостановлено⁷². Подобный шаг может означать серьёзный откат в деле европейской интеграции.

Следует отметить, что пока ни одна из стран-членов ЕС не выражала намерения покинуть Союз. Возможно, такие мысли возникнут рано или поздно у некоторых руководителей «государств-доноров», ибо – благодаря Лиссабонскому договору – появился соответствующий механизм. «Первой на выход» в ситуации полномасштабного кризиса ЕС явно претендует Великобритания, но даже в этом довольно маловероятном случае британцы не уйдут из Единой Европы в пустоту: их страна, безусловно, останется членом ЕЭП. Для европейской интеграции (в целом) это может оказаться определённым ударом, так как, во-первых, будет создан прецедент, а во-вторых, уйдёт одна из важных стран-доноров. Следовательно, Союз ещё больше «обеднеет», а его способность помогать экономическому росту «новичков» ослабнет.

Хорошо известно, что Евросоюз периодически сотрясают мощные кризисы – и не только финансово-экономические. Один из них – кризис европейской идентичности. В частности, вопрос о том, принимать ли в ЕС Турцию (с её постоянно растущим и слабо европеизированным населением, а также нерешёнными курдской, кипрской и многими другими проблемами) может окончательно расколоть европейское общественное мнение. Для сравнения: Турция подала заявку на вступление в ЕС ещё в 1987 г., но только в 1999 г. получила статус официального кандидата, в то время как Хорватия, подавшая заявку на членство в феврале 2003 г., уже в июне 2004 г. была признана Европейским Советом страной-кандидатом, а Исландия, подавшая заявку в июле 2009 г., признана кандидатом в июне 2010 г. Другими словами, на процесс признания официальным кандидатом у Тур-

---

⁷² Там же.

ции ушло 12 лет, у Хорватии – год с небольшим, у Исландии – меньше года.

Хорватия станет 28-м членом ЕС 1 июля 2013 г.⁷³ Исландия, вероятно, вступит чуть позже, в 2014 г. Договор будет подписан, но его ратификация в самой Исландии не гарантирована. Затем наступит черед Черногории, которая может завершить переговорный процесс примерно к 2015 г. и вступить в 2017 г. Впрочем, ЕС в данном случае может ускорить процесс, чтобы Черногория, де-факто давно перешедшая на евро, вступила, наконец, в зону евро и де-юре. Македония, вероятно, постарается «догнать» Черногорию, при поддержке Евросоюза устранив возражения Греции. Сербия, вероятно, откажется от Косово – и сможет вступить в 2018–2020 гг. С принятием Косово, Боснии и Герцеговины, Албании торопиться не будут. При этом вполне вероятен распад Боснии и Герцеговины – на две или три части. Наконец, Турция в обозримой перспективе членом ЕС не станет. Когда-нибудь договор с Турцией, возможно, придётся подписать, но его ратификация вряд ли не состоится. В ЕС всегда найдётся целый ряд стран, готовых заблокировать вступление Турции в Евросоюз. Законодательство и судебная система Турции всё ещё далека от европейских норм. Кроме того, Турции, благодаря её огромному (по европейским меркам) населению, придётся выделять соответствующие квоты во всех институтах ЕС (практически – наравне с ФРГ)⁷⁴.

Ясно, что дальнейшее расширение ЕС на Восток не сможет решить проблему регулирования миграционных потоков. В частности, рабочие из стран ЦВЕ не смогут вытеснить с рынков труда в западноевропейских странах трудовых мигрантов из Северной Африки. А дальнейший наплыв ближневосточных мигрантов угрожает не только нормальному функционированию Шенгенской зоны, но и стабильности европейского социального пространства.

Расширение Европейского Союза влияет на углубление ев-

---

⁷³ Подписан договор о вступлении Хорватии в Евросоюз. Mode of access: <http://top.rbc.ru/politics/09/12/2011/629147.shtml>.

⁷⁴ Подробнее см.: Кудряшова Ю.С. Турция и Европейский Союз: история, проблемы и перспективы взаимодействия. М., 2010. 384 с.

ропейской интеграции неоднозначно: позволяет решать одни проблемы (чаще всего – частично), но тут же создаёт новые. В частности, всё сложнее становится координировать усилия стран-членов в разных областях. Яркий пример – Общая внешняя политика и политика безопасности. Хотя согласно Лиссабонскому договору в ЕС появилась должность Высокого представителя Союза по иностранным делам и политике безопасности (соединила в себе полномочия Высокого представителя ЕС по внешней политике и политике безопасности и полномочия еврокомиссара по внешним отношениям), саму общую внешнюю политику Евросоюза вырабатывать становится всё труднее. Согласование национальных интересов и внешнеполитических подходов 27 стран с собственными дипломатическими традициями – весьма непростая задача. И по мере дальнейшего расширения ЕС трудности в данной сфере будут только нарастать.

Нельзя не учитывать и влияние США на европейскую интеграцию, которое всегда было весьма существенным. Современный Евросоюз часто рассматривается либо как структура внутри Атлантического Сообщества, либо как противостоящий США самостоятельный центр силы. Окончательный выбор в пользу одного из этих путей развития ещё не сделан. Если Великобритания перейдёт на евро и войдёт в Шенгенскую зону (что мало реалистично), не исключено более тесное взаимодействие Евросоюза и США. Если Великобритания покинет ЕС (а процедура выхода из Союза санкционирована Лиссабонским договором), то единая Европа сможет стать полноценной федерацией и – со временем – избавиться от американского влияния⁷⁵.

Председатель Комиссии Ж.-М. Баррозу полагает, что трансатлантические отношения должны гармонично дополнять европейский интеграционный процесс. Однако есть и другое мнение: единая Европа часто выступает прямым конкурентом США в борьбе за влияние в третьих странах, не наблюдается гармонии между сторонами ни в области торговых взаимоотношений, ни в соревновании евро и доллара. Возможность создания

---

⁷⁵ Браницкий А.Г. Процесс объединения Европы: поиск универсальной парадигмы идентичности: дис. ... докт. ист. наук : 07.00.15. Браницкий Андрей Геннадьевич. Н. Новгород, 2006. С. 428-429.

независимой «европейской армии» до сих пор беспокоит американских генералов⁷⁶. С одной стороны, Единая Европа медленно, но верно превращается в самостоятельный «центр силы» и всё меньше нуждается в опеке «старшего брата». С другой стороны, именно постоянное расширение ЕС способствует сохранению (а иногда и усилению) американского влияния в Единой Европе. Какая тенденция победит – вопрос открытый.

По нашему мнению, не только в краткосрочной, но и в среднесрочной перспективе сотрудничеству американских стран (не только США, но и Канады, государств Латинской Америки) с ЕС альтернативы нет. В связи с этим важно помнить, что США заинтересованы не в углублении европейской интеграции, а в максимальном расширении Евросоюза, в том числе – за счёт Турции и Западных Балкан. Внутри ЕС американскую точку зрения часто продвигают не только британские политики, но и политические элиты стран ЦВЕ («Новая Европа»). Многие страны-«новички» в значительной степени зависят от США в экономической, военно-политической и идеологической областях.

Расширение ЕС с точки зрения национальных интересов России – процесс неоднозначный, но приемлемый, в отличие от расширения НАТО⁷⁷. В результате расширения на Восток Единая Европа получила как комплекс проблем, связанных с транзитом в Калининградскую область, так и новые возможности для плодотворного сотрудничества с Российской Федерацией. Однако выработка единой внешней политики ЕС в отношении России затруднена серьёзными противоречиями, которые существуют между «русофилами», например, Италия и Кипр, и «русофобами», например, Эстония и Латвия. Следует надеяться на то, что заметное улучшение польско-российских отношений, наметившееся в последнее время, позитивно скажется на взаимоотношениях России и ЕС в целом.

«Усталость от расширения», которая хорошо ощущается в

---

⁷⁶ Европа: проблемы интеграции и развития. Монография. В 2-х т. Т. 1. История объединения Европы и теории европейской интеграции. Ч. 1. Под ред. О.А. Колобова. Н. Новгород, 2008. С. 332.

⁷⁷ Подробнее см.: Чумаков В.А. Расширение Европы и государственные интересы России. Арзамас-Н. Новгород, 2006. 160 с.; Расширение Европейского Союза и Россия. Под ред. О.В. Буториной, Ю.А. Борко. М., 2006. 568 с.

западноевропейских столицах, в перспективе, вероятно, будет преодолена. Но ЕС, безусловно, ждут новые трудности, связанные с необходимостью координации усилий всё возрастающего числа стран-членов. И, вполне возможно, уже в ближайшее время – не позднее 2014 г. – будет запущен процесс ревизии Лиссабонского договора и подготовки новой полномасштабной реформы институтов Евросоюза.

Н.В. Говорова*

ЕВРОПЕЙСКИЙ ОПЫТ РЕШЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ В ПЕРИОД ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

17 июня 2010 г. в Брюсселе главы государств и правительств 27 стран Евросоюза одобрили стратегию «Европа 2020» – программу по преодолению издержек глобального финансово-экономического кризиса, стимулированию роста и занятости. Инициатива определила основные движущие силы социально ориентированного роста: содействие развитию знаний, инноваций, образования и цифрового общества, эффективное использование ресурсов и повышение конкурентоспособности, повышение уровня занятости граждан. В сфере занятости планируется произвести радикальные изменения, имеющие отношение как к количественным, так и к качественным показателям. Речь идёт о 75% занятости трудоспособного населения, уровень образования которого должен неуклонно расти (предполагается, что не менее 40% молодых людей будет иметь высшее образование, а число бросивших школу снизится до 10%).

Сегодня дисбалансы европейской экономики велики, восстановление продолжает оставаться неоднородным и неустойчивым. Европейский рынок труда стал более сегментированным, региональное неравенство имеет тенденцию к углублению. Особенностью нынешней ситуации является увеличивающийся разрыв в социально-экономических показателях государств ЕС. Среди крупных экономик Союза рост, пусть и минимальный, наблюдается в Германии, Франции и Польше, в отличие от Ита-

---

* Говорова Наталья Викторовна, к.э.н., в.н.с. ИЕ РАН.

лии и Великобритании, самое значительное сокращение – в Испании и Португалии. В период кризиса из-за изменения структуры экономики, сокращения рабочих мест, особенно в производстве и строительстве усилилась поляризация рынка труда. Это содействовало росту неравенства по доходам, в том числе и в связи с высоким уровнем долговременной безработицы, выросшей в пятнадцати странах ЕС и достигшей 4,5% активного населения.

Задача оптимального решения самых насущных проблем европейцев настоятельно диктует необходимость проведения скоординированной политики в социальной сфере, взаимосвязанной со всеми направлениями деятельности Союза. Для разрешения социальных проблем в области занятости, обусловленных кризисом, необходимы слаженные усилия национальных правительств, институтов ЕС и социальных партнёров. Первый шаг в этом отношении был сделан Еврокомиссией, разработавшей в апреле 2012 г. пакет мер по расширению занятости (Employment Package), в котором предлагается принять к действию среднесрочные стратегии оптимального восстановления рынка труда, поддерживающие спрос и предложение и дополняющие усилия отдельных стран по решению данной проблемы.

Для достижения оптимального соотношения спроса и предложения на европейском рынке труда в период кризиса власти Евросоюза и национальные правительства направляют свои усилия на поддержку и создание как можно большего количества рабочих мест, оптимизацию деятельности служб занятости, оказание помощи безработным в создании собственного бизнеса, облегчение условий для мобильности трудящихся. Для этих целей упрощены критерии получения помощи из Европейского социального фонда (ЕСФ) – основного финансового инструмента по инвестициям в человеческий капитал ЕС. Средства, выделяемые работникам, идут на поддержку программ краткосрочной занятости, обучение и повышение квалификации, содействие мобильности, а также улучшение доступа к трудоустройству. Бюджет ЕСФ на период 2014–2020 гг. составит 84 млрд евро (на 10 млрд больше, в чем в предыдущий 7-летний период) и предположительно будет израсходован на основе пере-

распределения между различными европейскими регионами. Наименее развитые области (преимущественно в новых странах-членах ЕС, а также в отдельных районах Греции, Португалии, Испании и южной Италии) получают 40,7 млрд евро; «транзитивные» регионы могут рассчитывать на 15,6; а наиболее развитые – на 27,6 млрд евро.

Несмотря на то что в Евросоюзе было предпринято немало усилий для борьбы с социальными издержками кризиса, в результате которых удалось смягчить его наихудшие для населения последствия, европейские рынки труда сильно пострадали из-за спада в экономике. При этом наиболее уязвимыми оказались мигранты, неквалифицированные работники, а также люди преклонного возраста и молодёжь, традиционно высокий уровень безработицы которой превысил некоторых государствах 50% рубеж. 5,5 млн молодых людей в ЕС не имеет работы, до 7,5 млн выросло число молодых европейцев вне занятости, образования или обучения. Это не только низкоквалифицированная молодёжь, слишком рано закончившая учёбу, среди них и выпускники высших учебных заведений, которые не могут устроиться на свою первую работу. Поскольку половина сегодняшних рабочих мест требует квалификации высокого уровня, которой не обладают молодые, во многих странах третья часть молодёжи остаётся без работы спустя год после того, как заканчивает обучение.

Отметим, что издержки общества от молодёжной безработицы составляют более 150 млрд евро в год или 1,2% от ВВП ЕС. Некоторые страны (Болгария, Венгрия, Кипр, Греция, Италия, Ирландия, Латвия и Польша) теряют более 2% ВВП. Основные усилия ЕС по трудоустройству молодёжи связаны в первую очередь с использованием опыта наиболее успешных в этом отношении стран (Германии, Дании, Нидерландов, Великобритании) и опираются на европейские финансовые инструменты. В конце 2011 г. Европейская комиссия обнародовала программу по борьбе с молодёжной безработицей, на которую предполагает потратить порядка 30 млрд евро из Европейского социального фонда. Планируется, что это позволит создать в странах Союза 370 тыс. новых рабочих мест, обеспечить работой или до-

полнительным обучением выпускников школ в течение четырёх месяцев после её окончания.

В кризисный период получили новую жизнь некоторые инструменты, ранее применявшиеся для того, чтобы нивелировать издержки глобализации и лучше использовать её возможности. Комиссия приняла решение превратить Фонд адаптации к глобализационным вызовам (создан в 2006 г. для помощи потерявшим работу в результате структурных изменений в мировой торговле и переносом производства из стран ЕС в другие регионы мира) в максимально эффективный инструмент преодоления кризиса. Задачи Фонда – финансировать программы поиска работы, информировать трудящихся о карьерных возможностях, организовывать тренинги для получения новой специальности, повышения уровня профессиональной мобильности, оплачивать переезд граждан ЕС в поисках работы в другой город и открытие ими собственного бизнеса. С начала своей деятельности Фонд оказал поддержку порядка 91 тыс. работников, одобрив 102 заявки и выплатив в общей сложности более 438 млн евро. В планах Фонда – расширение поддержки на такие категории трудящихся, как работающие не по найму и временные занятые. Комиссия предполагает также реагировать на крупномасштабные увольнения, вызванные непредвиденными кризисами и отрицательными эффектами торговых соглашений в сельскохозяйственном секторе.

Микрофинансирование для тех, кто хочет начать собственный бизнес, но не может сделать этого из-за ограниченного доступа к кредитным ресурсам, – ещё один инструмент, способствующий оптимизации рынка труда в тяжёлые времена. Характерной особенностью этой практики является отсутствие жёстких требований к получателю, а одним из главных социально-экономических преимуществ – возможность открыть собственное дело, то есть повысить не только свой доход, но и благосостояние наёмных работников. Проект по микрофинансированию был запущен в 2010 г. по инициативе Еврокомиссии. Микрокредит в ЕС означает заём в пределах 25 тыс. евро, предназначенный для микропредприятий и для безработных, не имеющих доступа к традиционным банковским услугам. В рамках проекта

двадцать финансовых доноров получили гарантии на сумму 170 млн евро для предоставления средств потенциальным микро-предпринимателям в четырнадцати странах Союза. До 2019 г. ссуды общим объёмом 500 млн евро будут выданы 46 тыс. заёмщикам по всей Европе. Управляет процессом выдачи кредитов Европейский Инвестиционный Фонд.

Хорошим подспорьем в борьбе с социальными последствиями кризиса стали ежегодные Европейские дни трудоустройства – акции под патронажем Комиссии, обеспечивающие прямые контакты работников и работодателей и пропагандирующие преимущества трудовой мобильности. Кроме того, Комиссия обеспечивает работу общеевропейского портала EURES, объединяющего более 5 тыс. служб занятости, на котором работодатели и потенциальные наемные работники имеют доступ к информации из 31 европейской страны. Ежедневно на портале предлагаются сотни тысяч вакансий, к его помощи прибегает порядка 4 млн человек в месяц.

Экономический кризис привёл к уменьшению мобильности трудящихся. В настоящее время жители ЕС, живущие и работающие в одном из его государств, гражданами которого они не являются, составляют только 3,1% рабочей силы Союза. Европейское бюро подбора персонала (EPSO) в соответствии со стратегией, направленной на привлечение профессиональных кандидатов со всего континента, осуществляет шаги по обновлению методов подбора работников, введя более удобную для пользователей структуру своего веб-сайта. Объявления учреждений ЕС о вакансиях публикуются на 23 официальных языках Евросоюза. Перспективные кандидаты могут пройти интерактивное тестирование. Более чётко сформулированные вопросы анкеты и онлайн-помощь по её заполнению позволяют значительно упростить процесс найма и сократить период времени от предоставления первоначальной заявки кандидата до его принятия на работу. В дальнейших планах Бюро – повышение качества услуг, маркетинг и реклама вакансий для конкретных целевых групп.

В условиях кризиса правительства многих стран Евросоюза вынуждены резко сокращать социальные расходы. Сегодня на грани бедности находится около четверти населения ЕС, а каж-

дый десятый страдает от нищеты. В конце октября 2012 г. Европейская комиссия предложила создать новый Европейский фонд поддержки наиболее нуждающихся людей. Через Фонд ЕС будет поддерживать программы стран-членов, на основании которых наиболее обездоленные граждане будут получать еду и товары первой необходимости. Комиссия полагает, что такой фонд сделает доступной помощь для наиболее социально незащищённых групп. Сегодня в ЕС 4 млн бездомных, 116 млн граждан находятся на грани социального отчуждения и бедности (в том числе 25,4 млн детей). Комиссия уже в 2013 г. предполагает оказать помощь 18 млн человек. На 2014–2020 гг. ЕК предлагает зарезервировать средства из бюджета ЕС в размере 2,5 млрд евро. В этот период государства-члены ЕС смогут ходатайствовать о получении финансирования из Фонда. Страны будут самостоятельно разрабатывать и осуществлять свои программы по борьбе с бедностью и социальным исключением, при этом 85% помощи придёт из нового Фонда, 15% придётся заплатить из собственных средств.

В соответствии со Стратегией «Европа 2020» Комиссия призывает активно вовлекать в трудовую деятельность представителей старшего поколения. По расчётам специалистов продолжительность жизни европейцев к 2060 г. вырастет до 89 лет для женщин и 84 лет для мужчин, около трети населения будет относиться к категории 65 лет и старше. При этом сегодня средний возраст выхода на пенсию по ЕС-27 составляет 61,4 года, и только половина жителей старше шестидесяти лет продолжает работать; чтобы доходы пенсионеров оставались на нынешнем уровне, пенсионный возраст должен вырасти до 70 лет.

Также важна гармонизация национальных правил при начислении пенсий, чтобы жители ЕС не теряли свои пособия, стаж и накопленный пенсионный капитал при перемещении из одной страны в другую. Комиссия считает неизбежным дальнейшее повышение пенсионного возраста с учётом того, что в условиях позднего выхода на пенсию трудящимся нужны дополнительные гарантии в виде специально подготовленных для пожилых людей рабочих мест, а также возможности переобучения с учётом состояния здоровья. Для популяризации этой

идеи Комиссия объявила 2012 г. Европейским годом активной старости, приурочив к нему запуск целого ряда общественных и законодательных инициатив.

* * *

Правовой основой современной социальной политики ЕС являются положения соответствующих разделов и глав Лиссабонского договора, устанавливающих методы, с помощью которых институты Союза могут оказывать влияние на процессы в социально-трудовой сфере. В Договоре поставлены основные цели социальной политики, касающиеся повышения занятости, улучшения условий жизни и труда, развития человеческого капитала, борьбы с маргинализацией. Власти ЕС поддерживают и дополняют действия национальных правительств в области охраны труда и здоровья, интеграции безработных, гендерного равенства на рынке труда, трудового законодательства, базового и профессионального обучения, социального обеспечения, переговоров между социальными партнёрами, осуществляют координацию усилий стран в вопросах занятости.

В ближайшем будущем в повестку дня при осуществлении социальной политики Евросоюза войдут традиционные вопросы расширения компетенции органов ЕС в социальной сфере и увеличения числа социальных институтов коммунитарного уровня, социально-экономического выравнивания стран-членов ЕС и сближения национальных систем социальной защиты. Пока осуществлению идеи гармонизации условий жизни и труда препятствует не только большой разрыв между социальными стандартами богатых и бедных государств-членов, несоответствие квалификации рабочим местам, проблемы, обусловленные долговременной и молодёжной безработицей, но и различие в методах проведения социальной политики и нежелание некоторых стран делегировать полномочия в этой сфере наднациональным органам.

На фоне кризисных явлений в экономике и социальной сфере, Евросоюзу необходимо объединить усилия для разработки новой социальной модели, формирования общеевропейского социального законодательства и права, оптимизации условий труда и занятости, защиты прав работников, условий найма. По-

ставленные в рамках Стратегии «Европа 2020» социально-экономические задачи можно решить, только инвестируя в исследования и инновации, стимулируя деловой потенциал, особенно малого и среднего бизнеса, соблюдая баланс гибкости и безопасности на рынке труда, повышая наукоёмкость экономики, а также социальные и экологические стандарты.

В.Г. Дорохов*

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОВОД КАК СРЕДСТВО ВЛИЯНИЯ НА ФОНДОВЫЕ РЫНКИ ЕВРОПЫ (2008–2012 гг.)

Начиная с 2008 г., всё активнее нарастает риторика, связанная с разразившимся мировым кризисом. До сих пор неясно, чем он закончится и как скоро он ослабеет. Различные средства массовой информации бомбардируют слушателей информационными поводами, которые в той или иной степени являются спланированными. Как правило, информационный повод воспринимается как событие, которое служит основанием для теле и радиоэфира и публикаций в прессе. Соответственно данное событие своей значимостью или экстравагантностью может заинтересовать зрителя и стать предметом обсуждения⁷⁸. Необходимо также учитывать, что оно обязано быть актуально времени и месту, так как это позволяет в наиболее полной мере использовать все возможности информационных манипулятивных технологий. Не последнюю роль в создании информационных пузырей в медийном пространстве сыграло резкое расширение сети Интернет в конце XX в. Это вывело систему организации информационного повода на новый уровень развития.

В период возникновения различных кризисов, информационных поводов как естественного, так и искусственного проис-

---

* Дорохов Валерий Геннадьевич, к.и.н., доцент, Кемеровский государственный университет, кафедра истории и культуры России.

⁷⁸ Басков А. Информационный повод. URL: <http://newideology.ru/slovar/i/informatsionnyi-povod/> (дата обращения: 13.07.2012).

хождения становится на порядок больше. Достаточно ярким примером являются европейский финансовый и долговой кризисы, активно муссируемые уже который год в европейской и мировой прессе. Например, большая часть новостного поля, создаваемая вокруг фондового рынка Европы или европейских институтов власти, относится к категории искусственных новостей. Впрочем, скорее всего данный факт выгоден как одной, так и другой стороне.

В частности, когда в 2008 г. стало ясно, что разгоревшийся в США ипотечный кризис перерастает в финансовый, большинство мировых СМИ включилось в создание соответствующего новостного фона и стало постоянно подкидывать порции дополнительных информационных поводов. Нагнетание ситуации в экономической сфере привело к раскручиванию негативного новостного фона в политической плоскости. Крушение американского инвестиционного банка «Lehman Brothers» было само по себе негативным событием, но отнюдь не вселенского масштаба. Однако с лёгкой руки прессы, это происшествие стало фактически нарицательным словом. Нагнетание ситуации хорошо можно проследить в ходе подготовки и открытий крупных европейских мероприятий, т.н. антикризисных саммитов, где помимо экономических вопросов, в обязательном порядке затрагивались и политические (Вашингтон (2008), Лондон (2009), Питтбург (2009), Торонто (2010), Сеул (2010), Канны (2011), Лос-Кабос (2012), Брюссель (2012)). Как только первичная информация поступала на всеобщее обозрение, пресса, специализирующаяся на освещении данных новостей, активно раскручивала возможные плюсы и минусы вероятных итогов саммитов. Муссирование вероятных итогов очень сильно отражается на работе фондовых рынков всего мира. Ведь бóльшая часть инвесторов, оперирующих на фондовых площадках, являются трейдерами, для которых важны не сами конечные события, а возможные варианты развития ситуаций. На бирже есть пословица: «Покупай на слухах, продавай на фактах». Подобное понимание механизмов воздействия на биржу в конечном итоге позволяет воздействовать на принятие политических решений на более высоком уровне.

Если анализировать выводы, которые публиковались на первом этапе развития кризиса, то в целом они были вполне оптимистичны. Однако по мере развития событий в мире пресса активнее стала искать негатив в проводимых антикризисных мероприятиях. Здесь включились уже другие механизмы раскрытия информационного повода. Наиболее наглядно это прослеживается по новостному фону относительно ситуации в Греции. Уже с 2009 г. в СМИ постоянно освещалась «греческая проблема». И даже если изначально новостной фон был не настолько критичен, а его влияние на фондовые площадки минимальным, то к 2012 г. всё происходившее в этой стране сразу отзывалось на фондовых площадках Европы.

В настоящее время данная проблема перешла из чисто экономической плоскости в политическую. СМИ активно обсуждают вопрос о будущем зоны евро. Прямым следствием этой ситуации стало усиление политического воздействия на правительства стран ЕС со стороны избирателей. Особенно это касается ФРГ и Франции как главных локомотивов экономического и политического развития Евросоюза. Например, проблема еврооблигаций напрямую связана не столько с экономической проблемой стабилизации ЕС, сколько с согласием ФРГ на выпуск данных облигаций. А. Меркель же не может этого делать, не учитывая позицию своих коллег по правящей коалиции.

Факт создания искусственного новостного фона вокруг темы Греции вполне очевиден. С течением времени события в этой стране стали терять остроту, и в качестве новой жертвы были выбраны Испания и Италия. Хотя проблем в странах Балтии и Ирландии значительно больше, но новостного эффекта от их освещения значительно меньше в силу менее крупных экономик и степени влияния на европейские события. Из-за переизбытка новостей в период муссирования темы Греции сегодня даже относительно нейтральные новости сразу же влияют на изменение фондовых котировок. Поскольку современные рынки глубоко взаимосвязаны, то проблемы в одной части Европы (пусть даже и надуманные), сразу же отражаются в другой. Так, несколько месяцев фондовые рынки Европы нервно реагировали на заявления испанского правительства о том, что Мадрид

не будет обращаться за международной финансовой помощью. Казалось бы, новость положительная, но её интерпретации в разных частях ЕС существенно различались.

Один из любимых информационных поводов в европейских СМИ – тема саммитов. В конце июня 2012 г. в Брюсселе прошёл очередной саммит ЕС, который показал, что, несмотря на достаточно скромные результаты, биржи воспринимали практически все сигналы, шедшие от политиков, лояльно. По окончании саммита, когда стала ясна переоценённость новостных поводов, практически весь новостной позитив иссяк, и в начале июля индексы большинства европейских бирж вновь пошли вниз. Как следствие снова стал раскручиваться новостной негатив.

Открывшийся 22 ноября 2012 г. очередной саммит ЕС по вопросам бюджета подтвердил данную логику в освещении новостей. Уже на следующий день телеканал Deutsche Welle сообщил, что «саммит ЕС на грани провала»⁷⁹. Причём, хотя в ходе предыдущих саммитов вопрос формирования совместного бюджета также присутствовал, ему не придавали той же значимости. Речь шла лишь о 2% суммарных бюджетов стран-членов ЕС.

В целом информационное освещение новостей, связанных с мировыми и европейскими саммитами и в целом с мировым кризисом, указывает на три важные тенденции:

1. Элита общества всё больше становится предметом новостей. Начиная с 2008 г., процент показа представителей европейской и американской политической и особенно экономической элиты, значительно возрос. Первых лиц государств, президентов различных компаний, глав ЕЦБ и ФРС стали показывать практически каждый день. Если раньше простой европеец вряд ли мог назвать главу ЕЦБ, то теперь вероятность правильного ответа значительно выше. То же можно сказать и про главу ФРС Б. Бернанке, которого раньше знали разве что сотрудники Бе-

---

⁷⁹ Меркель: Саммит ЕС на грани провала. URL: <http://www.dw.de/меркель-саммит-ес-на-границы-провала/a-16400211> (дата обращения 28.11.2012).

⁷⁹ Stephen Mihm Dr. Doom. URL: http://http://www.nytimes.com/2008/08/17/magazine/17pessimist-t.html?_r=0 (дата обращения 28.11.2012).

⁷⁹ Нуриэль Рубини: Я даю евро ещё полгода. Перевод А. Полоцкого. URL: <http://http://www.rbcdaily.ru/2012/07/31/world/562949984429373> (дата обращения 28.11.2012).

лого дома и участники биржевых торгов.

2. Чем больше событие персонализировано, тем выше вероятность, что оно станет новостью. Когда мы слышим о кризисе в отдельно взятой европейской стране, то возникает ассоциация с ведущим политиком, активно принимающим участие в решении её проблем и выступающим с соответствующими заявлениями. Во Франции такими фигурами были Николя Саркози, потом Франсуа Олланд; в Италии долгое время новостной фон был сосредоточен на Сильвио Берлускони, затем – на Марио Монти; в Великобритании – на Гордоне Брауне, сейчас – на Дэвиде Кэмероне. И лишь в Германии главная новостная фигура более устойчива – Ангела Меркель.

В этом контексте очень любопытно резкое повышение роли различных «финансовых» и «политических» гуру, специализирующихся на освещении текущих и будущих событий. Например, Н. Рубини стал известным после того, как его предсказание относительно крушения ипотечного рынка в США осуществилось. Причём в статье, опубликованной в газете «New York Times», напрямую указывался тот факт, что Рубини был известен и раньше как вечный пессимист. Соответственно, если бы кризис не стал развиваться по негативному сценарию Рубини, то его и дальше игнорировали бы как коллеги, так и пресса. Сейчас же его персону, мнение достаточно активно тиражируются в СМИ.

3. Чем больше негатива в событии, тем выше вероятность для него стать новостью. Наиболее полно данное положение можно проследить по тому новостному фону, который разворачивался вокруг греческой, итальянской и испанской проблемы. Начиная с конца 2009 г., когда рейтинговое агентство Fitch понизило кредитный рейтинг Греции с уровня «А-» до «ВВВ+», новостные агентства стали уделять данному факту значительно больше внимания, чем раньше⁸⁰. Когда в октябре 2011 г. возникла чисто техническая проблема – как заставить держателей греческих государственных облигаций из частного

---

⁸⁰ Бекренев А. Агентство Fitch понизило долгосрочный кредитный рейтинг Греции. URL: <http://www.itar-tass.com/c199/423241.html> (дата обращения 14.07.2012).

сектора взять на себя убытки от списания 50% долга страны – европейские СМИ затопила волна сообщений из Греции, которые были больше похожи на военные сводки. Подобные новости позже стали исходить из Италии и Испании. Всё это напрямую отразилось на экономическом и политическом развитии данных стран, в том числе на биржах.

В целом, несмотря на то что о финансовом кризисе активно заговорили уже в 2008 г., спустя пять лет эта риторика не только не ослабевает, но с постоянной периодичностью становится главным новостным фоном в мировых СМИ. Сейчас чаще говорят о долговом кризисе стран-участников ЕС и сопутствующем ему экономическом кризисе. Так как экономическая составляющая современного развития государства тесно связана с политической, то все проблемы, возникающие в первой плоскости, быстро переходят в политическую. В тоже время развернувшийся кризис выгоден множеству игроков, включая определённую часть участников биржевых торгов, которые в связи с повышением волатильности на рынках смогли значительно нарастить свои прибыли и перераспределить доходы. Не стоит забывать и о евробюрократии, так как именно финансовый кризис и неурядицы на фондовых рынках позволяют ей заявлять о необходимости более серьёзного контроля со стороны ЕЦБ за финансами стран-участниц ЕС. Фактически речь идёт о снижении степени суверенитета национальных государств. Вполне возможно, что следующим этапом станет укрепление политической связки между странами-участниками. Эту тему всё чаще начинают поднимать в СМИ.

ГРАНИЦЫ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ, МЕНТАЛЬНЫЕ

В.В. Войников*

КРИЗИС В ЕВРОПЕ И ПРОБЛЕМА РЕФОРМИРОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ЕВРОПЕЙСКОГО

---

* Войников Вадим Валентинович, доцент кафедры международного и европейского права БФУ им. И.Канта.

ПРОСТРАНСТВА СВОБОДЫ БЕЗОПАСНОСТИ И ПРАВОСУДИЯ

Понятие «кризис в Европе» чаще всего связывают с т.н. европейским долговым кризисом, первые признаки которого стали проявляться в конце 2009 г.⁸¹ Первоначально кризис проявил себя в финансовой сфере и выражался в кризисе государственных заимствований ряда европейских стран, затем он охватил практически всю зону евро. А впоследствии, кризисные явления стали обнаруживаться в иных сферах европейской интеграции.

Сейчас понятие «кризис в Европе» можно рассматривать как собирательное понятие, включающее проявления кризисных явлений в различных сферах европейской интеграции. При этом в одних случаях кризисные явления носят явный характер, в других случаях следы кризиса не так заметны.

Настоящая статья посвящена одному из ключевых проектов, реализуемых в рамках ЕС – пространству свободы, безопасности и правосудия (далее – ПСБП).

Пространство свободы, безопасности и правосудия – эта та сфера, которую кризис не мог обойти стороной. Сейчас сложно сказать повлиял ли долговой кризис в Европе на прочность европейского пространства свободы, безопасности и правосудия. Но кризисные явления в финансовой сфере и в области свободы передвижения граждан пришлось на одно и то же время.

Пространство свободы, безопасности и правосудия – один из многих проектов Европейского Союза, который реализуется наравне с такими известными проектами, как создание зоны евро, построение внутреннего рынка, единого таможенного пространства и т.д. Сейчас пространство свободы, безопасности и правосудия выступает не только сферой сотрудничества, но и одним из атрибутов европейской интеграции.

Отмена контроля на внутренних границах, возможность свободного перемещения в границах Шенгенского пространства, формирование единого правового пространства рассматриваются в качестве одних из главных достижений Европейской инте-

---

⁸¹ Кристина Бардина. Европейский долговой кризис: причины, последствия и варианты решения. <http://www.finam.ru/analysis/forecasts01273>.

грации. Это те достижения, которыми реально пользуется большинство граждан ЕС и третьих стран.

Наша цель состоит в том, чтобы выявить основные проблемы, связанные с развитием пространства свободы, безопасности и правосудия, определить каким образом данные проблемы могут отразиться на отношениях Россия – ЕС, а также обозначить направления реформирования данной системы.

Основные угрозы.

В настоящий момент можно выделить две «проблемные» зоны пространства свободы, безопасности и правосудия – пересечение внутренних и внешних границ Шенгенского пространства и иммиграционная политика.

Неконтролируемая иммиграция в ЕС, безусловно, снижает эффективность существующего механизма пересечения внешних и внутренних границ в целом. А любые проблемы в данной сфере неизбежно скажутся на всех остальных областях пространства свободы, безопасности и правосудия, поскольку отмена контроля на внутренних границах – это та идея, которая послужила основной движущей силой всего Шенгенского процесса. И если эта система провалится, то такой провал будет означать крах всего пространства свободы, безопасности и правосудия.

Европейское пространство свободы безопасности и правосудия представляет собой сложный механизм, выход из строя одного из элементов влечёт за собой сбой во всей системе.

Серьёзным вызовом для ЕС в области ПСБП стали события, связанные с массовым притоком нелегальных иммигрантов в Италию и последовавший за этим диспут между Францией и Италией.

Весной 2011 г. большая группа нелегальных иммигрантов из Северной Африки высадилась на итальянском острове Лампедуза⁸². Италия обратилась за поддержкой в Европейскую Комиссию, однако, не получив помощи, приступила к оформлению иммигрантам необходимых документов, дающим им право свободно передвигаться по территории всего Шенгенского пространства.

---

⁸² Татьяна Зонова. Италия: вызовы иммиграции. http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=52#top.

В ответ на такие действия итальянских властей Франция временно восстановила контроль на франко-итальянской границе с целью недопущения на свою территорию североафриканских иммигрантов,двигающихся из Италии (ок. 25000 чел.)⁸³.

Смысл конфликта состоял в том, что государства-члены ЕС не вправе осуществлять пограничный контроль на внутренних границах. Согласно действующему законодательству восстановление контроля возможно лишь в исключительных случаях и только на временной основе.

Неоправданные внутренние пограничные проверки означают нарушение фундаментального принципа всего Шенгенского пространства – права на свободу передвижения, не подвергаясь каким-либо пограничным проверкам.

Ситуация обострилась ещё и тем, что в мае 2011 г. об одностороннем восстановлении контроля на внутренних границах объявила Дания⁸⁴.

Все указанные события расценивались как реальная угроза одному из основных достижений Европейской интеграции – Шенгенскому пространству. Ведь в случае восстановления контроля на внутренних границах все остальные Шенгенские достижения, такие как единая виза, право иностранцев на свободное передвижения в рамках Шенгенского пространства и т.д., теряют какой-либо смысл.

Данные события являлись симптомом того, что существующая Шенгенская система не достаточно сильна для того, чтобы справиться со слабостями отдельных государств-членов в критические ситуации и предотвращать потенциальные угрозы.

Указанные проблемы, с одной стороны, не позволяют реализовать многие реформы, задуманные несколько лет назад, а с другой стороны, способствуют появлению новых задач, требующих немедленного реагирования.

В связи с этим перед ЕС серьёзно встал вопрос о реформировании указанных систем с тем, чтобы обеспечить их сохране-

---

⁸³ А. Соколов Выдержит ли остров Лампедуза? Вся Европа, № 4 (54), 2011, <http://www.alleuropa.ru/viderzhit-li-ostrov-lampeduza>.

⁸⁴ И. Чернышов Дания отгораживается от соседей. Вся Европа, № 7-8 (57), 2011, <http://www.alleuropa.ru/daniya-otgorazhivaetsya-ot-sosedey>.

ние и дальнейшее развитие.

Направления реформирования европейского ПСБП.

В развитии пространства свободы, безопасности и правосудия можно обозначить два направления. С одной стороны, ЕС пытается внедрить все новые механизмы и обеспечить дальнейшее углубление интеграции. С другой стороны, ЕС приступил к ликвидации слабых мест в уже существующих механизмах.

Первое направление.

Первое направление связано с дальнейшим укреплением внешних границ Шенгенского пространства. Создание единого Шенгенского пространства и единой политики пересечения внешних границ привело к возникновению в политическом лексиконе ЕС образного понятия «fortress Europe», т.е. надёжного механизма защиты внешних границ ЕС. В настоящее время на повестке дня стоит вопрос создания «электронной крепости», т.е. максимального использования в области охраны и контроля границ современных информационных технологий.

По мнению европейских политиков, использование информационных технологий позволит более надёжно защищать внешние границы Шенгенского пространства, а с другой более эффективно осуществлять пограничный контроль.

В области охраны границ такая роль отведена программе «EUROSUR», в области пограничного контроля программе «Умные границы» или «Smart borders».

Программа «*Умные границы*» или «*Smart borders*» представляет собой пакет мер, направленных на оптимизацию системы пропуска через границу, она включает в себя два основных компонента: система регистрации въезда/выезда (entry/exit system) и программа регистрации путешественников (registered traveller programme)⁸⁵.

Система регистрации въезда/выезда предусматривает создание единой системы регистрации всех въезжающих и выезжающих с территории Шенгенского пространства граждан. Указанная система может быть создана в качестве единой программы или в качестве программы, объединяющей национальные си-

---

⁸⁵ «Smart Borders»: enhancing mobility and security, 28.02.2013. http://europa.eu/rapid/press-release_IP-13-162_en.htm.

стемы.

Программа регистрации путешественников ориентирована на законопослушных и добросовестных иностранцев, регулярно посещающих Шенгенское пространство. Статус участника программы даёт иностранцу на прохождение границы в упрощённом автоматическом порядке.

Практически это означает то, что иностранец, являющийся участником данной программы, пересекает границу через электронный пункт контроля, без непосредственного контакта с сотрудником пограничной службы. Сотрудники погранслужбы осуществляют лишь визуальный контроль за правильностью прохождения гражданами предусмотренных процедур.

Для этого иностранцу выдаётся специальная машиносчитываемая карта, содержащая уникальный идентификационный номер. При прохождении через автоматический пункт пропуска компьютер считывает информацию с карточки, проездного документа, визы (в случае если иностранец обязан иметь визу), а также снимает отпечатки пальцев для идентификации с данными, содержащимися в визовой информационной системе. В случае успешного прохождения контроля иностранец пересекает границу без непосредственного контакта с сотрудником пограничной службы.

Впервые о возможности внедрения компонентов инициативы «Smart borders» было заявлено в 2008 г., Европейская Комиссия подготовила сообщение о системе въезда/выезда на внешних границах Шенгенского пространства и облегчения пересечения границ добросовестными путешественниками⁸⁶.

По результатам неформальной министерской встречи по вопросам юстиции и внутренних дел в Сопоте был подготовлен доклад по инициативе «Smart Borders». Авторы доклада подняли несколько вопросов относительно указанной инициативы⁸⁷.

---

⁸⁶ Communication from the Commission to the European Parliament and to the Council On an entry/exit system at the external borders of the European Union, facilitation of border crossings for bona fide travellers, and an electronic travel authorisation system Brussels, COM(2008) final, <http://www.statewatch.org/news/2008/feb/eu-com-exit-entry.pdf> (05/10/2011)

⁸⁷ Informal meeting of the Justice and Home Affairs Ministers, Sopot, 18-19 July 2011, <http://www.statewatch.org/news/2011/jul/eu-council-informal-jha-smart>

В частности, насколько предлагаемые к внедрению системы будут эффективны, будут ли расходы на внедрение и поддержание указанных систем пропорциональны полученным результатам.

28 февраля 2013 г. Европейская Комиссия подготовила пакет законопроектов, направленных на внедрение в жизнь программы «Умные границы». Указанный пакет включал в себя следующие законопроекты: проект регламента, устанавливающего систему регистрации въезда/выезда⁸⁸; проект регламента, устанавливающего программу регистрации путешественников⁸⁹; проект регламента, изменяющего Шенгенский кодекс о границах в связи с использованием системы регистрации въезда/выезда и программы регистрации путешественников⁹⁰.

Европейский Союз не является первооткрывателем системы электронного пограничного контроля. Такие системы уже используются в США, Гонконге и других странах. Особенностью программы «Умные границы» в рамках ЕС является то, что она создаётся и реализуется не в рамках отдельного государства, а в рамках целой группы стран, входящих в состав Шенгенского пространства.

Программа «умные границы» в значительной степени упрощает пересечение границы, снижает уровень коррупции на границе и серьёзно уменьшает т.н. человеческий фактор. Данная система является внутренним проектом Европейского Союза. Вместе с тем, в рамках сотрудничества России и ЕС в сфере управления границ целесообразно рассмотреть вопрос об исполь-

---

-borders.pdf (05/10/2011).

⁸⁸ Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council establishing an Entry/Exit System (EES) to register entry and exit data of third country nationals crossing the external borders of the Member States of the European Union. Brussels, 28.2.2013 COM(2013) 95 final 2013/0057 (COD). http://ec.europa.eu/dgs/home-affairs/doc_centre/borders/docs/1_en_act_part1_v12.pdf.

⁸⁹ Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council establishing a Registered Traveller Programme Brussels, 28.2.2013 COM(2013) 97 final 2013/0059 (COD). http://ec.europa.eu/dgs/home-affairs/doc_centre/borders/docs/1_en_act_part1_v14.pdf.

⁹⁰ Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council amending Regulation (EC) No 562/2006 as regards the use of the Entry/Exit System (EES) and the Registered Traveller Programme (RTP) Brussels, 28.2.2013 COM(2013) 96 final 2013/0060 (COD). http://ec.europa.eu/dgs/home-affairs/doc_centre/borders/docs/1_en_act_part1_v6.pdf.

зовании преимуществ указанной системы.

В частности, аналогичная система автоматической регистрации пересечения границы может быть введена и в России. Россия может использовать опыт ЕС и других стран в данной сфере, а на общих границах России и ЕС целесообразно обеспечить совместимость указанных систем.

Европейская система по наблюдению за внешними границами (**ЕВРОСУР**) представляет собой механизм сотрудничества и обмена информацией, позволяющий государствам-членам ЕС более эффективно осуществлять охрану границ, а Агентству ФРОНТЕКС сотрудничать на тактическом, оперативном и стратегическом уровнях⁹¹. Данная система ориентирована преимущественно на южные морские и восточные сухопутные границы Союза. Однако в дальнейшем она будет распространена на все остальные участки границ.

При этом Агентство ФРОНТЕКС должно играть в этом механизме ключевую роль. Помимо координации сотрудничества ФРОНТЕКС должен осуществлять функции администрирования данного механизма.

В конце 2011 г. Европейская Комиссия подготовила проект регламента, устанавливающего Европейскую систему наблюдения за границами, по состоянию на начало 2013 г. проект регламента не принят⁹².

Планируется, что ЕВРОСУР будет осуществлять тесные контакты с третьими странами, однако этот вопрос будет актуальным только после запуска механизма.

Указанный опыт может быть использован в отношениях Россия–ЕС, поскольку Россия заинтересована в развитии оперативного сотрудничества в пограничной сфере.

Второе направление.

В мае 2011 г. в ответ на франко-итальянский конфликт, свя-

---

⁹¹ Commission Staff Working Paper Determining the technical and operational framework of the European Border Surveillance System (EUROSUR) and the actions to be taken for its establishment, Brussels, 28.1.2011, SEC(2011) 145 final.

⁹² Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council Establishing the European Border Surveillance System (EUROSUR) Brussels, 12.12.2011 COM(2011) 873 final 2011/0427 (COD). http://ec.europa.eu/home-affairs/doc_centre/borders/docs/eurosur%20final.pdf.

занный с временным осуществлением пограничных проверок на внутренних границах Европейская Комиссия подготовила сообщение о миграции, в котором посчитала возможным изменение существующего порядка временного восстановления пограничного контроля на внутренних границах⁹³.

Данная инициатива была продиктована желанием сделать механизм временного восстановления контроля на внутренних границах более понятным и эффективным, одновременно предотвратить возможность со стороны государств-членов ЕС злоупотребления данным правом.

По мнению Комиссии, сохранение и укрепление Шенгенского пространства возможно лишь путём усиления наднациональных механизмов в регулировании вопросов, касающихся пересечения внутренних границ ЕС. В частности, Европейская Комиссия пришла к выводу о том, что государства-члены ЕС должны иметь право на временное восстановление контроля на внутренних границах в любых экстраординарных ситуациях, однако такое решение должно приниматься не самими государствами, а Европейской Комиссией с учётом интересов всего Союза.

Комиссия исходила из следующего постулата, право на свободу передвижения, которым пользуются большинство граждан ЕС, не должны ставиться под угрозу единоличным решениям отдельных государств-членов ЕС. Поэтому односторонние решения на национальном уровне должны быть в максимально возможной степени минимизированы, а общеевропейские интересы должны быть обеспечены в рамках Шенгенского пространства.

Таким образом, Европейская Комиссия, посредством реформирования системы временного восстановления контроля на внутренних границах намеревалась взять под свой контроль принятие такого рода решений.

16 сентября 2011 г. Европейская Комиссия подготовила сообщение⁹⁴ и проект соответствующего регламента об изменении

---

⁹³ Communication from the Commission to the European Parliament, the council, the Economic and social Committee of the regions, Communication on migration Brussels, 4.5.2011, COM(2011) 248 final.

⁹⁴ Communication from the Commission to the European Parliament, the Council,

Шенгенского кодекса о границах. Согласно указанному документу принятие окончательного решения о восстановлении контроля на внутренних границах должно быть предоставлено самой Комиссии. Государства-члены могут лишь ходатайствовать о принятии такой меры, право на самостоятельное решение о восстановлении контроля сохраняется за государствами-членами ЕС только в самых исключительных случаях и только на период до 5 дней⁹⁵.

По мнению разработчиком законопроекта восстановление контроля на внутренних границах должно рассматриваться как самая последняя мера, когда другие средства не могут противостоять угрозе общественному порядку или внутренней безопасности. В частности, по мнению Европейской Комиссии, применительно к восстановлению контроля весной 2011 г., прибытие около 25000 экономических иммигрантов не может быть рассмотрено в качестве достаточного основания для осуществления пограничных проверок.

Подготовка указанного законопроекта может быть квалифицирована как очередной этап «коммунитаризации» законодательства Союза о свободе передвижения граждан. В случае принятия законопроекта государства-члены ЕС будут лишены ещё одной части своего суверенитета. Соответственно, ещё уменьшится роль государственных границ внутри ЕС.

Россия и ЕС. Каким образом кризис в европейском ПСБП может коснуться России.

Также как и с финансовым кризисом последствия кризисных явлений в пространстве свободы, безопасности и правосудия не смогут обойти стороной ближайших соседей Европейского Союза, в том числе и Россию.

Во-первых, ЕС для России основной стратегический парт-

---

the European Economic and Social Committee and the Committee of the regions Schengen governance – strengthening the area without internal border control Brussels, 16.9.2011 COM(2011) 561 final.

⁹⁵ Proposal for a REGULATION OF THE EUROPEAN PARLIAMENT AND OF THE COUNCIL amending Regulation (EC) No 562/2006 in order to provide for common rules on the temporary reintroduction of border control at internal borders in exceptional circumstances, Brussels, 16.9.2011, COM(2011) 560 final 2011/0242 (COD), режим электронного доступа: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2011:0560:FIN:EN:PDF>.

нёр, с которым активно развивается сотрудничество в сфере ПСБП, на протяжении почти 8 лет реализуется дорожная карта по созданию общего пространства, за последние годы сформирована определённая правовая основа партнёрства. В случае краха данного проекта внутри ЕС, вся многолетняя работа, все договорённости, достигнутые в последние годы, окажутся напрасными.

Во-вторых, глядя на ЕС, на постсоветском пространстве Россия участвует в формировании новой интеграционной модели – Евразийского Союза (ЕАС), который должен базироваться на аналогичных принципах, что и ЕС.

В случае успеха Евразийской интеграции обязательно встанет вопрос о создании внутри ЕАС некоего подобия пространства свободы, безопасности и правосудия.

В этом случае успехи и неудачи европейского ПСБП будут предопределять развитие аналогичного пространства в рамках ЕАС. Если данный проект потерпит неудачу в рамках ЕС, то перспективы создания его аналога в рамках ЕАС останутся очень слабыми.

18 ноября 2011 г. главы Беларуси, России и Казахстана подписали декларацию о Евразийской экономической интеграции⁹⁶. Указанный документ является отправной точкой для процесса формирования нового интеграционного образования на постсоветском пространстве – Евразийского Союза. Сфера свободы, безопасности и правосудия также нашла своё отражение в тексте декларации, так, стороны договорились о развитии сотрудничества по вопросам миграционной политика.

Необходимо отметить, что согласно первоначальному проекту декларации о формировании Евразийского Союза сфера взаимодействия в данной области была обозначена значительно шире. В частности, по предложению российской стороны в компетенцию Евразийского Союза должны были войти: сотрудничество в сфере безопасности; противодействие новым вызовам и угрозам; создание единой интегрированной системы управления границами; гармонизация законодательства и политик

---

⁹⁶ Декларация о Евразийской экономической интеграции http://news.kremlin.ru/ref_notes/1091.

в иммиграционной и визовой сферах⁹⁷. Однако из-за позиции Казахстана указанные сферы сотрудничества были исключены из текста декларации.

Вместе с тем, указанный процесс будет иметь неизбежный характер, поскольку тесная интеграция в экономической сфере может быть осуществлена только при условии достаточно высокого уровня интеграции в других областях, в том числе, в области свободы передвижения граждан, безопасности и правосудия.

Ещё 9 декабря 2010 г. Межгосударственный Совет ЕврАзЭС принял решение № 70 «Об унификации паспортно-визового контроля в государствах – членах Таможенного союза»⁹⁸, согласно которому комиссии Таможенного союза совместно с компетентными органами государственной власти сторон предписано изучить возможность унификации паспортно-визового контроля в государствах-членах Таможенного союза и его постепенной отмены на общих государственных границах.

Таким образом, достижения и неудачи в области европейского пространства свободы, безопасности и правосудия непосредственно затронут Российскую Федерацию как в плане взаимоотношений с ЕС, так и участия в собственных интеграционных образованиях.

И.Н. Барыгин*

ЭВОЛЮЦИЯ КРАЙНИЕ ПРАВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕ

Радикальные правые в современной Европе – существенный атрибут политической жизни региона. Они проявляют себя на уровне создания региональных организаций, более или менее

---

⁹⁷ Проект декларации о формировании Евразийского экономического союза (Приложение к Решению Комиссии Таможенного союза от 19 мая 2011 г. № 636). http://www.tsouz.ru/KTS/KTS27/Documents/P_636.pdf.

⁹⁸ Решение Межгосударственного Совета ЕврАзЭС № 70 от 09.12.2010 г. «Об унификации паспортно-визового контроля в государствах-членах Таможенного союза». http://www.tsouz.ru/MGS/MGS13/Pages/R_70.aspx.

* Барыгин Игорь Николаевич, д.полит.н., профессор Санкт-Петербургского государственного университета, Факультет международных отношений.

успешно ведут политическую борьбу в большинстве стран как Западной, так Восточной Европы, включая Россию.

«Казус» «норвежского стрелка» А. Брейвика, совершившего двойной теракт в августе 2011 г., постоянное присутствие группировок крайне правых во время ряда протестных митингов в Москве в декабре 2011 – марте 2012 – декабре 2012 гг., расстрел детей и их учителя в тулузской школе «Оцар а-Тора» во Франции в марте 2012 демонстрируют, что правый политический радикализм и экстремизм является неизменным атрибутом современной политической жизни Европы.

Об этом же свидетельствует и письмо, направленное 19 ноября 2012 г. А. Брейвиком из норвежской тюрьмы немецкой нео-нацистке Беате Чепе, арестованной немецкой полицией в середине ноября 2011 г. по подозрению в соучастии в совершении 11 убийств иммигрантов, большинство из которых были выходцами из Турции. В письме Брейвик убеждал Чепе обнародовать свои политические мотивы. По его словам, «когда станет очевидно, что она является воинствующей националисткой, она станет храброй героиней националистического сопротивления, которая сделала всё и пожертвовала всем, чтобы остановить мультикультурализм и исламизацию Германии». Брейвик называет себя и Чепе «мучениками консервативной революции».

На Востоке Европы в постсоветское 20-летие смогли сформироваться и заявить о себе в качестве системной оппозиции такие крайне правые политические партии, как «Атака» в Болгарии, «Йоббик – Партия за лучшую Венгрию» в Венгрии, «Новые правые» в Румынии, «Свобода» на Украине и др. Иными словами, в современной Большой Европе сложились и продолжают реализовывать свои цели крайне правые политические силы как системной, так и несистемной оппозиции. Следует также говорить о существовании глобальных сетевых структур крайне правых. Об этом свидетельствует, в частности, список рассылки, включавший около 7 тыс. адресов, по которому перед началом терактов направил А. Брейвик свой труд «2083 – Евро-пейская декларация независимости». Несомненно, следует говорить о существовании особого европейского крайне правого по-литического дискурса как элемента политической культу-

ры; со-ответственно следует рассматривать и вопросы «экологии куль-туры» применительно к данным политическим силам.

Однако в самом крайне правом лагере происходят существенные трансформации. Важнейшей тенденцией в последние десятилетия стало распространение крайне правой идеологии на Востоке Европы, где во многих странах смогли оформиться не только маргинальные политические силы несистемной праворадикальной оппозиции, но крупные партии оппозиции системной, заявляющей о своей доле в государственной и надгосударственной (напр. в Европарламенте) власти.

Ещё одной тенденцией является то, что современные крайне правые радикальные и экстремистские политические силы отдаляются от традиционных неонацистов. Так, в связи с изменением политической ситуации и выдвижении на первый план в качестве врага радикального исламизма некоторые крайне правые политические силы посещают Израиль. По итогам одного из таких посещений 7 декабря 2010 г. была подписана «Иерусалимская декларация» (её подписали Партия Свободы – Австрия, Партия Свободы – ФРГ, Шведские демократы, Флаамс Беланг – Бельгия. В поддержку Израиля неоднократно высказывались в последние годы Г. Вилдерс и Марин Ле Пен. А. Брейвик в своём манифесте осуждал антисемитизм и призывал европейских правых объединиться с сионистами, чтобы вместе сражаться с марксистами-мультикультуралистами.

Европейское партийное политическое пространство может быть представлено сегодня как своеобразный «многослойный пирог» состоящий из нескольких автономных частей. Под этими частями будем понимать партийные субполя стран Европейского союза (ЕС), стран Западной Европы, не входящих в ЕС, и стран Восточной Европы, не входящих в ЕС. В первом из них сосредоточен основной потенциал крайне правых политических сил современной Европы.

В условиях сложившейся в ЕС практики многоуровневого управления для крайне правых политических партий актуальным является уровень партийных групп (фракций) в Европейском парламенте (ЕП), внепарламентских партийных объединений в масштабе ЕС (европейские партийные федерации), внепар-

ламентских партийных объединений с участием партий стран-членов ЕС и не членов ЕС, а также уровни национальных партий, региональных партий, в перспективе претендующих на выход на общенациональный уровень, а также региональные и местные отделения праворадикальных партий, объединяющиеся для проведения совместных акций с другими политическими организациями.

Примером первого уровня является наличие фракции или группы депутатов в Европарламенте. Примером второго уровня является созданный в 2009 г. в Будапеште «Альянс европейских национальных движений» (АЕНД). Её отцом-основателем является депутат от французского НФ Бруно Гольниш. В Альянс входят праворадикальные партии ЕС, имеющие представительство в ЕП. Автору этих строк удалось 1 мая 2012 г. взять интервью у господина Б. Гольниша на площади у Гранд Опера, в ходе которого он высоко оценил роль этой организации.

Создание Альянса было провозглашено на 6 съезде партии «Йоббик – Партия за лучшую Венгрию». Первоначально в состав Альянса вошли: Йоббик (Венгрия), Национальный Фронт (Франция), Трёхцветное знамя (Италия), Национальные Демократы (Швеция), Национальный фронт (Бельгия). 12 ноября 2009 г. к этой пятерки присоединилась Британская Национальная Партия. Высказали интерес присоединиться к Альянсу также организации из Испании, Португалии и Австрии. Также в Альянсе состоят Всеукраинское объединение «Свобода», Республиканское Социальное Движение (Испания), Национальная партия восстановления (Португалия).

На пресс-конференции в Страсбурге 16 июня 2010 г. было объявлено о следующем составе руководства Альянсом: президент – Бруно Голлниш, вице-президент – Ник Гриффин, казначей – Блеатс Коватч, генеральный секретарь – Валерио Чигнетти. Цель Альянса – формирование Европейской политической партии. Однако вряд ли Альянсу удастся удовлетворить условия, которые выдвигает Европарламент для формирования политической группы. На сегодняшний день, для того чтобы сфомирровать фракцию в Европарламенте необходимо 25 евродепутатов из 7 стран ЕС. В распоряжении же Альянса лишь

8 евродепутатов от 3 стран. В Европарламенте заседают 3 представителя от Французского национального фронта, 3 – от венгерского «Йоббика» и 2 – от Британской национальной партии. В национальных парламентах представлены лишь две партии, входящие в Альянс. Это «Йоббик» с 47 местами и Бельгийский национальный фронт с 2 местами.

Рассмотрим ситуацию с крайне правыми в ЕП в контексте их взаимодействия с «Альянсом европейских национальных движений».

В таблице 1 показано представительство правых радикалов от национальных партий в Европарламенте последнего созыва.

Таблица 1

Представительство праворадикальных партий
в Европарламенте (2009–2013 гг.)

группа	страна	Наименование партии	Кол-во депутатов Европарламента
Н	Австрия	Biindnis Zukunft Osterreich	1
Н	Австрия	Freiheitliche Partei Osterreichs	2
Н	Австрия	Liste «Dr. Martin – fiir Demokratie, Kontrolle, Gerechtigkeit»	2
ЕСД	Бельгия	Onafhankelijk	1
Н	Бельгия	Vlaams Belang	1
Н	Болгария	National- Democratic Party	1
Н	Болгария	People for Real, Open and United Democracy / Conservative Party for Democracy and Success	1
ЕСД	Дания	Dansk Folkeparti	1
ЕСД	Финляндия	Perussuomalaiset	1
ЕСД	Франция	Front national	3
Н	Франция	Mouvement pour la France	1
ЕСД	Греция	Popular Orthodox Rally – G. Karatzaferis	2
Н	Венгрия	JOBBIK Magyarországért mozgalom	3
ЕСД	Италия	IO AMO l'Italia	1
ЕСД	Италия	Lega Nord	9
ЕСД	Латвия	Partija Tvarka ir teisingumas	2
ЕСД	Нидерланды	Staatkundig Gereformeerde Partij	1

Н	Нидерланды	Partij voor de Vrijheid	4
ЕСД	Польша	Solidarna Polska	4
Н	Румыния	Partidul Romania Mare	2
ЕСД	Словакия	Slovenska narodna strana	1
Н	Испания	Unión, Progreso y Democracia	1
ЕСД	Великобритания	United Kingdom Independence Party	12
Н	Великобритания	Independent	1
Н	Великобритания	British National Party	2
Н	Великобритания	Democratic Unionist Party (Northern Ireland)	1
Н	Великобритания	We Demand a Referendum	1

Сокращения: ЕСД – члены фракции «Европа за свободу и демократию» (EFD), Н – независимые депутаты.

Источник: Официальный сайт Европарламента. Электронный ресурс. <http://www.europarl.europa.eu> (дата обращения 12.12.12).

Из материалов таблицы следует, что потенциал крайне правых в Европарламенте – около 60 депутатов из 736, из них только 27 депутатов входят в ЕСД. Однако наибольшее влияние (по числу депутатов в национальных парламентах), в этой фракции играет Партия независимости Соединённого Королевства (УКIP, ПНСК), которая крайне правой быть не может хотя бы потому, что в её Программе (2010 г.) говорится: [наша] «демократическая, либертарианская партия будет поддерживать политику, которая... стремиться к уменьшению роли государства...».

Крайне правые в Европарламенте разобщены. Неоднократные попытки создать фракцию в последние годы (2010–2012 гг.) почти неизменно заканчивались неудачей.

Кроме ПНСК во фракцию ЕСД, о создании которой было объявлено 1 июля 2011 г., вошли 4 классические право-популистские партии: Лига Севера (Италия), Датская народная партия (Дания), Народное православное объединение (Греция), Истинные Финны (Финляндия). Словацкая национальная партия (Словакия) также считается право-популистской и, наверняка, будет анти-иммигрантской. Францию в ЕСД представляет Либертас Франция – правая евроскептическая партия, выступающая за более строгий иммиграционный контроль. И, наконец, представители Голландии во фракции – Реформированная политическая партия – несколько выделяется из остального списка (религиозная кальвинистская партия).

Примером третьего уровня является, например, организованные в Каннах в мае 2010 г. местными лидерами «Национального фронта», радикальными организациями католиков-традиционалистов, национал-радикалами, а также организацией ветеранов войны в Алжире демонстрации и митинг протеста против показа на кинофестивале художественного фильма известного французского режиссера алжирского происхождения Рашида Бушареба «Вне закона». Одна из главных сцен фильма – это трагические события в мае 1945 г. в городе Сетиф. Тогда в результате столкновений погибли около сотни европейцев, в ответ французы провели акцию возмездия, её жертвами стали тысячи местных жителей.

Если рассматривать динамику успехов современных европейских крайне правых на национальных выборах, то следует выделять постоянно успешные, недавно добившиеся серьёзных успехов, недавно потерявшие былое влияние и стабильно неуспешные политические партии.

К первой группе стабильно успешных крайне правых партий в Европе можно отнести: Австрийскую партию свободы (FPÖ), бельгийскую «Флаамс беланг» (VB), «Датскую народную партию» (DPP), французский «Национальный фронт» (FN), итальянские «Национальный альянс» (AN) и «Северную лигу» (LN), норвежскую «Партию прогресса» (FrP), «Швейцарскую народную партию» (SPP), «Движение за лучшую Венгрию» (Йоббик) и др.

В число недавно добившихся серьёзных успехов следует включить «Истинных финнов» (Pegus), украинскую «Свободу», греческий «Золотой рассвет» (XA). В число недавно потерявших былое влияние, например: партия «Великая Румыния» (PRM), «Лига польских семей» (LPR) и др. В число стабильно неуспешных партий следует отнести бельгийский «Национальный фронт» (FNb), немецкие «Национал Демократическую партию» (NPD), «Немецкий народный союз» (DFU), «Республиканцы» (REP), «Британскую национальную партию» (BNP), нидерландские «Демократический центр» (CD) и «Список Пима Фортайна» (LPF), шведские «Новую демократию» (ND) и «Шведских демократов» (SD), и др.

Российские крайне правые политические партии и органи-

зации, такие как РНЕ, «Русская партия», «Русский образ» и др., вынуждены действовать в условиях «управляемой демократии» авторитарного типа, где возможно применение технологий «зачисток политического поля». Зачисляя все эти партии и организации в число неуспешных, следует иметь в виду эту особенность политического режима современной России.

Важнейшей чертой эволюции современных европейских крайне правых является трансформация в политическом дискурсе образов «друга» и «врага». Так, лидер французского национального фронта Марин Ле Пен конструировала трансформирующийся образ врага в конце XX в.: «Конечно, есть враги. Это тоталитаризм. В XX веке это были коммунисты и нацисты. Мне кажется, что в XXI веке существует два вида тоталитаризма. Один из них – глобализация. Это теория, предполагающая, что всё можно купить или продать, “всё на продажу”. Это идея о том, что всё должно быть направлено на уничтожение того, что ставит своей целью регулировать или тормозить новую религию, имя которой – торговля любой ценой».

Второй вид тоталитаризма – это исламизм. Почему? С одной стороны, всё коммерческое, с другой – всё религиозное, то есть по определению любые аспекты общественной и политической жизни управляются, не исходя из суверенитета народов, демократии или слова народа, но исходя из религиозного текста.

В отличие от западной части Старого света на Востоке Европы проблемы исламизации не являются столь важными для правых радикалов. Здесь в роли главного врага выступает «Москва», которая французским крайне правым кажется важным партнёром. В действующей программе крайне правой украинской партии «Свобода» говорится:

«Указать в Конституции Украины, что правопреемственность Украинской Державы была начата ещё Киевской Русью, продолжена Галицко-Волынским княжеством и Казачьей Республикой периода Гетманщины, Украинской Народной Республикой, Западно-Украинской Народной Республикой, Карпатской Украиной и Украинской Державой, воссозданной Актом 30 июня 1941 г. и что Независимая Украина возникла как результат

более чем 300-летней национально-освободительной борьбы украинцев.

Признать факт оккупации Украины со стороны большевистской России в 1918–1991 гг., следствием чего стал беспрецедентный геноцид украинцев.

Добиться от Верховной Рады Украины, ООН, Европарламента, парламентов государств мира признания факта геноцида украинцев в XX в., в результате которого было уничтожено 20,5 млн украинцев, преступлением против человечества (террор и ограбление мирного населения во время войны большевистской России против УНР 1918–1921 гг.; раскулачивание и насильственная коллективизация; искусственный голод 1921, 1932–1933, 1947 гг.; несколько волн физического уничтожения украинской элиты в 1920–30–40 и 1970-х гг.; физическое уничтожение мирного населения в военный период; принудительная депортация украинцев на чужбину; операция «Висла»; пытки в тюрьмах и издевательства методами карательной психиатрии с украинских патриотов вплоть до распада советской империи; ограбление народного хозяйства, исторических и культурных ценностей; ограбление и уничтожение украинских церквей; преследование по национальному и религиозному признаку; планомерное уничтожение украинской культуры и языка, тотальная русификация.

Не случайно Европарламент принял в декабре 2012 г. резолюцию с предложением к оппозиционным партиям страны не вступать с партией «Свобода» в политические альянсы по причине её антисемитизма, ксенофобии и расизма. За неё проголосовали 348 евродепутатов, против – 93, воздержались – 139.

Румынская партия «Новые правые», наряду с геями и лесбиянками, евреями в число главных врагов записывает, напротив, Украину: «Аннулирование договора с Украиной 1997 г., самого позорного политического поступка в истории румын, вследствие которого предатели политики де-юре отказались от северной Буковины и юга Бессарабии, а также от областей Херца, Хотин и Змеиного острова».

Совсем по другому конструируется образ врага современными российскими крайне правыми. «Мы сражаемся не просто за

то, чтобы изгнать цветных оккупантов с наших родовых земель, – говорится в программном заявлении Русского национально-освободительного движения «Стратегия 2020». – Иностранцы – это только часть проблемы. Иммигранты будут заселять наши города, а кавказцы захватывать власть и собственность до тех пор, пока им будут помогать продажные чиновники, от постового сотрудника милиции до руководителя МВД и директора ФМС... Нашим главным врагом являются не чужеродные оккупанты, а предатели расы и нации, правящие в стране. Без предательства со стороны властвующих оккупация была бы невозможна».

Близка к представленной и позиция по поводу определения главного врага организация «Русский образ»: «Если власть не осознаёт необходимости прямого диалога с русским гражданским обществом, катастрофа неизбежна – нарастающие с каждым днем внутренние противоречия могут разорвать государство. Националисты знают рецепты восстановления гражданского мира. И мы готовы их не только озвучить, но и реализовать. Во имя этого мы и подписываем данную декларацию: Мы требуем прекращения политических репрессий: – отказаться от политики криминализации русского национального движения; – отменить 282 ст. УК РФ; – признать статус политических заключённых для наших узников; – амнистировать русских политических заключённых; – обнаружить так называемую «базу экстремистов», привести основания для включения в данную базу граждан РФ».

Сходный образ врага рисует «Русское имперское движение» (РИД) – это русская православная национально-патриотическая и монархическая организация. Созданная и действующая по сетевому принципу, она охватывает многие регионы исторической России (Великороссии, Малороссии, Белоруссии, Прибалтики, Северного Казахстана) и Русского Зарубежья. «Наша идеология – Православный имперский национализм. Русское Имперское Движение имеет твёрдые державные позиции, исключаящие *гниль либерализма и демократии*, (выделено мною – И.Б.), в политических, нравственных, национальных вопросах современной России, её истории и будущего, русского народа

и Русской Православной Церкви. Поэтому мы активно участвуем в религиозной и общественно-политической жизни страны.

Главными задачами Русского Имперского Движения являются: политическое и религиозное просвещение (активная агитация и пропаганда монархической идеи, русского христианского национализма); защита интересов русского народа (традиционных русских ценностей, поддержка политической, духовной и культурной русской экспансии, борьба с русофобией, нелегальной иммиграцией и т.п.); защита Православия и Русской Православной Церкви (борьба с тоталитарными сектами, прозелитизмом, церковными ересями и расколами).

Деятельность РИДа это: Участие в общественно-политической и религиозной жизни страны. Агитация и пропаганда наших идеалов. Военно-спортивная подготовка соратников. Издательство патриотической прессы и книг. Духовное, физическое и интеллектуальное самосовершенствование соратников.

Подводя итоги изложенного, следует отметить, что основной тенденцией последних десятилетий является слабость, неспособность создать общую организацию крайне правых в Европе в целом, так и фракцию в Европарламенте или европейскую партию. Создание «интернационала националистов и ксенофобов» – непосильная для них на сегодня задача. Что касается конструирования образа врага, то конкретное его содержание также крайне размыто. Если для Запада континента это радикальный ислам и глобализация, то на Востоке континента это может быть и страна-сосед. Что касается России, то для доморощенных правых радикалов и экстремистов главный враг – правящий в стране политический режим.

А.К. Камкин*

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ, МИГРАЦИЯ И РЫНОК ТРУДА В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ (НА ПРИМЕРЕ ФРГ)

---

* Камкин Александр Константинович, к.филос.н., Центр германских исследований Института Европы РАН.

В настоящее время страны Западной Европы столкнулись с острой, болезненно воспринимаемой обществом проблемой миграции. Количество приезжих из других этнокультурных пространств, оседающих в европейских государствах, становится всё больше. Мигрантами страны Старого Света пытаются восполнить свои демографические потери, обусловленные убылью населения и старением европейских наций.

Сухие статистические цифры говорят о постепенном, но неуклонном сокращении численности коренных европейцев. Так, коэффициент рождаемости в Германии составляет 1,4, в Италии – 1,8, во Франции – немногим более 2. В странах Восточной Европы ситуация не намного лучше. Одновременно идёт стремительное старение наций за счёт увеличения продолжительности жизни. Недалёк тот момент, когда сравняется количество работающих лиц и пенсионеров, что приводит к необходимости пересмотра системы пенсионного обеспечения.

В данной ситуации приток трудовых ресурсов из-за рубежа представляется европейским политикам и бизнес-сообществу наиболее простым решением проблемы нехватки рабочих рук. Иностранцы дешевле местной рабочей силы, готовы работать, довольствуясь менее щедрым социальным пакетом, они не притязательны в плане социальных гарантий. Однако массовый приток мигрантов может представлять угрозу социальной стабильности. Последние события во Франции, протесты против строительства мечетей в Германии, Испании и Италии, «феномен Брейвика» показывают, что мультикультурализм отнюдь не возникает сам по себе, и добрососедские отношения между представителями разных религий и культур – плод многолетней кропотливой работы. В этой связи нам представляет полезным опыт Федеративной Республики Германия, одной из первых западноевропейских стран широко открывшей двери для трудовой миграции.

ФРГ была одной из первых стран Европы, которая в массовом порядке стала привлекать трудовых мигрантов. В 2012 г. в ФРГ отмечали 50-летие приезда в страну первых гастарбайтеров из Турции. За полвека страна накопила большой опыт с области социальной политики и правового регулирования в сфере

трудоустройству, который будет полезен для России.

Остановимся на месте мигрантов в немецком обществе. Стали ли за 50 лет гастарбайтеры «своими» для коренных немцев? Лица с миграционным происхождением и миграционным фоном, как их характеризует официальная немецкая статистика, на сегодняшний день являются неотъемлемой частью ФРГ. Их общая численность на конец 2009 г. (более свежие данные отсутствуют) составляла 15,7 млн человек. В эту группу входят собственно иностранцы, лица родившиеся в Германии в семьях мигрантов, а также в смешанных браках⁹⁹. К концу 2010 г. в ФРГ проживало 2,3 млн семей с детьми младше 18 лет, в которых хотя бы один из родителей имел миграционное происхождение. Для сравнения, всего в ФРГ насчитывается 8,1 млн семей с несовершеннолетними детьми. Таким образом, доля семей с детьми – потомками мигрантов составляет почти 30% от общего числа.

Семьи с миграционным фоном живут преимущественно в крупных городах на западе страны, а также в Берлине. Так, доля детей мигрантов (в основном родивших в Германии) в возрасте до 10 лет в таких городах, как Берлин, Гамбург, Мюнхен и пр. достигает 40, а в некоторых районах и 50%. Доля же семей с детьми, имеющих мигрантские корни, достигает в крупных городах 43%. И, напротив, в мелких городах доля таких семей в разы ниже (в среднем 12%)¹⁰⁰.

Что касается стран происхождения, то на первом месте выделяется с явным отрывом Турция (21%), затем идут семьи выходцев из республик бывшего СССР («поздние переселенцы»), составляющие 16%, на третьем месте семьи выходцев из бывшей Югославии (9%)¹⁰¹.

При всем разнообразии стран происхождения и различий в языке и культуре немецкие демографы выделяют ряд общих для семей мигрантов моментов:

- отношение к семье и браку в семьях мигрантов намного

---

⁹⁹ Statistisches Jahrbuch 2011, Statistisches Bundesamt, Wiesbaden, 2012. С. 48.

⁹⁹ Statistisches Jahrbuch 2011, Statistisches Bundesamt, Wiesbaden, 2012. С. 29.

¹⁰⁰ https://www.destatis.de/DE/Publikationen/STATmagazin/Bevoelkerung/2012_03/Bevoelkerung2012_03.html.

¹⁰¹ Op. cit.

более ответственное, традиционные формы семьи с несколькими детьми и тесной связью поколений гораздо более типичны для мигрантов;

- в семьях мигрантов гораздо реже распространен феномен одиноких родителей по сравнению с немецкими семьями. Это является следствием более низкого уровня разводов в семьях мигрантов;

- в семьях мигрантов больше детей, чем в немецких семьях. 15% всех семей мигрантов по данным на 2011 г. имели 3 и более несовершеннолетних детей. В немецких семьях эта цифра составляла только 9%¹⁰²;

- при этом семьи с миграционным фоном имеют стабильно более низкий доход, чем семьи коренных немцев. По состоянию на декабрь 2010 г. 62% семей с миграционным фоном имели месячный доход менее 2600 евро, аналогичные показатели финансового положения демонстрировали только 44% семей коренных немцев¹⁰³. Поэтому члены семей мигрантов значительно чаще являются получателями социальной помощи, чем семьи коренных немцев. По состоянию на конец 2010 г. для 17% всех семей с миграционным фоном социальные трансферы по программе Харц IV являлись основным средством существования (для семей коренных немцев этот показатель почти в два раза ниже)¹⁰⁴. При этом количество семей мигрантов, где ни один из родителей не работает, в два раз превышает аналогичное количество семей коренных немцев (15 и 8% соответственно);

- распределение социальных ролей в семьях мигрантов ближе к традиционному обществу. Так, если в 59% немецких семей с детьми работают оба родителя, то для семей мигрантов этот показатель всего 39%¹⁰⁵. Женщина в таких семьях занимается воспитанием детей, что обусловлено большим количеством детей в семьях мигрантов;

- в последние годы увеличился процент лиц с миграционным фоном, занимающихся частным предпринимательством. В

---

¹⁰² Op. zit.

¹⁰³ Op. zit.

¹⁰⁴ Op. zit.

¹⁰⁵ Op. zit.

настоящее время количество индивидуальных предпринимателей-мигрантов даже начало превышать количество немцев, занятых по принципу «Ich AG»;

О чём говорят эти тенденции? Численность мигрантов в немецком обществе неуклонно и стремительно растёт. Численность коренных немцев медленно, но верно снижается. При этом кривая смертности на протяжении всех 2000-х гг. идёт уверенно вверх, а кривая рождаемости – вниз. Это обусловлено не низким качеством жизни, как в развивающихся странах, а особенностью структуры возрастной пирамиды, характерной для развитых стран¹⁰⁶.

Так, по состоянию на 31.12.2009 г. в ФРГ было 16,901 млн лиц в возрасте старше 65 лет (при населении 81,8 млн человек). В 1950 г. в этой возрастной категории было около 6,75 млн человек при общей численности населения 69,3 млн человек¹⁰⁷. Что касается рождаемости, то в Германии она одна из самых низких в Европе – около 1,4. Для поддержания уровня населения на одном уровне необходимо значение 2,21.

Эти цифры, а также динамика роста молодых мигрантов и лиц, родившихся в семьях мигрантов, говорят о том, что в ближайшее время мигранты будут играть всё возрастающую роль не только в экономике, но и в политике Германии. Эту тенденцию чувствуют и нынешние власти ФРГ. Ещё в октябре 2010 г. канцлер Ангела Меркель заявила в своём видеообращении, посвящённом подготовке правительственного совещания по вопросам интеграции мусульман, что на государственной службе страны должно быть больше иммигрантов.

Следует заметить, что уже в 2009 г. количество иностранцев – индивидуальных предпринимателей превысило число этнических немцев. Это свидетельствует о высокой экономической активности мигрантов и лиц с миграционным фоном. Секторальное распределение мигрантов на рынке труда в ФРГ отражает общие тенденции в Европе. В основном это сфера услуг и низко- и среднеквалифицированные профессии в промышленности. Однако, испытывая дефицит специалистов в некоторых отрас-

---

¹⁰⁶ Statistisches Jahrbuch 2011, Statistisches Bundesamt, Wiesbaden, 2012. С. 37.

¹⁰⁷ Statistisches Jahrbuch 2011, Statistisches Bundesamt, Wiesbaden, 2012. С. 42.

лях, например, машино- и приборостроение, немецкие фирмы и правительство идут на предоставление значительных льгот иностранным студентам, обучающимся в немецких ВУЗах. Так, у выпускников технических факультетов есть год на поиск работы в Германии по профильной специальности. В течение года молодой специалист получает социальное пособие и вид на жительство. На студентов гуманитарных отраслей такие льготы не распространяются.

Данное секторальное распределение обусловлено также спецификой образовательного уровня мигрантов, особенно первого поколения. Большинство мигрантов и их потомков не имеет высшего образования, что ограничивает их в выборе работы. Однако следует заметить, что и сами мигранты не всегда стремятся получить высшее образование, поскольку в настоящее время в Германию идёт в основном поток мигрантов, представляющих собой так называемую сельскую модель семейных отношений, в которой доминирующим фактором является прочность семейных уз, большое количество детей. Представители такой модели заняты в основном в сфере услуг и предпочитают вести небольшой семейный бизнес.

При этом немецкие исследователи рынка труда отмечают довольно большой скрытый резерв недоиспользованной рабочей силы внутри немецкого общества, совокупная доля которого достигает 20%. Эта цифра складывается из количества работающих по сокращённому рабочему дню, безработных, временно занятых и пр. Причиной такой недозагрузки являются проживание в регионах с более высоким уровнем безработицы, владение невостребованной на рынке труда профессией и пр. Это приводит к тому, что многим работодателям дешевле принять на работу иностранца, чем переобучать или перевозить из другого региона представителя коренной национальности. Эту ситуацию очень наглядно демонстрирует соотношение безработных и мигрантов в различных федеральных землях ФРГ. Так, наиболее высокий уровень безработицы в Германии на северо-востоке страны, в Мекленбурге-Передней Померании и Бранденбурге. В этих же землях минимальное количество проживающих мигрантов и лиц с миграционным фоном. И, наоборот,

в регионах с минимальной безработицей и максимальным спросом на рабочие руки (Бавария, Баден-Вюртемберг, Берлин) максимально также количество мигрантов.

Ситуация с миграцией неоднозначно воспринимается немецким обществом, многие немцы упрекают мигрантов, что они отнимают работу у местного населения, что их численность становится неконтролируемой, а сами они не вписываются в принимающее общество. Несмотря на то что в сегодняшней Германии действительно делается много для интеграции мигрантов в немецкое общество, социальное расслоение, помноженное на культурные различия, приводят к созданию параллельных миров. Также налицо рост праворадикальных, ксенофобских настроений, что не может не вызывать обеспокоенность относительно сохранения стабильности в немецком обществе.

Масла в огонь дискуссий о миграции в Германии подливают также провокационные заявления турецкого премьер-министра Эрдогана о том, что турки, живущие в Европе, главным образом, в Германии, ни в коем случае не должны отказываться от своей культурной идентичности и растворяться в немецком обществе. Подобные заявления национального лидера были с восторгом встречены его соотечественниками в ФРГ. В этой связи следует отметить важный момент, что подобные послания Эрдоган адресует прежде всего своим потенциальным избирателям, поскольку многие турки, с рождения живущие в ФРГ, являются обладателя турецкого, а не немецкого гражданства, подчёркивая тем самым свою связь с исторической родиной. Поэтому риторика Эрдогана является вполне логичной в контексте политической борьбы в самой Турции и крупной турецкой диаспоре в Европе. Но и в самом немецком обществе не утихают споры о месте и роли турецкой диаспоры и вообще иностранцев в ФРГ.

Пожалуй, больше всех и наиболее критично по вопросу миграции высказывался бывший федеральный канцлер ФРГ Гельмут Шмидт. В 1992 г. в интервью *Frankfurter Rundschau* (12 September 1992. С. 8) он заявил: «Я полагаю, было ошибкой, что мы во времена Людвига Эрхарда с усердием и с помощью всевозможных инструментов привлекали иностранных рабочих в ФРГ

... Ни из ФРГ, ни из Франции, ни из Великобритании нельзя делать страны-реципиенты миграции. Наши общества этого не вынесут. Тогда они деградируют... Все имеет свои границы. Представление о мультикультурном обществе, возможно, этически обосновано, но на практике оно в условиях демократии, в которой каждый гражданин может делать и позволять делать всё, что он хочет, вряд ли осуществимо»¹⁰⁸. Ещё более однозначно он выразился в интервью газете Die Zeit, Nr. 18/2004 (22.04.2004) «Мультикультурное общество – это иллюзия интеллектуалов»¹⁰⁹.

В этой связи следует заметить, что некоторые представители немецкого политического класса ошибочно считают построение мультикультурного общества целью, а не инструментом развития государства и общества. Если брать мультикультурализм за самоцель, то это, пожалуй, действительно может привести к «балканизации» ФРГ и всей Европы. Если же использовать мультикультурализм как инструмент развития государства и гражданского общества, то он, безусловно, может быть полезен. Очень хочется надеяться, что руководство России учтёт германский опыт в этом вопросе, что найдёт отражение в соответствующих государственных программах.

Н.Н. Большова*

КРИЗИС МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА В ЕВРОПЕ И КРИЗИС ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ: ЕСТЬ ЛИ СВЯЗЬ?

В результате европейского финансового кризиса тема интеграции инокультурных сообществ несколько отошла на второй план. Между тем, европейский кризис и кризис мультикультурализма – это суть различные проявления одного явления – кри-

---

¹⁰⁸ Цит. по: Antrag der National-demokratischen Partei Deutschland auf Vorlage des Verbotsantrages beim Europäischen Gerichtshof. Stellungnahme der NPD zum Verbotsantrag der Bundesregierung. Teil 1. Eigendruck im Selbstverlag, 2003. С. 16.

¹⁰⁹ http://de.wikiquote.org/wiki/Helmut_Schmidt.

* Большова Наталья Николаевна, к.полит.н., начальник Управления научной политики МГИМО(У) МИД РФ.

зиса европейской интеграционной модели.

Кризис в Европе имеет глобальный характер

Особенностью современного кризиса в Европе является его глобальный характер; он оказывает негативное влияние не только на экономическую, политическую и социальную сферы, но также затрагивает такую чувствительную область, как международные и межкультурные взаимоотношения внутри европейских обществ.

Один из последних ярких примеров: обострение финансового кризиса в Испании, в частности, в Каталонии – одной из самых богатых регионов страны – привело к политическому разлому по линии центр – регионы и усилению сепаратистских настроений. 11 сентября 2012 г., в день празднования национального дня региона, выход каталонцев на улицы Барселоны с требованиями финансово-бюджетной независимости от Центра и лозунгом «Каталония – новая европейская нация» обозначили переход испанского кризиса из экономической стадии в политическую по худшему из возможных сценариев – регионального сепаратизма. Недовольство каталонцев вызвало несправедливое по их мнению бюджетное перераспределение Мадридом финансовых средств. Они считают, что в условиях кризиса Каталония сама сможет быстро решить свои финансовые проблемы.

Масштабность последствий кризиса еврозоны подтверждают многочисленные заявления европейских политиков и экспертов об институциональном кризисе и уязвимости европейской интеграционной модели. В Европе развернулась широкая дискуссия о том, как лучше реорганизовать ЕС. Рассматриваются четыре основных сценария:

1. ассиметричная интеграция в обход, но без нарушения существующих соглашений;
2. меньшая по размерам, но более интегрированная еврозона на основе существующих договоров;
3. политический союз с внесением изменений в договоры;
4. соглашение между странами нового авангарда еврозоны путём подписания договора наподобие Шенгенского.

Европейские лидеры вроде бы понимают, что «Европы нужно ещё больше» («more Europe»), но не знают, как убедить в этом

своих граждан, рынки, парламенты и суды. До сих пор не найден консенсус по поводу мер, с которыми могли бы согласиться как страны-кредиторы, так и страны-должники. Главная причина политического кризиса в Европе заключается в следующем: интеграция одновременно и необходима, и невозможна¹¹⁰.

Понятно, что любой из этих четырёх вариантов радикально изменит политическую и институциональную ситуацию, которую сегодняшняя Европа унаследовала от Маастрихта. Каждый из них имеет свои преимущества и недостатки. При этом все они направлены на решение главной задачи: преодоление кризиса евро, недопущение его превращения в хронический политический кризис, который будет характеризоваться ослаблением ЕС как глобального игрока на мировой арене.

Миграция как вызов европейской идентичности

Одним из наиболее острых социальных и культурных вызовов, который может окончательно подорвать веру в общую европейскую идентичность (выраженную в официальном девизе Евросоюза – «Единство в многообразии»), является проблема регулирования миграции и интеграции иммигрантов.

С конца 1990-х гг. регулирование миграционных потоков стало одним из самых динамично развивающихся и в то же время противоречивых направлений политики Евросоюза. Данная сфера традиционно считалась оплотом суверенитета национального государства. Здесь особенно сильно проявляется политическая щепетильность национальных правительств, их опасения лишиться не только части суверенитета, но и значительной поддержки части избирателей. Поэтому среди стран ЕС долгое время сохранялось определенное недоверие к «европеизации» данного направления политики. Формированию общей миграционной политики ЕС препятствовали и стремления государств-членов самостоятельно контролировать численность, происхождение и состав миграционных потоков, а также их нежелание нести дополнительные расходы в случае непредвиденного при-

---

¹¹⁰ Mark Leonard. Four scenarios for the Reinvention of Europe. European Council on Foreign Relations/43 November 2011.

тока нелегальных мигрантов и беженцев¹¹¹.

По Лиссабонскому договору полномочия институтов ЕС были распространены на всю сферу внутренних дел и юстиции. Иммиграционная политика стала наднациональной, или коммунитарной. Причём коммунитаризация касается не только тех областей, где Евросоюз и так был достаточно активен – борьба с нелегальной иммиграцией и заключение международных соглашений о реадмиссии. «Общей» считается и политика регулирования легальной иммиграции, включая интеграцию иммигрантов. Все вопросы иммиграционной политики решаются квалифицированным большинством.

Однако, несмотря на новый коммунитарный метод принятия решений, о какой-либо гармонизации законодательств и практик государств-членов по интеграции легальных иммигрантов речи не идёт. Между тем политика интеграции иммигрантов в принимающее общество является наиболее важной частью иммиграционной политики. И именно она остаётся в компетенции государств. По существу Договор устанавливает общие правовые рамки иммиграционной политики, но при этом не создаёт основы для практического воплощения «общей» политики; в ведении государств-членов остаётся формирование политики интеграции иммигрантов: каналов легальной иммиграции, установление квот и регулирование числа занятых на национальных рынках.

В условиях кризиса в европейских странах резко выросла безработица. В глазах значительной части коренного населения причина роста безработицы – мигранты. Вследствие их негативного восприятия большинством населения радикально изменилось отношение и к мультикультурализму. Последний превратился из идеи толерантности, которая объединяла европейские народы и была в основе официального лозунга ЕС – «Единстве в многообразии», в идеологию, которая разъединяет европейские общества, является причиной социальной напряжённости и конфликтов.

Причины кризиса мультикультурализма

---

¹¹¹ Потёмкина О.Ю. Иммиграционная политика Европейского союза: проблемы и перспективы. Москва, ИЕ РАН, 2010.

На фоне широкого разочарования в мультикультурализме попытки встать на его защиту практически обречены на провал. Тем не менее, следует более глубоко разобраться в причинах кризиса этой модели в современной Европе. Исторически идеи мультикультурализма выдвигались в развитых западных обществах с достаточно высоким уровнем культурного развития и благосостояния населения. Однако в то время как в Канаде, Австралии и США политика мультикультурализма успешно реализуется уже несколько десятилетий, в Европе мультикультурализм находится в глубоком кризисе. Можно выделить три причины.

Во-первых, важной особенностью современного этапа развития мультикультурализма является то, что данный эксперимент проводится во время сложных социальных, политических и экономических процессов в Евросоюзе. Бомбой замедленного действия становится процесс делегитимизации общей европейской идентичности, в которой изначально была заложена идея построения «мультикультурной Европы». Несмотря на усилия государств-членов ЕС по укреплению общей европейской идентичности, недавние опросы общественного мнения показывают, что она до сих пор не смогла заменить гражданам 27 стран их национальную самоидентификацию и остается в значительной части искусственным конструктом, а единый европейский народ – «воображаемой нацией».

Кризис европейской мультикультурной модели, также как и общей европейской идентичности, во многом связан с неопределённостью ЕС в качестве политической системы. Национальное государство со своей многовековой историей и относительной стабильностью в сегодняшних условиях вызывает больше доверия у населения, чем переживающий системный кризис Европейский союз. Он, скорее, символизирует Европу «размытой государственности» («fuzzy statehood»).

Во-вторых, критика мультикультурализма в Евросоюзе стала прямым выражением недовольства европейцев ростом государственных социальных трансфертов в связи с ростом потоков мигрантов из развивающихся стран. Правительства принимающих стран вынуждены финансировать из бюджета програм-

мы интеграции мигрантов, при этом сокращая расходы на социальное обеспечение собственных граждан. Между тем, образование иммигрантских гетто, параллельных обществ, иммигрантские бунты в ряде европейских стран убеждают коренное население в том, что обещанного взаимного проникновения, обогащения и развития культур не происходит. Коренные европейцы чувствуют себя проигравшей стороной и в своей массе выступают против того, чтобы интеграция иммигрантов происходила за их счёт. Официальные заявления европейских политиков (Меркель, Саркози, Кэмерона) о провале мультикультурализма усилили общий негативный настрой.

В-третьих, кризис мультикультурализма в Европе обусловлен социокультурным и политическим неравенством, существующим между принимающим обществом и мигрантами. Образование этнического и конфессионального многообразия на европейском пространстве не вписывается в традиционную модель европейских государств-наций и гражданства по «праву крови» (*jus sanguinis*) и/или по «праву почвы» (*jus soli*). В соответствии с этой моделью мигранты должны быть исключены из «нации»; их исключение оправдывается потребностью стороны демократического общества во внутренней сплочённости и однородности. На практике гражданская «исключённость» автоматически влечёт за собой исключение иммигрантов из разных сфер жизни принимающих обществ.

Наконец, проблема заключается в том, что европейцы и иммигранты понимают под мультикультурализмом далеко не одно и то же. Для иммигрантов полноценное равноправие означает культурное равенство перед государством, законом, судом, что, на самом деле, не противоречит концепции мультикультурного общества. Коренное население, со своей стороны, настаивает на доминирующей роли своей культурной идентичности, а то и на ассимиляции.

Часто отрицание мультикультурализма ошибочно рассматривается как условие выживания современных государств и сохранения лояльности их граждан: мультикультурализм был «процессом похорон Европы национальных государств. И сегодня европейские государства отказались участвовать в соб-

ственных похоронах» (из выступления М. Ремизова «Мультикультурализм провалился»). Неубедительность данного подхода станет очевидной, если просто посмотреть на стремительно меняющийся этноконфессиональный состав европейских стран. Возможен ли возврат к политике ассимиляции и «доминирующей культуры» в европейских обществах как, например, в Германии?

В настоящее время в Германии проживает около 16 млн человек с мигрантскими корнями, что составляет 19% всего населения страны. Однако, несмотря на массовую миграцию, Германия продолжает испытывать острый дефицит квалифицированных кадров, особенно инженеров, программистов, врачей. Власти Германии, пытаясь восполнить нехватку квалифицированных специалистов, вынуждены продолжать привлекать рабочую силу из третьих стран, что влечёт за собой необходимость облегчения условий иммиграции и усиления мер по интеграции иммигрантов в немецкое общество.

Справедливо ли утверждать, что мультикультурализм оказался полностью неэффективным в Европе, учитывая, что другие модели – политическая модель нации, столь популярная во Франции, или этнокультурная модель, ранее применявшаяся в Германии, – тоже не могут гарантировать социальную солидарность? Можно ли отрицать право иммигрантов на сохранение собственных культурных ценностей, когда инокультурные сообщества уже стали неотъемлемым элементом жизни европейских обществ?

Определённые сомнения вызывает продвижение Д. Кэмероном «активного, мускулистого либерализма» как средства, которое может решить проблему формирования «сильной коллективной идентичности». Вопрос в том, способно ли общество большинства чего-то добиться против воли меньшинства посредством агрессивной политики навязывания собственных ценностей и образцов поведения. Ведь тогда общество может столкнуться с угрозой обострения межэтнических противоречий и роста нетерпимости.

Выводы

Мультикультурализм не исключает коллективную идентич-

ность, как утверждал британский премьер-министр, а наоборот делает её необходимой. Так, британский теоретик мультикультурализма Б. Парекх отмечает, что чем сложнее, разнообразнее общество в культурном отношении, тем сильнее оно нуждается в общенациональной идее. Иными словами, многокультурное общество не может стабильно развиваться, если составляющие его группы не разделяют коллективной идентичности, основанной на ценностях гражданского общества и равноправии культур.

В условиях отсутствия альтернативных подходов «похороны» мультикультурализма не помогут сохранить европейские государства-нации в отсутствии существенных перемен. Проблемы легитимизации общей европейской идентичности и интеграции инокультурных иммигрантов также вряд ли будут решены в ближайшем будущем. Поэтому говорить о полном фиаско данной модели рано. Правильнее – о её кризисе в условиях глобализации и трансформации политической системы ЕС.

Парекх призывает не относиться к мультикультурализму как к политической доктрине с определёнными программой действий и установками. По его мнению, мультикультурализм представляет собой определённый взгляд на жизнь современных обществ и индивидов, полноценное развитие которых возможно только в условиях культурного плюрализма. Любая культура, цивилизация, даже самая продвинутая, имеет свои определённые внутренние «ограничения роста». Поэтому для развития обществ крайне важны межкультурные взаимодействия с представителями других наций и религий. Чтобы такие взаимодействия носили взаимовыгодный характер, необходим эффективный и понятный механизм диалога между принимающими обществами и иммигрантами. Данный взгляд заставляет посмотреть на мультикультурализм с перспективной стороны и оценить его важность как необходимого условия для развития отдельных индивидов и общества в целом.

ВОПРОСЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОПБО ЕС НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Общая политика безопасности и обороны Евросоюз (ОПБО) представляет собой сотрудничество между входящими в него государствами в области обеспечения безопасности и обороны. В развитии ОПБО выделяют четыре этапа: первый этап (1992–1997 гг.), в основе которого лежат Маастрихтский и Амстердамский договоры; второй этап (1998–2002 гг.), включающий в себя решения, последовавшие за британо-французской Декларацией Сен-Мало 1998 г.; решения, принятые на саммитах в Кельне, Хельсинки, Ницце, Лакене; третий этап (2003–2008 гг.), базирующийся на договорённостях «Берлин-плюс» и принятой Европейским советом в декабре 2003 г. Европейской стратегии безопасности; наконец, четвёртый этап (с 2009 г.), который начался с вступлением в силу 1 декабря 2009 г. Лиссабонского договора¹¹².

На первом этапе развития ОПБО происходило формирование её правовых основ. Маастрихтский договор подтверждал готовность западноевропейских стран решать проблемы безопасности Союза, в том числе развивать единую оборонную политику. Существует мнение, что Маастрихтский договор превратил Западноевропейский союз (ЗЕС) в главный инструмент координации стран ЕС в сфере безопасности¹¹³. Тем не менее, характер отношений между ЗЕС, ЕС и НАТО оставался крайне противоречивым. В определённой степени ситуацию прояснила Петербургская декларация 1992 г., в соответствии с которой за ЗЕС был закреплён статус «оборонительного компонента Европейского Союза». Страны ЗЕС намеревались наладить совместное с

---

* Марчуков Александр Николаевич, к.полит.н., старший преподаватель кафедры политологии Волгоградского государственного университета.

¹¹²См.: Кузнецова И.С. Этапы формирования общей политики безопасности и обороны Европейского Союза. И.С. Кузнецова. Вестн. Белорус. гос. экон. ун-та. 2008. № 4. С. 106-113.

¹¹³ Данилов Д.А. Общая внешняя политика и политика безопасности. Д.А. Данилов. Европейский союз на пороге XXI века. Под ред. Ю.А. Борко, О.В. Буториной. М., УРСС, 2001. С. 153-155.

ЕС планирование трёх типов миссий: по поддержанию мира, миротворческие, гуманитарные и спасательные. Эти инициативы получили одобрение и со стороны НАТО, предоставившей ЗЕС доступ к своим ресурсам.

На втором этапе развития ОПБО происходило формирование её институциональной структуры. Совместная декларация Президента Франции Ж. Ширака и премьер-министра Великобритании Т. Блэра в Сен-Мало в 1998 г. дала толчок к созданию Европейской политики безопасности и обороны. В 1999 г. Европейский Совет в Кёльне принял решение о том, что ЕС как субъект мировой политики должен обладать всем необходимым спектром возможностей для проведения независимой политики, включая активное участие в операциях по урегулированию международных конфликтов и кризисов, подкреплённых соответствующими военными ресурсами. На саммите в Хельсинки в том же году было объявлено о создании Европейских сил быстрого реагирования общей численностью 50-60 тыс. человек, которые могли бы быть развернуты в течение 60 дней сроком как минимум на один год для выполнения всего спектра Петерсбергских миссий¹¹⁴.

В рамках Союза была создана система военно-политических, гражданских и других вспомогательных органов: Комитет по политике и безопасности, Военный комитет ЕС, Комитет по гражданским аспектам управления кризисами и Военный штаб ЕС. Кроме того, решения в рамках саммитов в Ницце (2000 г.) и Лакене (2001 г.) стали очередным подтверждением значимости НАТО в обеспечении европейской безопасности.

С 2003 г. начался новый этап развития военно-политической интеграции ЕС, который характеризуется практическим воплощением ЕПБО. Европейский союз в рамках ЕПБО осуществил две полицейские миссии: в Боснии и Герцеговине (EUPM) и Македонии (Proxima); а также две военные – в Конго (Artemis) и Македонии (Concordia).

В марте 2003 г. были заключены договорённости «Берлин

---

¹¹⁴ Новикова Д.О. Новые инструменты международного кризисного урегулирования: опыт Европейского Союза. Институт международных исследований. М., МГИМО – Университет, 2009. С. 33.

плюс», определявшие условия использования ЕС имеющихся ресурсов НАТО. Благодаря этим соглашениям ЕС получал доступ к оперативным разработкам, вооружению и инфраструктуре Североатлантического альянса. Однако, опираясь на ресурсы НАТО (в основном американские), ЕС оказывался в ещё большей зависимости от политики США, поскольку американский отказ от договорённостей был способен привести к утрате ЕС оперативных возможностей для проведения самостоятельных операций.

В декабре 2003 г. была принята Европейская стратегия безопасности, ставшая концептуальной основой ЕПБО. В ней чётко сформулировано представление о Европейском Союзе как о глобальном субъекте мировой политики¹¹⁵, разделяющем ответственность за обеспечение безопасности в общемировом масштабе. В связи с этим задачи дальнейшего развития ЕПБО становились более амбициозными, включая проведение более активной внешней политики и политики в области безопасности, а также создание соответствующего военного и политического потенциала для проведения расширенного спектра Петербургских миссий, в том числе силовых, за пределами географических границ ЕС.

С принятием Лиссабонского договора механизм ЕПБО претерпел ряд системных и концептуальных изменений. Сфера безопасности и обороны приобрела новый статус – отдельного направления политики ЕС и стала носить общий для стран ЕС характер. Важным нововведением явилось создание в рамках ЕС «постоянного структурированного сотрудничества», которым определяются конкретные цели в выполнении миссий, а не общие задачи. Договор значительно расширил круг гражданских и военных операций, которые государства-члены поручают проводить ЕС. В Лиссабонском договоре появилась статья о взаимопомощи в случае вооружённой агрессии против государств-членов ЕС в соответствии со статьей 51 Устава ООН¹¹⁶. Договор

---

¹¹⁵ См.: Федоров Ю. Доктрина безопасности Европейского Союза. Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. М., ИНИОН, 2003. Вып. 10.

¹¹⁶ Кузнецова, И.С. Общая политика безопасности и обороны ЕС: вызовы XXI века. И.С. Кузнецова. Вестн. Башк. ун-та. 2010. Т. 15, № 3. С. 741.

способствовал прекращению деятельности ЗЕС в 2011 г., поскольку функции коллективной обороны переходили в сферу ведения ЕС.

За более чем полувековую историю европейские страны достигли определённых результатов в области безопасности и обороны, однако, наряду с достижениями, военно-политическое сотрудничество стран ЕС в настоящее время сталкивается с рядом проблем, которые мешают его дальнейшему развитию.

Во-первых, в отличие от многих других сфер компетенции Европейского Союза, Общая политика безопасности и обороны разрабатывается и проводится при неукоснительном соблюдении принципа суверенного равенства государств-членов, без использования «наднациональных» механизмов. Юридически обязательные акты Союза в рамках ОПБО принимаются исключительно его межправительственными институтами (Европейским советом и Советом Европейского Союза) и только на основе единогласия государств-членов. Участие каждого государства-члена в военных и невоенных мероприятиях Союза осуществляется строго на добровольной основе.

Во-вторых, европейская безопасность по-прежнему в значительной степени зависит от США. По мнению директора Европейского центра Карнеги Яна Техау между Европой и США после Второй мировой войны была заключена «великая трансатлантическая сделка», которую в настоящее время следует пересмотреть. По мнению эксперта, европейцы должны в большей степени поддерживать деятельность США по обеспечению безопасности в регионе (в том числе и финансовом плане), ориентироваться на НАТО и отказаться от попыток укрепления обороноспособности за счёт собственных сил¹¹⁷.

В-третьих, сложности возникают и на уровне финансового обеспечения военно-политического сотрудничества стран ЕС. В настоящее время наблюдается отсутствие у европейцев единства в вопросах военных расходов на нужды вооружённых сил. Безусловно, причиной этому служит экономический кризис последних лет, способствовавший сокращению военных бюджетов

---

¹¹⁷ См.: Техау Я. Великая трансатлантическая сделка. Я. Техау. Pro et Contra, 2012. № 1-2(54). Т. 16. С. 33-42.

европейских стран. Из 26 европейских стран-членов НАТО только 6 расходуют на военные цели более 2% ВВП¹¹⁸. По мнению О. Бычковой, недостаток ресурсов и противоречия по вопросу системы финансирования операций в рамках ЕС и НАТО актуализируют вопрос о повышении эффективности управления финансами (за счёт внутренних реформ в рамках НАТО и развития коллективных механизмов финансирования в ЕС)¹¹⁹.

Наконец, ещё одной важной проблемой формирования военно-политической интеграции ЕС является нехватка военных ресурсов. Несмотря на то что общая численность вооружённых сил стран ЕС составляет около 2 млн человек, только $\frac{1}{10}$ их часть может быть использованы для проведения операций за пределами Союза¹²⁰. Вооружённые силы ЕС характеризуются преобладанием сухопутных войск, ориентированных на территориальную оборону. Европейские страны испытывают серьёзные трудности с формированием профессионального корпуса военнослужащих, полицейских сил, групп экспертов в области установления правопорядка, а также гражданских специалистов для проведения военных и миротворческих миссий¹²¹.

Что касается перспектив формирования военно-политического сотрудничества стран ЕС, то значительная часть экспертов убеждена в нереалистичности идеи создания «европейской армии»¹²². С их точки зрения, появление общеевропейской ар-

---

¹¹⁸ World Military Expenditures [Electronic resource]. The World Factbook. Central Intelligence Agency. Mode of access: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/fields/2034.html>. Date of access: 20.09.2012.

¹¹⁹ Бычкова О.М. Взаимоотношения ЕС и НАТО в контексте евроатлантической безопасности. О.М. Бычкова. Журнал международного права и международных отношений. 2011. № 1. Режим доступа: <http://www.evolutio.info/content/view/1794/215/>.

¹²⁰ Новикова Д.О. Новые инструменты международного кризисного урегулирования: опыт Европейского Союза. Институт международных исследований, М., МГИМО – Университет, 2009. С. 76.

¹²¹ Там же.

¹²² Например, Рубинский Ю.И. США и Европейский Союз: стратегии и модели Запада (аналитический доклад). М., ГУ ВШЭ, 2011. С. 6.; Уткин С.В. Россия и Европейский союз в меняющейся архитектуре безопасности: перспективы взаимодействия. М., ИМЭМО РАН, 2010. С. 34. Ондарца Н. Европа стремится к эффективности. Режим доступа: <http://www.moskau.diplo.de/contentblob/2962088/Daten/948918/IP201036.pdf>.

мии в ближайшей перспективе невозможно по политическим (неготовность стран-членов ЕС поддержать этот проект) и экономическим соображениям (серьезные финансовые проблемы Европы).

Тем не менее, ряд исследователей указывают на то, что будущее ЕС в сфере безопасности и обороны в значительной степени может быть связано с его развитием не в военном, а в гражданском направлении¹²³. В то время как применение США преимущественно силовых методов в разрешении конфликтов вызывает крайнее раздражение во многих странах (особенно бывшего Третьего мира), используемые ЕС инструменты «мягкой силы» способствуют усилению ЕС как «нормативной» державы.

С нашей точки зрения, возможность обособления ЕС от военно-политического влияния США представляется сомнительной. Однако характер трансатлантических взаимоотношений, вероятно, будет меняться в сторону большей самостоятельности ЕС в области обеспечения безопасности в регионе. Это совсем не означает, что ЕС станет конкурировать с НАТО за право быть гарантом безопасности. Напротив, признание ЕС своего военно-технического отставания на фоне снижения внимания США к Европе (и связанное с ним нежелание США тратить значительные средства на оборону региона) усилит стремление европейских стран развивать собственный ВПК. В настоящее время страны ЕС находятся в сильной зависимости от США в плане средств боевого обеспечения (разведки, связи, управления, радиоэлектронной борьбы, тылового снабжения и перебросок на дальние расстояния с применением транспортной авиации, использования высокоточного оружия)¹²⁴. Об этом свидетельствует опыт участия европейских стран в операциях НАТО.

Безусловно, экономические проблемы могут оказаться серъ-

---

¹²³ Уткин С.В. Россия и Европейский союз в меняющейся архитектуре безопасности: перспективы взаимодействия. М., ИМЭМО РАН, 2010. С. 34; Кузнецова, И.С. Общая политика безопасности и обороны ЕС: вызовы XXI века. И.С. Кузнецова. Вестн. Башк. ун-та. 2010. Т. 15, № 3. С. 741.

¹²⁴ Михайлов В.У Евросоюза – призывной возраст. В. Михайлов. Независимое военное обозрение. 02.04.2010. Режим доступа: http://nvo.ng.ru/forces/2010-04-02/1_eurounion.html.

ённым препятствием для реализации планов углубления военно-политического сотрудничества стран ЕС. Тем не менее, экономический кризис в Европе не надо воспринимать исключительно негативно, ведь он способен подтолкнуть страны ЕС к объединению усилий в развитии ОПБО для дальнейшей оптимизации расходов на оборону.

Peter W. Schulze*

WHAT KIND OF EUROPE IS POSSIBLE IN THE FUTURE?

In a recently published statement, Colin Crouch argues that the question of how much sovereignty governments of EU member states are willing to give up in favour of the grand design, namely to create a political union and strengthen supranational institutions, is at least as old as the integration process itself. The question was sidelined for decades. It was revitalised in the context of the Maastricht treaty and later in drafted but failed constitution project. Surprisingly the issue is on the agenda again, however under more dire conditions than 60 years ago.

After reconstruction of the war-torn economies was to some extent completed, the issue in the 1950s focused on creating conditions for a peaceful Europe to avoid the reemergence of aggressive nationalism and interstate wars. In this prospect European integration was fully successful.

The present debate on the future of the euro is linked to the fate of European integration and happens unfortunately at a time when fundamental changes in the power constellations of the international system occur. However the issue of today is not any more preservation of the status quo, but what position and role Europe may, should and could play in the world of tomorrow. This question was neglected previously. There was no need to address such issue, because in the minds of political and ruling elites the hegemony of the United States over the western parts of Europe was widely accepted. Washington's position rested on the following functions:

---

* Петер Шульце, профессор Гёттингенского университета, Германия.

- to guarantee the peaceful transition of nationalism toward Europeanization without interfering directly;
- to safeguard the security concerns of Western European states during the period of the Cold War and bipolarity;
- to keep Germany until 1990 under Allied dominance and control, a role which was shared with the Soviet Union and her obligations in Eastern Germany;
- to allow the rise of European economies as competitors to the US as long as Washington's global defence and security position remained unchallenged and his predominance in global trade and financial regimes or networks was uncontested.

Relatively closed and evenly economically structured world of the former OECD countries, including Japan, ended somewhere in the middle of the 1970's. The first shock waves for some countries and industrial sectors, happened in the middle of the seventies demolishing industrial sector after industrial sector. But the dominance of the US in ruling the financial, security and military networks was never at stake and continued well into the new millennium.

Transatlanticism as the ruling ideology of the Western hemisphere was never questioned. And even today, twenty two years after the security equation fundamentally changed in the whole of Europe and globally, when concerns about the domestic and external course of US-politics are growing, transatlanticism still remains the dominant ideology for the ruling political strata in Europe.

However, neither against Washington nor embedded in a long-term strategic project, European integration embarked in Maastricht 1992 upon a path of development which differed from the US model. The creation of the European Union was accompanied with ambitious projects:

- the creation of an unified European market;
- the introduction of a common currency;
- the visa-free-travel within the Schengen agreement;
- the establishment of a common foreign and security policy.

Each project rested on interaction, on intensive forms of dialogues and laid the basis for networks and regimes fully controlled by European institutions. In setting up economic, financial and partly political institutions and networks, the hegemony of the US was

challenged. Transatlanticism as the coherent ideology of member state elites was weakened. As a result, the EU stepped into the role of a global player but without adequate institutions and without a consensus among national member state elites. The situation is best illustrated in Xavier Solana's concept of European foreign policy which was later upgraded to the first European security doctrine.

Summing up, all the new efforts produced some sort of an unfinished torso, because the path to political integration and state building was blocked.

We can indicate some reasons which drove us into such situation.

First, the EU's enlargement to the East, a necessity to safeguard and stabilize the Central European states, came too fast and overruled all efforts to finish the process of deepening integration. But the decision to widen and not to deepen integration led to a loss of consensus. The EU was fragmented from within.

Second, launching a common currency gave credit to the EU's role as a global player. But evidently such decision mostly driven by political objectives, disregarding economic and social facts, sharpened the fragmentation in the EU between competitive and rather weak economic actors. Instruments of the EU, like the social and economic programmes for harmonization and reconstruction, were expected to bridge the growing differences in terms of competitiveness among member states. But membership in the euro-zone was primarily used to gain access to favourable credit conditions on international financial markets. State and private debts grew astronomically in the less competitive states. And the financial markets played their role, hoping and speculating on bail-out procedures if states would be confronted with default. So far, their gambit proved to produce the desired outcome: gigantic financial rescue programmes were created, and in the end the transformation of the EU into a Transfer Union without a political roof could well happen.

Third, such a scenario is more than possible, and as well in the interests of the still dominant actor in global financial markets, the US. The US were challenged, indeed, but kept their predominance in the security and defence field, and above all in financial matters. US-rating agencies and banks, supported by US-governments, define

until today conditions and rules on the international financial market. No players including the European Union or China is able to confront or change the global predominance of the US-banking-rating-government complex, and pressure from within is out of sight.

To sum up and sketch possible future scenarios: Where do we go from here, and what kind of Europe is possible in the future?

Europe has been thrown into a deep crisis of identity. Already in 2011 Eurobarometer, a permanent public opinion poll on trends among EU member states, showed that only 42% of European citizens trusted Brussels, while less than 49% rated the membership of their country in the EU as positive. Such sobering assessment of people throughout the EU is remarkable, because since 2009 the degree of democratisation and transparency of the EU institutions grew and the envisioned «Strategy 2020» precisely focuses on growing participation of European citizens. Contrary to such ideas the legitimacy of the EU and EU institutions did not enhance. In the wake of the present financial crisis, the gap between Europe's citizens and the EU institutions widened.

Such crisis may and could lead to the revitalisation of nationalism, and following from that the stoppage of European integration. Trends of such nature are visible in most of the member states, impeding further progress to political unity and the emergence of European identity.

Such scenario, the reemergence of nationalism and the fragmentation of the EU in diverse parallel existing groupings of states, hold together by particular interests, would not mean the end of the EU as such, but definitely the end of the EU as an emerging global player.

None of the member states alone, or interlinked in groups with varying degrees of integration would be able to resist and counter the challenges from the outside. On top of this, Europe's security needs would be solely transferred to NATO, dismantling any effort of the EU to create her own CFSP. The EU would again slip under the political and security dominance of Washington.

The conflict and struggle over the Euro are the battlegrounds where such questions and prospects will be decided.

The EU will remain as an integrated entity with or without the Euro. But the political coherence and projecting power of the EU to

participate in shaping the future of the whole continent and its adjacent areas in the South and in the East will shrink. In this respect, the Euro crisis is essential for the political fate of the EU altogether.

This may involve decisions against the constellation of participant states within this zone, but the alternative is clear. Either the crisis is settled without destroying the social coherence or political consensus in member states, without regressing to national policies or the whole continent will be weakened. To avoid such development, political decisions to rectify policies of the past which proved to be inappropriate are necessary.

In light of such efforts political elites would be forced to reconsider the Maastricht treaty obligations. If not, or in the case the EU would give up or postpone any move in such direction the political dimension of unity or equivalent forms of statehood would be eliminated from the agenda. The EU would mutate to a role not too different from the EEC during the times of bipolarity – only that the other pole would not be located in Europe.

СТРАНОВЫЕ АСПЕКТЫ

П.П. Тимофеев*

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ФРАНЦИИ ПОСЛЕ ВЫБОРОВ 2012 Г.

Как показывают события, нынешний кризис в Европе носит не только финансовый, но и политический характер. Об этом красноречиво говорит падение правящих кабинетов в нескольких странах ЕС, в частности, во Франции. Выборы 2012 г. уже вошли в историю тем, что на них правые, потерпев поражение,

---

* Тимофеев Павел Петрович, к.полит.н., научный сотрудник ИМЭМО РАН.

уступили президентские и парламентские рычаги управления социалистам. Последний раз социалисты были у власти 17 лет назад. Встаёт закономерный вопрос: как смена власти отразится на внешней политике Франции и всего ЕС? Избрание президента Франции с учётом веса этой страны в Европе заставляет внимательно взглянуть на французские внешнеполитические перспективы в ближайшие 5 лет.

Саркози и Олланд: смена курса?

Несмотря на то что на передний план в предвыборных баталиях кандидатов вышли социально-экономические вопросы, внешняя политика также была затронута в ходе кампании. Ключевыми сюжетами в дебатах стали четыре: Европа и кризис в ЕС; отношения Франции с США и НАТО, проблема Афганистана; отношения Франции со странами Азии и Африки; реформа ООН и будущее многосторонних институтов¹²⁵.

Сравнение первых внешнеполитических речей, которые президенты Пятой республики традиционно произносят перед дипломатическим корпусом страны в августе-сентябре, показывает, что и для Н. Саркози в 2007-м и для Ф. Олланда в 2012-м гг. ключевые направления во внешней политике остались схожими. Как представители системных сил, они солидарны в подходах к решению проблем на ключевых направлениях. Это:

1) восприятие мира как новой системы международных отношений в стадии становления;

2) оценка роли Франции как державы с универсальными ценностями, способной играть важную роль в мире, но нуждающейся для этого в сильной Европе;

3) восприятие Европы, которой необходимо усиливаться, чтобы сделать многополярный мир «более справедливым» (Саркози)¹²⁶;

4) видение США как традиционного союзника и партнёра по НАТО;

---

¹²⁵ URL: http://www.lemonde.fr/election-presidentielle-2012/visuel/2012/03/20/comparez-les-programmes-des-candidats-a-la-presidentielle-2012_1672519_1471069.html.

¹²⁶ URL: <http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/les-ministres-et-le-ministere/evenements-11561/conference-des-ambassadeurs/precedentes-conferences/xveme-conference-des-ambassadeurs/article/allocution-de-m-nicolas-sarkozy-a>.

5) рассмотрение Средиземноморья, Африки и Азии как важного приоритета для Франции. Сюда же относятся традиционные заявления о необходимости сделать франко-африканские отношения более равноправными и транспарентными (в чём именно, не уточняется);

6) оценка России как партнёра, с которым необходимо сотрудничать, не скрывая разногласий по ряду проблем;

7) стремление провести реформу ООН по расширению Совета Безопасности и приданию организации новых функций (например, в области экологии).

Таким образом, в подходах Н. Саркози и Ф. Олланда к международной повестке доминирует преемственность.

Тем не менее, на фоне общих подходов вырисовываются нюансы, свидетельствующие о том, что Саркози и Олланд по-разному видят некоторые аспекты указанных проблем. Так, например, Саркози уделял большое внимание проблемам нелегальной миграции, делал акцент на развитие «Большой восьмёрки», жёстко определил свою позицию по вопросу вступления Турции в ЕС, стремился поднять уровень отношений с США. В то же время он желал предотвратить новую конфронтацию Востока и Запада и вписать группу стран БРИКС в новый мировой порядок¹²⁷.

Олланд делал акцент на иных вещах. Так, в числе универсальных ценностей, которые Франция, по его мнению, несёт миру, фигурируют не только традиционные права человека и демократия, но и важные для социалистов светскость и равноправие полов. В отличие от своего предшественника, Олланд определил Францию не столько как великую западную страну, сколько как посредницу и «мост» между цивилизациями¹²⁸. Нельзя не обратить внимание на весьма сдержанную позицию Олланда по ПРО США (по финансовым и стратегическим причинам), на инициативу по выводу французских войск из Афганистана (рань-

---

¹²⁷ Ibidem; URL: <http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/les-ministres-et-le-ministere/evnements-11561/conference-des-ambassadeurs/xixe-conference-des-ambassadeurs/article/xixe-conference-des-ambassadeurs>.

¹²⁸ URL: <http://www.elysee.fr/president/les-actualites/discours/2012/discours-de-m-le-president-de-la-republique.13809.html>.

ше остальных стран антитеррористической коалиции), на попытке улучшить отношения с Японией и Турцией, не говоря уже о БРИКС. В целом его внешнеполитической риторике присущ более спокойный, уравновешенный характер. Если Саркози можно квалифицировать как «инициатора», то Олланд стремится выглядеть как «арбитр».

Основные приоритеты Ф. Олланда

Решать свою ключевую задачу – вывод Франции из кризиса – Олланд намерен не только во внутреннем, но и в международном измерении. Неслучайно, именно это направление – борьба с кризисом еврозоны – заняло первое место в списке императивов нового президента. Уже в первой своей речи в г. Туль 6 мая 2012 г. Ф. Олланд подчеркнул, что его цель – переориентация Европы на вопросы занятости и экономического роста, а отказ от жёстких мер экономии (которые лоббировал Саркози) – это «не фатально»¹²⁹. Однако ключевой мерой в реализации задачи по-прежнему видится подписание Европейского пакта бюджетной дисциплины, который должен установить жёсткие рамки для дефицита бюджета и госдолга¹³⁰.

Визит Олланда в США на Чикагский саммит НАТО открыл новую страницу во франко-американских отношениях: следуя своему предвыборному обещанию, Олланд заявил Б. Обаме, что до конца 2012 г. (на 2 года раньше, чем сами США) Франция выведет свои войска из Афганистана. До американского президента была доведена и позиция Олланда по ПРО¹³¹.

В наследство от Саркози Олланду достался ряд военно-политических проблем в Азии и Африке, в первую очередь, в Сирии, Иране и Мали. В ходе первых переговоров с зарубежными партнёрами Олланд показал, что будет ограничиваться не только диалогом, но настаивать на санкциях для достижения своих целей. И если в отношении Афганистана замечен некоторый «разрыв» Олланда с политикой Саркози, то в иранском и сирий-

---

¹²⁹ URL: http://www.la-croix.com/Actualite/S-informer/France/Discours-de-victoire-de-Francois-Hollande-a-Tulle-_NG_-2012-05-06-803200.

¹³⁰ URL: <http://www.russian.rfi.fr/frantsiya/20120924-pravyashchuyu-koalitsiyu-sotsialistov-i-zelenykh-frantsii-possoril-es>.

¹³¹ URL: <http://www.letelegramme.com/presidentielle-2012/presidentielle-la-feuille-de-route-de-francois-hollande-en-35-points-04-04-2012-1658004.php>.

ском кризисах, возможно, Олланд покажет себя с более традиционной стороны. В отношении Мали Олланд поддержал идею военной операции силами Африканского союза и ООН¹³². Вызывает интерес и то, как Олланд собирается решать вопрос признания Палестины – один из немногих внешнеполитических пунктов, чётко очерченных в его предвыборной программе¹³³.

Достаточно активно Олланд начал работать над другими двумя досе, очерченными в его предвыборных заявлениях: международное сотрудничество в области охраны окружающей среды (идея создания в рамках ООН особой структуры по вопросам экологии)¹³⁴ и поддержка демократии по всему миру¹³⁵.

Олланд и Россия: чего следует ожидать?

Избрание Ф. Олланда и В.В. Путина в мае 2012 г. президентами двух стран и визит В.В. Путина в Париж 1 июня 2012 г. стали новой вехой в истории франко-российских отношений¹³⁶. Среди наиболее важных обсуждаемых вопросов двух сторон – согласование позиций по Ирану, Сирии, ЕвроПРО. Позитивным симптомом можно считать выступление Олланда 6 июня 2012 г. на праздновании очередной годовщины высадки союзников в Нормандии, в котором он безоговорочно и публично признал значимую роль СССР в освобождении Франции: «Я также отдаю дань памяти русским, которые, на другом конце континента, на востоке, изо всех сил сражались, чтобы нанести поражение гитлеризму. Склоним же головы в знак памяти 21 миллиона

---

¹³² URL: http://www.lepoint.fr/politique/ce-qu-a-fait-francois-hollande-en-cent-jours-13-08-2012-1495660_20.php.

¹³³ URL: http://www.lemonde.fr/election-presidentielle-2012/visuel/2012/03/20/comparez-les-programmes-des-candidats-a-la-presidentielle-2012_1672519_1471069.html.

¹³⁴ URL: <http://www.elysee.fr/president/les-actualites/discours/2012/discours-de-m-le-president-de-la-republique.13465.html>.

¹³⁵ Так, уже в июне 2012 г. Ф. Олланд принял бирманскую правозащитницу Аун Сан Су Чжи, которая в 1991 г. получила Нобелевскую премию мира, но затем оказалась в тюрьме. URL: <http://www.elysee.fr/president/les-actualites/declarations/2012/remise-du-prix-nobel-a-mme-aung-san-suu-kyi.13425.html>.

¹³⁶ «Мы способны слышать и слушать друг друга, и мне кажется, что, как это и было на протяжении очень многих лет, мы способны с Францией договариваться, искать компромиссы по очень сложным проблемам» – заявил В. Путин, комментируя итоги встречи с Ф. Олландом 1 июня 2012 г. URL: <http://news.kremlin.ru/news/15525>.

русских – я повторяю, 21 миллиона! – которые погибли в безжалостной войне против нацистской Германии»¹³⁷.

19 июня 2012 г. Олланд, Путин и Обама выступили в Лос-Кабосе с совместным коммюнике Минской группы ОБСЕ по Нагорному Карабаху, призвав Ереван и Баку к дальнейшим переговорам¹³⁸.

С другой стороны, Париж и Москва не стали скрывать ряд разногласий, в первую очередь, по сирийскому кризису (стороны расходятся в оценке необходимости и эффективности санкций)¹³⁹, по ситуации с экс-премьером Украины Ю. Тимошенко¹⁴⁰ и проч. В сентябре 2012 г., как сообщил МИД РФ, российские и французские дипломаты констатировали разногласия по состоянию прав человека в России в связи с делом «Pussy Riot»¹⁴¹. Тем самым, у франко-российского диалога, безусловно, есть потенциал. Как он будет реализован, покажет ближайшее время.

Предварительные итоги

Прагматичность, осторожность и традиционность – пожалуй, в этом русле следует ожидать развитие внешнеполитического курса Франции. По сравнению с Н. Саркози, Франсуа Олланд стремится предстать в глазах французов «нормальным», «традиционным» президентом, а значит, гиперактивность и инициативность «по всем азимутам», присущая Саркози, отойдет на второй план.

Что касается Европы, то принятие Бюджетного пакта спо-

---

¹³⁷ URL: <http://www.elysee.fr/president/les-actualites/discours/2012/intervention-de-m-le-president-de-la-republique.13366.html>.

¹³⁸ URL: <http://www.elysee.fr/president/les-actualites/declarations/2012/declaration-conjointe-de-m-francois-hollande.13437.html>.

¹³⁹ Ср. заявление В. Путина о том, что «Санкции далеко не всегда эффективно работают» и слова Олланда о том, что «санкции являются необходимым методом давления, если мы хотим выйти на политическое урегулирование». URL: <http://news.kremlin.ru/news/15525>.

¹⁴⁰ Если В. Путин заявлял, что «Госпожа Тимошенко осуждена за подписание газовых контрактов с Российской Федерацией», то Ф. Олланд подчеркнул, что «её место не в тюрьме». Там же.

¹⁴¹ В ходе встречи дипломатов двух стран французская сторона указала на «чрезмерную тяжесть приговора, вынесенного российским судом активисткам этой панк-группы», тогда как с российской стороны были даны «исчерпывающие разъяснения». URL: <http://www.mid.ru/bdomp/ns-reuro.nsf/348bd0da1d5a7185432569e700419c7a/c32577ca0017442b44257a6f00543712!OpenDocument>.

собно стать важным моментом в урегулировании еврокризиса. Любимая тематика Саркози – миграция и европейская оборона, вероятно, сохранит свою актуальность, но Франция будет менее энергична в её лоббировании. Акцент перейдёт на экономические, социальные и культурные аспекты евроинтеграции, с приоритетом «мягкой силы». В конце концов, прорыв в евростроительстве 1980–1990-х гг. осуществил довольно прагматичный и осторожный Ф. Миттеран – первый президент-социалист Пятой республики. Аналогичный шанс войти в историю евростроительства есть и у Франсуа Олланда.

К.В. Власова*

ИСТОКИ И УРОКИ ГРЕЧЕСКОГО КРИЗИСА

Последствия мирового финансового кризиса полностью проявились в ряде стран Южной Европы, в том числе в Греции. Последняя надолго стала наиболее уязвимым звеном Европейского союза и фактически оказалась на грани официального дефолта.

Вплоть до начала кризиса в 2008 г. в экономике Греции прослеживалась положительная динамика. По данным Евростата, устойчивый экономический рост в Греции составлял ок. 4% в год с 2000 по 2007 гг., что было связано с низкими процентными ставками, бумом кредитования, увеличением занятости. Кроме того, значительный рост ВВП, например, 5,9% в 2003 г., был частично вызван притоком иностранных инвестиций в связи с проведением летних Олимпийских игр 2004 г. По сведениям Торговой статистики товаров ООН, экспорт Греции, составлявший в 2000 г. \$10,8 млрд, в 2008 г. увеличился до \$25,5 млрд. В то же время показатели импорта возросли с \$29,5 млрд в 2000 г. до \$89,3 млрд в 2008 г.

2008 г. стал для Греции переломным, что было обусловлено резким спадом экономических показателей и связано с углублением мирового кризиса, оттоком инвестиций из страны и снижением уровня экспортно-импортных операций.

---

* Власова Ксения Викторовна, к.полит.н., с.н.с. ИЕ РАН.

Помимо этого, тогда же впервые за последние несколько лет ухудшилось состояние государственного бюджета: если в 2000 г. бюджетный дефицит составлял 3,7%, то в 2008 г. – 9,8%, а в 2009 г. – 15,6%.

Одновременно повысился размер государственного долга Греции, составлявший €141 млрд, или 103,4% от уровня ВВП в 2000 г., и увеличившийся до €263 млрд, или 112,9% от уровня ВВП в 2008 г.

Уровень инфляции поднялся с 2,9% в 2000 г. до 4,2% в 2008 г.

Возросли и показатели безработицы: если в предшествующие годы они постепенно снижались (что тоже было связано с проведением Олимпийских игр), то в 2008 г. безработица составила 7,7%, подскочив до отметки 9,5% в 2009 г., 12,6% – в 2010 г., 21,2% – в 2011 г. и 25,4% – в августе 2012 г.

В этот же период возросли официальные показатели коррупции и административных барьеров: по индексу коррупции Греция в 2011 г. заняла 80 место в мире (наряду с Колумбией, Марокко, Сальвадором, Перу и Таиландом) и предпоследнее место в Европейском Союзе (замыкала список Болгария)¹⁴².

Одним из немаловажных факторов, приведших Грецию к её кризисному состоянию, можно назвать пренебрежение греческим руководством негативными последствиями XXVIII летних Олимпийских игр 2004 г. Первоначально на их проведение планировалось потратить €1,4 млрд. К началу 2000 г. сумма составляла уже €4,6 млрд, а к 2004 г. общий бюджет оценивался в €6 млрд (по окончательным расчётам на проведение Олимпийских игр Греция потратила €9 млрд)¹⁴³. Несмотря на то что Афины провозгласили хозяином Игр ещё в сентябре 1997 г., межведомственные споры, бюрократия и протесты археологов привели к тому, что многие строительные проекты были начаты лишь в 2000 г., и к марту 2004 г. было сдано только 24 из 38 олимпийских объектов. Желание закончить строительство любой ценой

---

¹⁴² Corruption Perception Index 2011. P. 7. URL: http://files.transparency.org/content/download/101/407/file/2011_CPI_EN.pdf.

¹⁴³ Для сравнения: на летние Олимпийские игры в Сиднее 2000 г. было потрачено \$ 2 млрд, в Пекине 2008 г. – \$ 42 млрд, в Лондоне 2012 г. – \$ 14 млрд.

обернулось частыми нарушениями техники безопасности. Проявились просчёты и в завышенных ожиданиях в отношении интереса к Олимпиаде; Греция смогла привлечь гораздо меньше туристов, чем рассчитывала. По данным греческой службы статистики, в год Олимпиады страну посетило на 10% меньше туристов, чем в предыдущий год (14,8 млн туристов в 2003 г. против 14,3 млн в 2004 г.).

Неэффективной оказалась и программа дальнейшего использования Олимпийских объектов. По словам заместителя министра культуры страны Ф. Палли-Петралы, более половины афинских спортивных комплексов почти или совсем не используются. Первая очередь тендеров на долговременную аренду стадионов окончилась неудачно – даже футбольные стадионы, являющиеся наиболее привлекательными объектами, не нашли арендаторов. Проекты по превращению других олимпийских объектов в парки отдыха (например, планировалось переделать искусственный гребной канал в парк водных развлечений) застопорились из-за исков недовольных местных жителей и юридических ограничений в отношении застройки. Всё это легло тяжёлым бременем на бюджет Греции, ведь содержание олимпийских объектов, по разным оценкам, обходится в сумму от €100 до 180 млн ежегодно.

В последующие годы вышеперечисленные факторы способствовали снижению конкурентоспособности экономики Греции и ухудшению как её внутренней, так и внешней ситуации. На фоне экономического кризиса и необходимости принятия жёстких бюджетных мер в октябре 2009 г. в Греции прошли досрочные парламентские выборы, по результатам которых премьер-министром страны стал Г. Папандреу (младший), лидер партии «Всегреческое социалистическое движение» (ПАСОК). Именно на его долю выпало принятие программы антикризисных мер, которые затрагивали проблемы бюджетного дефицита и государственного долга, проведение социальных реформ, приватизацию государственной собственности, повышение налогов и прочее.

С одной стороны, инициированные Г. Папандреу меры оказались весьма непопулярными: любые попытки сокращения со-

циальных программ и дотаций неоднократно приводили к взрыву возмущения в виде разнообразных митингов, забастовок и протестов по всей стране. С другой стороны, проведение подобной жёсткой политики «затягивания поясов» позволило Греции получить экстренную финансовую помощь из фондов Европейского Союза, ЕЦБ и МВФ. Первый пакет финансовой помощи был предоставлен Греции ещё в мае 2011 г. в размере €110 млрд. В феврале 2012 г. министры финансов Евросоюза договорились о выдаче Греции второго транша (€130 млрд), при этом частные кредиторы и инвесторы согласились списать 53,5% задолженности по облигациям в процессе реструктуризации долга Греции. Именно в этом и заключается главная проблема в Греции: слишком велико противоречие между её внутренним тяжёлым положением и объективными требованиями политики бюджетной экономии в обмен на финансовую помощь со стороны международных кредиторов, условия которых не принимаются значительной частью греческого населения.

Предпринятые Г. Папандреу меры кардинально не улучшили внутреннее положение в Греции, привели к его преждевременной отставке в ноябре 2011 г. и проведению досрочных парламентских выборов 6 мая 2012 г. По их итогам ни одна из преодолевших выборный барьер партий не набрала абсолютного большинства голосов. Результатом выборов стала относительная победа правоцентристской «Новой демократии», возглавляемой А. Самарасом (18,85% голосов и 108 мест в парламенте). В свою очередь, «Коалиция радикальных левых сил» (СИРИЗА) под руководством молодого и до этого малоизвестного политика А. Ципраса получила 16,78% (52 места), ПАСОК во главе с Е. Венизелосом – 13,18% (41 место), «Независимые греки» – 10,6% (33 места), Компартия Греции – 8,48% (26 мест), ультраправая «Золотая заря» – 6,97% (21 место), «Демократические левые силы» (ДИМАР) – 6,11% (19 мест). Партии экологов-зелёных (2,93%), «Народный православный сбор» (ЛАОС) (2,90%) и «Демократический альянс» (2,56%) не сумели преодолеть необходимый 3%-ный барьер¹⁴⁴.

Подобные результаты выборов, согласно Конституции Гре-

---

¹⁴⁴ Αποτελέσματα Βουλευτικών Εκλογών. Μάιος 2012. URL: <http://ekloges.ypes.gr>.

ции, предполагают сложную процедуру формирования коалиционного правительства: каждый из руководителей трёх первых прошедших в парламент партий по очереди получает от президента Греческой Республики мандат на формирования правительства. При этом участие или согласие победившей «Новой демократии» должно быть обязательным условием формирования нового кабинета. Однако в ходе многочисленных и трудных переговоров лидеры ведущих партий не смогли прийти к общему решению, что, в свою очередь, повлекло назначение К. Папулясом, президентом Греции, даты новых парламентских выборов – 17 июня 2012 г.

По результатам июньских выборов 29,66% голосов избирателей досталось «Новой демократии» (129 мест в парламенте), 26,89% – СИРИЗА (71 место) и 12,28% – ПАСОК (33 места)¹⁴⁵. Итоги выборов и переговоры лидеров партий позволили в конечном итоге создать коалиционное правительство, куда вошли «Новая демократия», ПАСОК и ДИМАР (6,26 % голосов, 17 мест): именно эти греческие партии выступают за сохранение договорённостей с «тройкой» международных кредиторов и за продолжение политики жёсткой экономии. Новым премьер-министром Греции стал лидер победившей партии А. Самарас¹⁴⁶.

Среди стабилизационных мер осени 2012 г. следует отметить два факта. Во-первых, 8 октября 2012 г. в Люксембурге на встрече министров финансов Евросоюза было объявлено о создании нового постоянного антикризисного фонда – Европейско-го механизма стабильности (в который войдут созданные ранее Европейский фонд финансовой стабильности и Европейский механизм финансовой стабилизации) с общим бюджетом до €780 млрд¹⁴⁷, из которых первую помощь получают Греция и Испания¹⁴⁸.

Во-вторых, 8 ноября 2012 г. на фоне протестных демонстраций парламент Греции утвердил проект бюджета страны

---

¹⁴⁵ Αποτελέσματα Βουλευτικών Εκλογών. Ιούνιος 2012. URL: <http://ekloges.yves.gr>.

¹⁴⁶ Το Βήμα. 21.06.2012.

¹⁴⁷ Frequently Asked Questions on the European Financial Stability Facility (EFSF). P. 2. URL: http://www.efsf.europa.eu/attachments/faq_en.pdf.

¹⁴⁸ Το Βήμα. 08.10.2012.

на 2013 г., в котором бюджетные расходы сокращены на €13,5 млрд за счёт повышения пенсионного возраста, сокращения зарплат и повышения налогов («за» было подано 153 голоса при необходимых 151 из 300)¹⁴⁹, что позволило устранить последние препятствия по перечислению очередного транша в размере €31,5 млрд¹⁵⁰. 26 ноября 2012 г. Еврогруппа и МВФ согласовали новую формулу помощи Греции: выплата основной части кредитов Греции откладывается на 15-30 лет, процентов – на 10 лет. Однако предоставление финансовой помощи (с декабря 2012 г. по апрель 2013 г.) жёстче привязано к выполнению Грецией согласованных с кредиторами мер, особенно к проводимой с января 2013 г. налоговой реформе, подразумевающей введение низких налоговых ставок и упрощённой системы налогообложения, широкое использование новых технологий и устрожение наказания за уклонение от уплаты налогов¹⁵¹.

На фоне происходивших событий становился очевидным тот факт, что «обращение партнёров с этой балканской страной становится всё бесцеремоннее»¹⁵². Приведём только два примера. В мае 2012 г. директор-распорядитель МВФ К. Лагард в интервью британской газете «Гардиан» заявила, что дети в Нигерии больше нуждаются в помощи, нежели жители Афин, и что грекам пора научиться платить налоги¹⁵³.

В августе 2012 г. газета «Файнэншл таймс» совместно с «Харрис институт» провела опрос жителей Германии, Великобритании, Франции, Италии и Испании относительно поло-

---

¹⁴⁹ В ходе утверждения бюджета коалиция «Новой демократии», ПАСОК и ДИМАР оказалась довольно непрочной: последние сокращения расходов на €13,5 млрд в обмен на кредиты Евросоюза и МВФ А. Самарасу пришлось проводить в парламент с участием только ПАСОК, в то время как немногочисленная партия ДИМАР отказала ему в поддержке.

¹⁵⁰ Некоторые сложности в переговорах были вызваны разногласиями между Еврогруппой и МВФ по поводу размера государственного долга, которого Греция должна достичь к 2020 г.: страны ЕС считали, что к этому сроку госдолг сократится с нынешних 170% ВВП до 144%, а к 2022 г. – до 120%. В свою очередь, МВФ настаивал, что необходимо требовать сокращения до 120% уже к 2020 г.

¹⁵¹ Αθηναϊκό – Μακεδονικό πρακτορείο ειδήσεων (AMNA). 06.12.2012.

¹⁵² Независимая газета. 30.01.2012.

¹⁵³ The Guardian. 25.05.2012.

жения Греции в еврозоне и её способности выйти из кризиса. В результате получены данные, достаточно объективно отражающие как традиционно еврооптимистичные (испанские и итальянские), так и евроскептические (британские, немецкие и францужские) настроения в ведущих странах Евросоюза.

Только 59% итальянцев, 45% испанцев и 39% французов считали, что Греции следует остаться в еврозоне (54% немцев и 33% британцев уверены в обратном). При этом 46% испанцев и 43% итальянцев полагали, что остальные члены Евросоюза должны предпринять большие усилия для спасения Греции, а 47% немцев, 43% французов и 37% британцев были категорически не согласны с этим. 77% итальянцев и 57% испанцев считали, что Греция сможет в перспективе выплатить задолженность по кредитам, а 74% немцев, 67% британцев и 64% французов были убеждены, что Греция никогда не сможет этого сделать. 88% итальянцев и 70% испанцев ожидали, что Греция сумеет реформировать свою экономику и не будет нуждаться в дальнейшей поддержке Евросоюза в будущем, а 56% британцев, 50% французов и 49% немцев в этом сильно сомневались. При этом представители всех пяти стран убеждены, что политические лидеры Евросоюза в конечном итоге разрешат кризис еврозоны, и, за исключением британцев (29%), считают, что жёсткие меры экономии в целом негативно повлияли на долговой кризис в Европе.

Постепенно, со второй половины 2012 г. разговоры о возможном выходе Греции из состава еврозоны стали затихать. Её выход из зоны евро грозит одной только Германии, по разным подсчётам, колоссальной потерей от €66 до 80 млрд¹⁵⁴, а Франции – до €50 млрд¹⁵⁵. Таким образом, 2013 г. может стать знаковым для Греции. По словам греческого премьер-министра А. Самараса, после пяти лет лишений, в начале 2013 г. «наступит некоторое облегчение, а во второй половине появятся первые признаки экономического роста»¹⁵⁶.

---

¹⁵⁴ URL: http://info.zdf.de/ZDF/zdfportal/web/heute-Nachrichten/4672/22546452/cf9aa1/Nac_hster-Akt-im-Griechen-Drama.html.

¹⁵⁵ La Tribune. 15.05.2012.

¹⁵⁶ Αθηναϊκό – Μακεδονικό πρακτορείο ειδήσεων (AMNA). 13.12.2012.

**В 2011–2013 гг. были выпущены следующие
доклады Института Европы**

274. Мир XXI века: сценарии будущего для России. Под ред. Ал. А.Громыко и др. ДИЕ РАН, № 274, М., 2011 г.
275. Н.П.Шмелёв, В.П.Фёдоров. Евросоюз – Россия: мера сотрудничества. ДИЕ РАН, № 275, М., 2012 г.
276. Долговой кризис в ЕС и перспективы евро. *Материалы круглого стола, 19 октября 2011 г.* ДИЕ РАН, № 276, М., 2012 г.
277. С.М.Фёдоров. Франция в новых геополитических условиях Европы XXI века. ДИЕ РАН, № 277, М., 2012 г.
278. Н.М. Антюшина. Арктический вызов для национальной и международной политики. ДИЕ РАН, № 278, М., 2012 г.
279. Германия. 2011. Под ред. В.Б.Белова. ДИЕ РАН, № 279, М., 2012 г.
280. Британия в кризисе: тактические меры и стратегические цели. Под ред. Ал.А.Громыко и др. ДИЕ РАН, № 280, М., 2012 г.
281. А.А.Красиков. Ватикан 2000 лет спустя. Римо-католичество между прошлым и будущим. ДИЕ РАН № 281, М., 2012 г.
282. И.С.Гладков. Внешняя торговля России: ретроспективный анализ и современность. ДИЕ РАН № 282, М., 2012 г.
283. Испания после парламентских выборов. Прогнозный анализ. Под ред. В.Л.Верникова. ДИЕ № 283, М., 2012 г.
284. Большое Причерноморье: поиск путей расширения сотрудничества. Под ред. А.А.Язьковой. ДИЕ № 284, М., 2012 г.
285. Россия и государства Апеннинского полуострова на современном этапе. Под ред. Ал.А.Громыко. ДИЕ РАН № 285, М., 2012 г.
286. Перемены в Европе: возможны ли альтернативные модели. Под ред. Ал.А.Громыко, Т.Т.Тимофеева. ДИЕ РАН № 286, М., 2012 г.
287. Что Россия ждёт от Европейского союза? Под ред. Н.Б.Кондратьевой. ДИЕ РАН № 287, М., 2013 г.
288. Глобальные дисбалансы и кризисные явления в мировой экономике. Часть I. Под ред. А.И.Бажана, К.Н. Гусева и др. ДИЕ РАН № 288, М., 2013 г.
289. Глобальные дисбалансы и кризисные явления в мировой экономике. Часть II. Под ред. А.И.Бажана, К.Н. Гусева и др. ДИЕ РАН № 288, М., 2013 г.
290. Юго-Восточная Европа: между прошлым и будущим. Под ред. А.А.Язьковой. ДИЕ РАН № 290, М., 2013 г.
291. Глобальное управление в XXI веке: инновационные подходы. Под ред. Ал.А. Громыко. ДИЕ РАН № 291, М., 2013 г.

«Reports of Institute of Europe» published in 2011–2013

274. The World in the XXI century: Scenarios for Russia. Ed. by Al.A. Gromyko and others. Reports of the IE RAS, № 274, M., 2011.
275. N.P.Shmelev, V.P.Fyodorov. The EU – Russia: a Measure of Cooperation. Reports of the IE RAS, № 275, M., 2012.
276. The debt crisis in the EU and prospects for the euro. Materials of the round table, October 19, 2011. Reports of the IE RAS, № 276, M., 2012.
277. S.M.Fedorov. France in the new geopolitical conditions of XXI century's Europe. Reports of the IE RAS, № 277, M., 2012.
278. N.M.Antyushina. Arctic Challenges for the National and International Policy. Reports of the IE RAS, № 278, M., 2012.
279. Germany. 2011. Ed. by V.B.Belov. Reports of the IE RAS, № 279, M., 2011.
280. Britain in crisis: tactical measures and strategical goals. Ed. by Al.A.Gromyko and others. Reports of the IE RAS, № 280, M., 2012.
281. A.A.Krasikov. Vatican 2000years after. Roman Catholicism between the past and the future. Reports of the IE RAS, № 281, M., 2012.
282. I.S.Gladkov. The foreign trade of Russia: retrospective analysis and the present. Reports of the IE RAS, № 282, M., 2012.
283. Spain after the parliamentary election. The prognosis. Ed. by V.L.Vernikov. Reports of the IE RAS, № 283, M., 2012.
284. Great Black Sea area: the quest for enhanced cooperation. Ed. by A.A.Yazkova. Reports of the IE RAS, № 284, M., 2012.
285. Russia and the Apennines states in the contemporary world. Ed. by Al.A.Gromyko. Reports of the IE RAS, № 285, M., 2012.
286. Changes in Europe: are alternatives possible. Ed. by Al.A.Gromyko, T.T.Timofeev. Reports of the IE RAS, № 286, M., 2012.
287. What does Russia expect from the European Union? Ed. by N.B.Kondratyeva. Reports of the IE RAS, № 287, M., 2013.
288. Global imbalances and world economy crises. Part I. Ed. by A.I. Bazhan, K.N.Gusev and others. Reports of the IE RAS, № 288, M., 2013.
289. Global imbalances and world economic crisis. Part II. Ed. by A.I. Bazhan, K.N.Gusev and others. Reports of the IE RAS, № 289, M., 2013.
290. South-Eastern Europe: between the past and the future. Ed. by A.A.Yazkova. Reports of the IE RAS, № 290, M., 2013.
291. Global Governance in the XXI Century: Innovative Approaches. Ed. by Al.A.Gromyko. Reports of the IE RAS, № 291, M., 2013.